

СВ. ПРОРОКЪ ДАНИИЛЪ.

**ОЧЕРКЪ ЕГО ВЪКА, ПРОРОЧЕСКАГО СЛУЖЕНІЯ
И СВЯЩЕННОЙ КНИГИ.**

Соч. А. Бухарева.

МОСКВА.

**Издание Книгопродавца А. Н. Манухина.
1864.**

Дозволено Цуховною цензурою. С.-П.-В., Ноября 30 дня 1863.

Понрище пророческаго служенія Даніила.

Служеніе св. Пророка Даніила простирается чрезъ все: продолженіе Вавилонскаго плѣна; въ его книгѣ есть откровенія, данныя ему съ одной стороны еще въ первыхъ годахъ царствованія Навуходоносора, а съ другой уже на третьемъ году владычества Кирова. Обстоятельства этого времени весьма важны въ исторіи не только Евреевъ, но и всего рода человѣческаго. Это было не просто эпоха очистительнаго наказанія Іудеевъ плѣномъ, но такое многознаменательное время, когда Ветхо-Завѣтная церковь была потрясена во всемъ составѣ своемъ и на время водворилась плѣнницею среди чуждаго еѣ міра *языческаго*. Слѣдовательно нужно обратить вниманіе на современное Пророку состояніе всего рода человѣческаго.

Въ духѣ язычниковъ того времени замѣчается еще не только направленіе вообще религіозное, только язычески-превратное, но и довольно живая внимательность и чуткость къ Божественному. Такъ, даже послѣ вѣка Даніилова, когда Мардохей, вопреки злоумышленій и надеждъ Амана, былъ почтенъ отъ царя чрезвычайной почестью, то въ этомъ друзья и жена Амановы уже примѣтили десницу

Бога живаго, готовую поразить этого честолюбца, и возвысить Мардохея: *началь еси, говорили они ему, смирятися предъ нимъ, падая падеши, и невозможеша ему отмстити, яко Богъ живой есть съ нимъ* (Есѣ. VI; 13). Такъ, о Даніилѣ, возвѣщавшемъ недовѣдомыя тайны, Навуходоносоръ и другіе язычники говорили, что въ немъ «Духъ святыхъ Боговъ» (IV, 15. V, 11. 14). Но язычество уже до того внутренно видоизмѣнилось, что въ языческихъ вѣрованіяхъ открывался иногда, вмѣсто увлеченія прежнихъ временъ или даже вмѣсто естественной силы навыка и авторитета преданія, одинъ чистый произволъ. Такъ, Навуходоносоръ воздвигаетъ огромную статую и требуетъ ей поклоненія отъ всѣхъ подданныхъ, подъ опасеніемъ грозной казни за противленіе его деспотическому произволу. Или же религіозно-языческіе уставы доходили до очевиднаго и поразительнаго противорѣчія здравому смыслу, такъ что уже не могло быть никакого мѣста искреннему вѣрованію въ подобныя постановленія безумія. Такъ, Дарій Мидійскій издаетъ указъ о поклоненіи и моленіяхъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, только ему одному и самъ же такъ связывается этимъ указомъ, что вопреки ему не можетъ, при всемъ желаніи своемъ, освободить отъ казни невиннаго: самоназванный Богъ, и притомъ предвосхитившій на время чествованіе отъ всѣхъ другихъ боговъ, напрасно спорить съ вельможами своими за Даніила и невольно выдаетъ его ненавистникамъ, внутренно мучится, ночь не спитъ въ безпокой-

ствѣ за Пророка, будучи не въ силахъ спасти его... Немѣлость язычества здѣсь уже не прикрыта никакою личиною или обольстительнымъ призракомъ, и слѣдовательно язычество уже доходило до такой безжизненности, что не давало и ложного удовлетворенія религіознымъ потребностямъ человѣка. Близко было время распадѣнія язычества (*). Неудовлетворенный и неуспокоиваемый въ самыхъ существенныхъ потребностяхъ своихъ, духъ человѣческій естественно долженъ былъ въ мірѣ языческомъ предаваться или закоснѣнію духовному, или же тяжелымъ недоумѣніямъ.

Внѣшнія судьбы и перевороты языческаго міра тѣмъ болѣе располагали къ недоумѣннымъ размышленіямъ. Еще недавно, по праву силы и насилія, Ассиріане преобладали надъ народами; по тому же праву, преобладаніе ихъ подавилъ и на мѣсто его распростеръ свой деспотизмъ надъ міромъ — царь Вавилонскій; этотъ послѣдній, въ свою очередь, при Даніилѣ же долженъ былъ уступить деспотическое преобладаніе надъ міромъ Персидскому завоевателю. Судьбами царствъ и народовъ распоряжались и помыкали сила человѣческая и произволъ имѣющихъ силу. И такъ, что же послѣ этого міръ сей? Что значитъ вся судьба и жизнь

(*) Такъ было на Востокѣ. Эллинское язычество еще имѣло силу очарованія для обольщаемыхъ имъ, но, чуждый духу восточнаго благоговѣнія въ вѣрованіяхъ, эллинизмъ едва ли не глубже, чѣмъ восточное язычество, былъ подкопанъ въ своихъ религіозныхъ основаніяхъ.

человѣческая? Какой смыслъ и послѣдствія всего бывающаго въ мірѣ? Эти вопросы должны были, и въ самомъ язычествѣ, невольно занимать и волновать, по крайней мѣрѣ, высокія души. Такъ, именно великій завоеватель Вавилонскій предавался недоумѣніямъ и размышленіямъ о томъ: что же будетъ за всѣмъ этимъ? Къ чему идетъ или ведется настоящій порядокъ вещей? *Помышленія твоя на ложи твоемъ въздоша*, говорилъ ему Даніиль, *чесому подобаетъ быти по сихъ* (*) (Дан. 11, 29). И такъ языки, по крайней мѣрѣ въ лицѣ высшихъ своихъ представителей, начали съ тоскою ощущать свое удаленіе отъ истины и недоумѣвать о своей судьбѣ.

Въ такомъ состояніи язычниковъ,—если они въ самомъ дѣлѣ не были оставляемы рѣшительно на произволъ случая и свой собственный, а напротивъ были готовимы Промысломъ къ лучшему,—благовременно и потребно было съ силою напомнить имъ объ истинномъ Божествѣ, о владычествующей всѣми царствами и царями небесной Державѣ, возвѣститъ объ опредѣленномъ и грядущемъ спасеніи всего міра.

Что касается до Іудеевъ,—они тогда были подъ великимъ гнѣвомъ Божиимъ, были внѣ земли обѣтованной, безъ храма и жертвъ, подъ игомъ ино-

(*) Что этотъ вопросъ: *чесому подобаетъ быти по сихъ*, не должно понимать въ смыслъ одного празднаго любопытства о будущемъ, это очевидно изъ того, что отвѣтомъ на этомъ вопросъ было великое Божественное откровеніе, данное Навуходоносору.

племенной власти. Это должно было возбудить Іудеевъ отъ духовнаго усыпленія, котораго до толѣ ничто не могло разогнать. И какъ отъятіе дорогаго, но злоупотребляемаго или пренебрегаемаго, предмета обыкновенно заставляетъ уже съ любовію стремиться къ нему и жалѣть о немъ: такъ разрушеніе сѣвнанаго устройства церковнаго, затемненнаго собственнымъ его ветшаніемъ и пороками избраннаго народа, могло болѣе или менѣе оживить для вѣры спасительное значеніе этой законной сѣвны. Дѣйствительно, извѣстная пѣснь плѣнниковъ Вавилона: *на рыкахъ Вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ, внигда помянути намъ Сіона*, — прекрасно выражаетъ мысль объ Іерусалимѣ, какъ живо еще представляющемъ собою, для вѣры, небесную отчизну. Но возбужденной вѣрѣ въ обѣтованную благодать, предъявляемую въ ея образныхъ видахъ и проявленіяхъ, сейчасъ же потребны соотвѣтственная пища и опора; между тѣмъ сѣвнанаго устройство церковное представляло пока однѣ почти развалины. Посему требовалось, чтобы избранному народу, и въ плѣну его, видна была непоколебимая держава Всевышняго Царя Израилева, и чтобы, въ замѣнъ отъятыхъ у Іудеевъ залоговъ грядущей благодати, было предложено вѣрѣ новое удовольствіе въ непреложности обѣтованій благодати.

Правда, еще и прежде, при затемнѣніи значенія образовъ ветхо-завѣтныхъ, были даны церкви (особенно чрезъ Исаію) многія почти Евангельскія откровенія о разныхъ тайнахъ и событіяхъ Христова пришествія и царства. Но надобно сказать, что; у

прежнихъ пророковъ торжество грядущаго Христа, имѣвшее открыться образно въ избавленіи Іудеевъ отъ Вавилонскаго плѣна, и будущее явленіе лично Его самаго представляются на одной общей картинѣ и нерѣдко черты того и другаго сливаются въ одинъ образъ (Почему это было, мы ужъ (*) знаемъ). Теперь, если, по Апостолу, и сами святые пророки въ точности не знали, а только испытывали, на которое и какое время указывалъ въ нихъ Духъ Святый, глаголавшій о Христовыхъ тайнахъ (І Петр. 1, II): то тѣмъ болѣе для прочихъ членовъ церкви было недовѣдомо, вмѣстѣ ли съ избавленіемъ ихъ отъ Вавилонскаго плѣна или еще когда либо въ дальнѣйшихъ за тѣмъ временахъ—вполнѣ откроется пришествіе Христова и вообще обѣтованная Христова благодать. Должно сказать еще болѣе:—Соединеніе у пророковъ предсказаній объ избавленіи Іудеевъ отъ плѣна силою Христовою и о явленіи самаго Христа естественно располагало къ ожиданіямъ явленія обѣтованнаго Христова царства, именно, вмѣстѣ съ концемъ плѣна. Но вотъ этотъ плѣнъ, во время Даніила же, оканчивался; между тѣмъ, съ самымъ возвращеніемъ Іудеевъ изъ плѣна, не только не являлась обѣтованная благодать, но даже и самое сѣновное еократическое устройство, въ своемъ возстановленіи послѣ бѣдствій плѣна, было много бѣднѣе и блѣднѣе прежняго. Одна за другой слѣдовали, почти всемірныя по тому времени, монархія, и Израилю

(*) См. статью „Пророкъ Ісаія.“

не возможно было имѣть даже гражданской независимости. Избранный народъ, наслѣдникъ всемірныхъ обѣтованій, долженъ былъ раздѣлять общую участь современныхъ народовъ и царствъ, — быть предметомъ наслія и деспотическаго произвола преобладателей, и по своей внѣшней ничтожности онъ даже менѣе, нежели иной народъ, могъ надѣяться когда нибудь совершенной самостоятельности. Слѣдовательно, прежнія столь обильныя и свѣтлыя пророчества о временахъ благодати, не довольно раздѣленные у пророковъ отъ предсказаній о концѣ Вавилонскаго плѣна, не только не облегчали тогдашняго великаго испытанія для вѣры, но ставали ее еще въ болѣе трудный и тяжкій подвигъ. Это было нѣчто подобное тому, если бы сиротѣ взывающему къ матери указано было извѣстное мѣсто съ намекомъ на радостное явленіе здѣсь матери, и однако на этомъ мѣстѣ только еще яснѣе оказалось бы бѣдное его сиротское одиночество.... не увеличилась ли бы тягость его сиротства чрезъ самыя прежнія обнадеживанія въ свиданіи съ матерью? Что и Ветхозавѣтная вѣра была въ подобномъ тягостномъ положеніи со временъ уже Кира — освободителя Іудеевъ, ясное доказательство тому есть въ книгѣ самаго Даніила. Самъ Пророкъ, бывшій конечно лучшимъ или первымъ изъ вѣрующихъ того времени; вотъ что говоритъ о себѣ: *въ тѣя дни*, именно уже въ третій годъ Кира, когда, слѣдовательно, Іудеи были уже возвращены въ свою землю съ покровительствомъ имъ царя Персидскаго, и притомъ во дни, назначенные закономъ для тор-

жества пасхальнаго (первыя недѣли перваго мѣсяца), *въ тѣя дни азъ Даніилъ блѣхъ рыдая три седмицы дней, хлѣба воздѣльнаго не ядохъ, и мясо и вино не вниде во уста моя, и мастію не помазахся до исполненія трехъ седмицъ* (10, 2. 3). Такъ-то, въ такомъ-то расположеніи духа, былъ Пророкъ при концѣ плѣна, предрекая который прежніе пророки только предавались восторгу, восхищаясь къ созерцанію самой Христовой благодати! Вмѣсто предреченнаго явленія свѣтоноснаго ея лица съ окончаніемъ плѣна, Даніилъ мысленно видѣлъ свой народъ—этотъ сонмъ избранныхъ, по обѣтованію, чадъ Божіихъ, состоящимъ подъ зависимостію отъ Боговраждебнаго языческаго міра, немѣющимъ достаточной силы и безопасности возстановить Святой градъ и храмъ, озлобляемымъ на своемъ священномъ наслѣдіи—въ землѣ обѣтованной отъ недостойныхъ пришельцевъ Самаріи. Самый праздникъ пасхи, напоминая еще древнее славное избавленіе отъ Египетскаго плѣна, только усиливалъ въ Пророкѣ скорбное чувство настоящаго жалкаго и стѣсненнаго положенія избраннаго народа, какое продолжалось и по возвращеніи изъ Вавилонскаго плѣна,—хотя прежніе пророки, напримѣръ Исаія, провидя окончаніе этого плѣна чрезъ Кира, съ восторгомъ указывали притомъ и на открытіе въ Израилѣ благодатнаго Царства Божія. Удивительно ли, что Даніилъ, вмѣсто радости пасхальнаго праздника, —*въ тѣя дни блѣхъ рыдая три седмицы дней* и не вкушалъ хлѣба *воздѣльнаго* и проч?

Въ такихъ мракахъ вѣры крайне потребенъ былъ для церкви свѣтъ новыхъ откровеній о грядущей благодати. И именно требовалось для вѣры, чтобы обѣтованная область благодати и спасенія была по яснѣе прежняго разграничена отъ обстоятельствъ Ветхо-Завѣтной гражданской ееоократіи: такъ какъ, собственно отъ недостатка такого разграниченія, у прежнихъ пророковъ, и происходило теперь особое затрудненіе для вѣры. Потребно было дать церкви опредѣленное и обстоятельное путеводство на все время упадка древле процвѣтавшей ееоократіи: иначе же при упадкѣ или униженіи сѣноваго ееоократическаго порядка вещей, когда притомъ прежнія пророчества о грядущемъ Христовомъ Царствѣ могли казаться относящимися къ этому самому времени послѣ плѣна Вавилонскаго, — Ветхо-Завѣтная вѣра необходимо оставалась бы безъ твердой опоры и на самыхъ темныхъ распутіяхъ.

Наконецъ вообще состояніе тогдашняго человѣка было таково, что во 1-хъ, человѣкъ уже не успокоивался на одномъ непосредственномъ познаніи предметовъ и на преданіи, но начинала уже въ немъ пробуждаться потребность дознавать предметы отчетливою мыслию, рождались вопросы любопытательные. Доказательствомъ тому — служить не только духовное любовѣдѣніе, видное въ Даніилѣ, но и то, что даже Навуходоносоръ задавалъ себѣ вопросы о дѣлахъ и судьбахъ міра. Это требовало такого Божественнаго руководства, которое отчасти и было бы преподаваемо по вопросамъ самаго человѣка, отчасти давало бы ему самому вы-

водить изъ своихъ внушеній должны и нужные результаты или примѣненія. Такому предназначенію духовной самодѣтельности въ спасаемомъ человѣкѣ естественно было обозначаться, предъ окончаніемъ Ветхо-Завѣтнаго воспитанія этого человѣка, какое было дано ему подъ непосредственнымъ руководствомъ Божіимъ. Во 2-хъ, человѣкъ еще и въ естественномъ состояніи не вовсе лишился способности и пріемлемости къ начавшимся въ Эдемѣ и по паденіи отчасти продолжавшимся нагляднымъ, доступнымъ для чувствъ, явленіямъ изъ міра горняго: доказательство тому представляютъ Божественныя откровенія и явленія, бывшія по свидѣтельству Даніиловой книги и язычникамъ. Впрочемъ, земнородное естество, нѣкогда свѣтло отражавшее Божественные и духовные предметы, теперь является уже столь далекимъ отъ этихъ послѣднихъ, что и великій Пророкъ при явленіяхъ изъ духовнаго міра трепеталъ до крайняго изнеможенія, продолжавшагося иногда *на дни многи* (8, 27). Такое состояніе человѣка дѣлало возможнымъ и привлекало къ спасаемому человѣку Божественное руководство—правда, еще на Ветхо-Завѣтныхъ началахъ, но уже одно изъ послѣднихъ и заключительныхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, — такое руководство, которое точнѣе опредѣляло бы отношеніе къ земному небеснаго и духовнаго.

И такъ великому Пророку Даніилу, по его времени, подлежало вообще такое великое пророческое поприще. Относительно міра языческаго, ему подлежало быть созерцателемъ и истолкователемъ,

или самымъ органомъ небеснаго напоминанія язычникамъ объ истинномъ Богѣ и Владыкѣ всего міра и о грядущемъ всемірномъ Царствѣ Его благодати. Для плѣннаго же Божія народа онъ долженъ былъ явиться непоколебимымъ ничѣмъ орудіемъ и провозвѣстникомъ Державы Всевышняго Царя Израилева, благовѣстникомъ непреложнаго спасенія, неограничиваемаго предѣлами и условіями сего міра и сей жизни, путеводителемъ ихъ чрезъ свои пророчества на все примрачное время упадка древней еоократіи. И притомъ его назначеніе было такое, чтобы быть однимъ уже изъ послѣднихъ служителей Вѣтхо-Завѣтнаго воспитанія человѣчества, — такимъ, который предназначалъ бы уже духовное разумѣніе, свойственное Ново-Завѣтнымъ временамъ, и яснѣе открывалъ бы значеніе для земли небеснаго и благодатнаго.

—

Особенныя духовныя свойства Даніила и внѣшнія обстоятельства его жизни.

Даніилъ, по своимъ личнымъ достоинствамъ и по своимъ положенію и обстоятельствамъ въ жизни, совершенно соотвѣтствовалъ своему высокому и многостороннему пророческому назначенію.

Онъ происходилъ изъ знаменитаго рода въ Іудейскомъ племени — или изъ вельможескаго или даже изъ царскаго (смотр. Дан. 1, 3. 6); отличался превосходными дарованіями и способностями, и въ особенности любознательнымъ и обширнымъ умомъ (ст. 4). Онъ взятъ былъ въ плѣнъ еще прежде разоренія Іерусалима и въ цвѣтущей юности. Впечатлѣнія крайняго упорства и нечестія Іудеевъ тогдашняго времени не могли еще преогорчить души его, какъ то видно напр. въ Іереміи и Іезекіилѣ. Но грозные суды Божіи, совершавшіеся надъ избраннымъ народомъ, должны были сильно дѣйствовать на юную размышляющую душу, глубоко смирать ее предъ Богомъ и исполнять живымъ участіемъ въ бѣдствіяхъ отечества. Поэтому, конечно, Прор. Іезекіиль и поставляетъ Даніила въ рядъ праведниковъ — ходатаевъ за грѣшныхъ. Въ Вавилонѣ плѣнный юноша, вмѣстѣ съ тремя подобными ему товарищами, вскорѣ былъ отличенъ по своимъ нообыкновеннымъ достоинствамъ и избранъ, по распоряженію царскому, къ придворному назначенію. Трехгодичное высшее воспитаніе, при царскомъ дворцѣ, давало пищу его любовѣдѣнію и служило къ раскрытію его обширныхъ умственныхъ способностей (ст. 17); а жизнь и постоянное обращеніе между язычниками давали случаи къ подвигамъ вѣры и вѣрности отечественному закону Божіа народа (ст. 8—16), — такъ, напримѣръ, Даніиль, съ тремя своими товарищами, не хотѣлъ принимать пищи и съ царскаго стола, чтобы не

оскверниться язычествомъ (*). Слѣдствіемъ того и другаго было то, что Данилъ, вмѣстѣ съ своими тремя друзьями, не только далеко превзошелъ туземныхъ учениковъ и самыхъ учителей успѣхами во всякой книжной премудрости, во всякомъ глаголь премудрости и умънія (1, 17. 20), но даже онъ достигалъ духовнаго и Божественнаго разумѣнія недовѣдомыхъ тайнъ: *разуменъ бысть во всякомъ видѣніи и соніяхъ* (ст. 17). Посему-то Прор. Іезекіиль хвалился и предъ язычниками безпримѣрною мудростію Данила и ею посрамлялъ языческую гордость. По окончаніи его воспитанія самъ царь испыталъ необыкновенные успѣхи его въ книжной наукѣ, — а вскорѣ имѣлъ случай дознать поразительнымъ опытомъ и Божественную въ немъ премудрость (въ истолкованіи извѣстнаго Навуходоносорова сна). И Данилъ поставленъ былъ главою касты маговъ или мудрыхъ, имѣющей столь высокое значеніе на древнемъ Востокѣ и тогда особенно знаменитой мудростію въ Халдейскомъ царствѣ, и также однимъ изъ первыхъ государственныхъ сановниковъ. Это чрезвычайное гражданское служеніе проходилъ Пророкъ не только при Навуходоносорѣ, но и при его преемникахъ (VIII, 27. сл. 1 ст.), хотя, можетъ быть, не всегда находился при царскомъ дворѣ (ст. 2.). Государственное значеніе его не пало, даже съ

(*) Видъ въ ветхозавѣтное время вещественное и чувственное давало въ себѣ ощущать силу того или другаго духовнаго.

падєніємъ не только Навуходоносоровой династіи, но и самой Вавилонской монархіи (ст. 2); онъ былъ въ той же силѣ и при дворѣ Мидо-Персидскомъ (ст. 6): *Даніилъ управляше въ царствѣ Даріевъ и въ царствѣ Кира Персянина.*

И такъ Даніилъ, съ достоинствомъ и направлєніємъ великаго и притомъ Богопросвѣщаемаго мужа, находился постоянно при самомъ средоточіи Вавилонской и Мидо-Персидской монархій, которыхъ сила и власть простиралась тогда и на многіе народы, а виды и замыслы — на весь извѣстный тогда міръ (*). Слѣдовательно справедливо можно сказать, что Даніилъ былъ при средоточіи всего современнаго языческаго міра. Ему было удобно обнимать судьбы и перевороты міра, располагающіе (какъ уже мы знаемъ) къ глубоко-недоумѣннымъ размышленіямъ; ему было вполнѣ извѣстно все достояніе языческой мудрости, и слѣд. также недоразумѣнія и вопросы язычника. Ему не могла быть не понятною потребность напомнить деспоту Востока о Всевышнемъ, державствующемъ надъ всѣми царями и царствами міра; изъ книги его можемъ примѣтить, что онъ не опускалъ слу-

(*) Это были такія монархіи, которыхъ непосредственная власть иростиралась главнымъ образомъ на ближайшіе народы изъ которыхъ сильнѣйшіе господствовали надъ своими сосѣдями, а эти, въ свою очередь, надъ слѣдующими. Так. обр. понятно, что царская резиденція въ этихъ монархіяхъ была дѣйствительно центромъ всего политическаго міра; почему цари Вавилонскіе и Персидскіе въ своихъ указахъ обращаются вообще ко *всѣмъ племенамъ и народамъ.*

чаевъ явить предъ языками славу небесной державы. (см. гл. IV и V.) и усиливался приблизить ихъ къ мысли о спасающей грѣшныхъ благодати (IV, 24). Потому онъ и оказался готовымъ и совершеннымъ органомъ для Духа Божія къ тому, чтобы для самаго языческаго міра отчасти преподавать, отчасти истолковать откровеніе славы и власти Божіей, сосредоточившей всѣ свои планы въ грядущей благодати.

Далѣе, — какъ Іудей и какъ истинный сынъ Ветхо-Завѣтной церкви, Даніилъ при царскомъ дворѣ, при государственныхъ дѣлахъ, — взорами, воздыханіями и моленіями вѣры обращался и стремился къ опустошенному Сіону, къ разрушенному храму (VI, 10). И такъ какъ съ высоты внѣшняго положенія его въ плѣну и съ его внутренними — умственными и духовными очами, ему точнѣе и поразительнѣе, нежели кому другому, были видны тогдашнее ниспроверженіе сѣноваго церковно — гражданского порядка еоократіи, униженіе и безсиліе Израиля: то понятно, какой тяжкій подвигъ должна была выдерживать его вѣра въ обѣтованія, не имѣя предъ собою обычныхъ и нужныхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ опоръ и залоговъ. Изучилъ онъ и Писанія прежнихъ пророковъ, вникалъ въ обѣтованія Божіи и зналъ изъ св. книгъ, что число лѣтъ, опредѣленное на *скончаііе запусіііііі Іерусалимля*, есть именно семьдесятъ лѣтъ (IX, 2.). Однако и въ то время, — какъ это число годовъ Вавилонскаго плѣна уже исполнялось, — Даніилъ, по поводу этихъ же самыхъ обѣтованій Божіихъ объ

избавленіи Іудеевъ, до того озабочивался участію избраннаго народа, или, что то же, дѣломъ вѣры и церкви, что устремлялся только къ одному — *еже* *взыскати молитвы и прошенія въ постъ и во вретници и пепель* (IX, 3.). Видно, государственный и Богопросвѣщенный мудрецъ не много находилъ соотвѣтствія великимъ обѣтованіямъ Божиимъ въ современномъ ходѣ дѣлъ и событій. Мало того, — уже и по возвращеніи Іудеевъ изъ плѣна, ему, при средоточіи политическаго міра, свойственно и близко было видѣть и понять, что перевороты политическіе вовсе не клонятся не только къ возвышенію, но и къ полному возстановленію избраннаго народа; что при движеніяхъ и стремленіи народовъ къ преобладанію одного надъ другими по единственному праву силы и удачи, горсти Іудеевъ неминуемо подлежали одни угнѣтенія и опасности порабощенія, вмѣсто предреченнаго торжества надъ всѣми врагами. Ничѣмъ инымъ нельзя изъяснить той сокрушительной скорби Пророка, которая въ третій годъ Кира до того овладѣла его душой, что онъ забылъ и о Праздникѣ Праздниковъ—(Пасхи), отсталъ отъ покоя, пищи и пятія на нѣсколько недѣль (о чемъ выше уже имѣли мы случай говорить). *Услыши Господи, вопіялъ Даніилъ, о неисполняющихся надеждахъ и назначеніи избраннаго народа — услыши Господи, очисти Господи, вонми Господи и сотвори, и не закосни Тебе ради, Боже мой, яко имя Твое призвася во ірадъ твоемъ и въ людехъ твоихъ* (II, 19.). Живое участіе любви въ положе-

ніи своего народа увеличивало подвигъ его вѣры, такъ что онъ возвышался до общенія ходатайственной Христовой любви къ грѣшникамъ: *Тебѣ Господи, правда, намъ же стыднѣе лица*, говорилъ праведникъ, приписывая предъ Богомъ и самому себѣ (безъ сомнѣнія не иначе, какъ во Христѣ, или по предощущенію Его ходатайства за грѣшныхъ) всенародные грѣхи, — *согрѣшихомъ, беззаконновахомъ, Господи . . . не на наши правды уповающе повергаемъ моленіе наше предъ Тобою, но на щедроты Твоя многія, Господи* (ст. 8. 15. 18.).

Такъ на самомъ себѣ во всей силѣ испыталъ Даніилъ не отступную, томящую нужду вѣры въ торжественныхъ явленіяхъ власти и силы Всевышняго Царя и Бога Израилева, въ новыхъ удостоеніяхъ о непреложности обѣтованій, въ новыхъ откровеніяхъ благодати, и именно такихъ, чтобы будущія собственныя ея блага и проявленія, предсказанныя отъ пророковъ, ясніѣе разграничить отъ Ветхо-Завѣтныхъ образовъ благодати въ гражданскихъ видоизмѣненіяхъ или въ благахъ жизни сей и чтобы, на все продолженіе темнаго для Ветхо-Завѣтной вѣры времени, — именно на время народнаго изнеможенія и упадка ееоократіи, сообщить точное и обстоятельное путеводительство. Тяжко было праведнику это испытаніе отъ современныхъ великихъ затрудненій и потребностей вѣры. Но въ то же время, усиленнымъ подвигомъ вѣры, смиренія, молитвы, любви, онъ возвышался до общенія Духа Христова и такимъ образ. оказался избраннымъ сосудомъ Св. Духа для пріятія и провоз-

глашенія потребныхъ для церкви и міра новыхъ откровеній.

Кому другому, наконецъ, свойственнѣе было какъ ощутить возникающее направленіе человѣка къ отчетливости въ изслѣдованіи предметовъ, такъ, подъ осященіемъ Св. Духа, отчасти предначать духовную разумность и отчетливость Ново-Завѣтной вѣры, — кому, какъ не любопытательному и ученому Даніилу? Такъ сами небожители съ любовью — и удовлетворяли и отчасти сдерживали духовное любовѣдѣніе Пророка. «Даніиле, ты поди изъ сей жизни,» сказано было ему наконецъ отъ Ангела послѣ откровенія, не совсѣмъ еще удовлетворившаго точную любопытательность праведника, . . . «отойди изъ жизни сей до конца времени и покойся. . . . слова сіи закрыты до послѣд. времени» (ст. 9. 13. глав. XII). Такъ же и тайну отношенія міра духовнаго къ земному, при значительномъ затмѣніи въ послѣднемъ отраженіи перваго и при разграниченіи земнаго отъ духовно — небеснаго, кому свойственнѣе было проникнуть и точнѣе опредѣлить, какъ не Пророку, обладавшему нарочитымъ даромъ разумѣнія тайнъ, какъ-то: видѣній, сновъ и проч.? И предъ духовными очами Пророка Даніила, дѣйствительно, также бывала по временамъ открыта область міра духовнаго, какъ предъ нашими чувственными очами открытъ нашъ земной міръ.

Раскрывъ пророческое поприще, подлежащее Даніилу соотвѣтственно его личнымъ особенностямъ и обстоятельствамъ, удобно можемъ разсматривать со-

держаніе его книги (*). Разныя и уже намъ извѣстныя стороны назначеннаго ему поприща, даютъ достаточное основаніе къ тому, чтобы, для удобства обозрѣнія, разложить и раздѣлить содержаніе Давидовою книги такимъ образомъ. Сначала рассмотримъ изображенныя въ книгѣ дѣла и откровенія Божіи, имѣвшія отношеніе не только къ Израилю, но и къ самымъ язычникамъ. Потомъ, внимемъ въ смыслъ откровеній, данныхъ собственно по обстоятельствамъ и затрудненіямъ избраннаго народа, — при чемъ увидимъ и указанія въ книгѣ, на отношеніе міра духовнаго къ земнороднымъ, и нѣкоторое предначатіе воззрѣній на предметы, представляющихъ въ себѣ уже духовную отчетливость Ново-Завѣтной вѣры.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ ПР. ДАНИЛА.

1. Дѣла и откровенія Божіи, простирающіяся чрезъ Израиля и на язычниковъ.

Дѣла и откровенія Божіи, имѣвшія отношеніе и къ языкамъ, можно слѣдить по порядку ихъ въ са-

(*) Надобно замѣтить, что только первыя 12 главъ, и то съ исключеніемъ пѣсни отроковъ, составляютъ каноническую кни-

мой книгѣ. (Ибо это не только ви́шній хронологическій, но и внутренно - послѣдовательный порядокъ какъ увидимъ). Основная мысль и цѣль этихъ Божественныхъ дѣлъ и откровеній, есть, соотвѣтственно требованію времени, проявленіе и предъязыками всесодержащей державы истиннаго Бога и грядущаго вѣчнаго царства благодати. Держава Всевышняго, съ своими намѣреніями и опредѣленіями объ открытіи въ будущемъ своей благодати, сначала собственно просвѣщаетъ духовное недоумѣніе и невѣдѣніе язычниковъ (I—III глав.); далѣе, противящихся изъ нихъ смиряетъ, и кающихся спасаетъ, прославляемая ими (IV гл.); наконецъ, упорныхъ низлагаетъ, а благосознательными исповѣдуется достопокланяемою для всего міра, — вѣчною, всемошною и спасающею (V—VI. глав.).

Уже то самое, что воспитываемые при дворѣ Навуходоносора отроки Іудейскіе и первый изъ нихъ Давидъ не прикасались къ роскошамъ отъ царской трапезы и, питаясь одними сѣменами съ водою, отличались болѣе цвѣтущимъ видомъ и здоровьемъ, нежели ихъ товарищи, и потомъ въ познаніяхъ оказались предъ самимъ царемъ далеко превзошедшими Вавилонскихъ мудрецовъ (см. 1 гл.), — уже это одно должно было обратить на нихъ ува-

гу св. Пророка Давида, одну изъ книгъ слова Божія, а все остальное относится къ неканонической части Св. писанія, или къ духовно-воспитательнымъ опытамъ самой вѣры вразумляться въ словѣ Божіемъ. Мы въ своемъ очеркѣ будемъ слѣдить собственно каноническую книгу Давида.

жительное вниманіе язычниковъ, давая примѣтять осященіе ихъ Вышнею силою. Это тѣмъ болѣе, что въ Даниилѣ, уже при воспитаніи его, проявлялись начатки небесной премудрости, — разумнѣія таинъ (1, 17). Но все это еще было не болѣе, какъ приготовленіе и предварительная мѣра дѣла Божія для языковъ.

Для произведенія самаго своего дѣла, Всевышній (если выразиться человѣкообразно) останавливаетъ пренебесный свой взоръ на самомъ царѣ Вавилонскомъ (котораго можно назвать главою вообще современнаго политическаго міра), и на него возлагаетъ свою десницу. Почему это? — для уразумѣнія сего нужно имѣть понятіе объ этомъ властелинѣ народовъ. Навуходоносоръ, несомнѣнно, представляетъ въ себѣ великую духовную природу. Необыкновенно сильный и открытый характеръ, соединенный съ умомъ пронизательнымъ и глубокомысленнымъ, — вотъ его личныя особенности, когда вникнемъ въ его поступки. Если деспотъ Востока не зналъ предѣловъ своего произвола, то такую чрезвычайность виѣшняго величія и власти Навуходоносоръ достаточно наполнялъ внутреннею силою и величіемъ своей природы. Для доказательства довольно указать на тотъ случай, при которомъ открылась вся непоумѣрность Восточнаго деспотизма и гордости въ Навуходоносорѣ. Это — случай, соприкосновенный къ разсматриваемому нами Божию дѣлу. За неумѣнье напомнить царю забытый имъ ночной сонъ, изрекается отъ него приговоръ казни всѣхъ мудрецовъ, — цѣлой высшей касты государ-

ства. Почему же такъ? Не по одному произволу горделиваго деспота мудрецы выдавали себя и всѣми были признаваемы за вѣдателей всѣхъ таинъ, за разрѣшителей всѣхъ узловъ, и отсюда происходило великое ихъ государственное значеніе, великія права. Навуходоносоръ срываетъ съ нихъ маску, не затрудняясь ея вѣковою неприкосновенностію и даже священнымъ характеромъ, и безпощадно казнить ихъ, какъ уличенныхъ государственныхъ обманщиковъ: «я знаю точно, точно (такъ самъ онъ изъясняетъ причину своего приговора).... Вы выдумываете сказать мнѣ что нибудь ложное... Расскажите, (т. е. напомните) мнѣ сонъ, и я буду увѣренъ, что вы и смыслъ его объяснить можете.» Не правдали, что это страшный деспотъ, но съ необыкновенною царственною проницательностію и энергією? И какъ просто онъ поставляетъ на видъ фальшивость мнимыхъ выдателей таинъ! Не въ состояніи узнать, какой онъ видѣлъ сонъ, какъ они могли бы узнать тайну смысла этого сна, тайну Высшей мысли, выраженной въ снѣ?! Съ такимъ величіемъ духовной своей природы Навуходоносоръ не по вѣшнему только значенію, но и внутренно былъ истинный представитель и вождь современнаго языческаго міра и своего вѣка. А потому естественно онъ первый долженъ былъ испытать тѣ духовныя недоумѣнія и встрѣтиться съ тѣми вопросами, къ какимъ вела язычниковъ современность. Онъ же, какъ сейчасъ мы видѣли, уже угадывалъ призрачность пресловутой, доселѣ удовлетворявшей

міръ своими обольщеніями, мудрости язычества (*). Дѣйствительно, имъ овладѣвали, — его даже въ ночномъ успокоеніи преслѣдовали вопросы и недоумѣнія о мірѣ и его судьбахъ: *помышленія твоя на ложи твоємъ взыдоша, чесому подобаетъ быти по сихъ, — взыдоша*, т. е. приходили сами собою, какъ бы невольно, какъ обыкновенно возникаютъ неотступныя глубокія или сильно озабоченныя думы. Въ такомъ-то его состояніи, когда онъ мыслилъ, можно сказать за весь языческій міръ о судьбахъ міра, и слѣд. въ самомъ духѣ былъ представителемъ и главою язычниковъ, — Всевышній и благоволилъ ему, а въ лицѣ его и вообще языкамъ, явить свою державу и свои тайны. Это было такимъ образомъ.

Навуходоносоръ, среди своихъ размышленій, заснулъ, и когда чрезъ это душа его отрѣшилась отъ всѣхъ развлекающихъ ее внѣшнихъ впечатлѣній, Господь отверзаетъ ея внутреннія очи къ созерцанію того, о чемъ онъ недоумѣвалъ. Онъ видитъ огромное тѣло, которое «стояло предъ нимъ въ чрезвычайномъ свѣтѣ и котораго видъ былъ страшный» (Подлинныя слова книги.). На тѣлѣ этомъ голова изъ чистаго золота, грудь и руки серебряныя, чрево и бедра мѣдны, голени желѣзныя, ноги частію желѣзныя, частію глиняныя, и вотъ не человѣческими рука-

(*) Здѣсь разумѣется мудрость собственно восточнаго язычества. Впрочемъ мудрость вавилонскаго язычества, на сколько она была язычески-религіозная, заимствовалась съ востока же; а на сколько она была самостоятельна, она уже подрывала язычество.

ми, а самъ собою отторгся отъ горы камень, ударилъ въ желѣзныя и глиняныя ноги и разбилъ «все чудовищное тѣло и самъ бысть гора велика и наполни всю землю (ст. 35). Такъ, соотвѣтственно Вавилонскому образу представленія, *возвѣсти Богъ великій царю*, а въ лицѣ его всему языческому міру, *имже подобаетъ быти по сихъ* (ст. 45), разрѣшая прямо глубокіе, занимающіе и затрудняющіе его, вопросы.—Но это Божественное просвѣщеніе языческаго духовнаго недоумѣнія и невѣдѣнія не могло достигнуть своей цѣли безъ удостовѣренія язычника въ своей Божественности и безъ точнаго раскрытія своего смысла. И Господь продолжаетъ свое дѣло надъ царемъ Вавилонскимъ.

Навуходоносоръ, потрясенный чрезвычайнымъ видѣніемъ до глубины души, проснулся; но только невольный трепетъ предъ Божественнымъ осѣненіемъ продолжался въ его духѣ, а сонъ вышелъ изъ сознанія. Царь чувствовалъ, что духовная пища, которой такъ алкала его душа, была уже въ его устахъ. Неудовлетворенный, а только раздраженный духовный глѣдъ теперь тѣмъ болѣе томилъ его и приводилъ въ страшное нетерпѣніе. Откровеніе, какъ молнія, освѣтило заблудшаго язычника, недоумѣвающего о томъ, куда ему идти, и сейчасъ же, какъ молнія, сокрылось: и затѣмъ, какъ естественно бываетъ, только темнѣе стало въ глазахъ его. Языческая мудрость, поѣтому случаю, сдѣлала только то, что не могла скрыть своей ничтожности и своихъ лживыхъ притязаній. Мудрецы вавилонскіе, хвалившіеся вѣдѣніемъ таинъ; не мог-

ли угадать забытаго Навуходоносорома сна; а изъ этого самаго Навуходоносора заключилъ, что они только обманываютъ, когда вообще берутся толковать недовѣдомыя тайны. Грозно осудивъ несостоятельныхъ предъ истинною мудрецовъ, а въ лицѣ ихъ и самую мудрость язычества, царь чрезъ это только рѣшительно бросилъ въ грязь единственный, хотя и мнимый, свѣточъ, какой дотолѣ еще былъ въ рукахъ его среди мрака. Въ такомъ-то тягостномъ его состояніи, продолжавшемся притомъ нѣкоторое время, — истинно Ангеломъ Божиимъ является къ нему Даніилъ. Испросивъ у Бога откровеніе тайны молитвою, при соучастіи въ молитвенномъ подвигѣ и друзей его — трехъ товарищей по плѣну и воспитанію, — Даніилъ, отъ имени Небеснаго Бога, пересказываетъ царю, предшествовавшее сну, духовное его состояніе и оживляетъ въ его сознаніи самый сонъ, имъ забытый. И вотъ удостовѣреніе для Навуходоносора, что какъ самый чрезвычайный сонъ его, такъ и настоящій вѣстникъ и истолкователь сна — истинно отъ Бога, — сердцеувѣдца, открывающаго тайны! «По выслушаніи сего, говоритъ св. Ипполитъ о рѣчи Даніила, Навуходоносоръ припомнилъ свой сонъ и призналъ, что и сказанное отъ Даніила истинно» (*). Удостовереніе во всей точности согласно съ требованіемъ Навуходоносора, которое онъ высказалъ еще волхвямъ: «расскажите мнѣ сонъ, и тогда вашему толкованію сна повѣрю».

(*) Maij. in. Dan. p. 35.

Когда же глубокая душа царя Вавилонскаго, при посредствѣ Даниила, уже была открыта для усвоенія себѣ Небеснаго озаренія, къ нему простертаго, тогда Пророкъ раскрываетъ ему и значеніе ночнаго его видѣнія.

Для точнѣйшаго уразумѣнія этого пророческаго истолкованія, нужно напередъ опредѣлить, во первыхъ, истинную точку зрѣнія, съ какой должно смотрѣть на предметы въ пророчественномъ сновидѣніи и въ его истолкованіи, и, во вторыхъ, самый образъ представленія предметовъ въ пророчествѣ. — И такъ, во первыхъ, *политическую ли* (понимая это слово въ употребительномъ у насъ поверхностномъ или *внѣшне - мірскомъ значеніи*) судьбу міра изображаетъ это пророчество, или что другое? Но мы уже въ самыхъ размышленіяхъ Навуходоносора о томъ, *чему подобаетъ быти по силѣ*, нашли собственно не мірское мудрованіе, не внѣшне-политическое соображеніе, но духовное недоумѣніе о судьбѣ собственной и міра. Вникая же съ самое пророчество, не можемъ не примѣчать, что и въ сновидѣніи и въ истолкованіи его главное и существенное, что имѣется въ виду или поставляется на видъ, есть таинственный *камень* или царство Божественное и вѣчное (2 гл. 44 и 45 ст). Всевышній указываетъ земнороднымъ собственно на то, какъ откроется этотъ таинственный *камень*, это небесное царство на землѣ, въ которомъ исполняется все назначеніе человека и міра. Следовательно, что говорится въ этомъ пророчествѣ о царствахъ собственно земныхъ или царствахъ міра сего, все это говорится по отношенію къ Божественному *царству не отъ міра сего*, а отнюдь не по внѣшне - политическому значенію и

внѣшней важности самыхъ тѣхъ земныхъ царствъ. Въ какомъ же отношеніи эти послѣднія царства поставлены въ пророчествѣ къ царству Божественному? Не въ отношеніи ли только времени (—т. е. въ томъ отношеніи, сколько царствъ должно еще пройти до явленія царства Божественнаго)? Это такъ; но не совсѣмъ довольно одного этого. По символическому видѣнію, камень сокрушаетъ всѣ составы видѣннаго тѣла; по пророческому истолкованію видѣнія, царство Божественное разрушаетъ земныя царства. Слѣд. эти послѣднія (т. е. царства мірскія, представленныя въ видѣніи) берутся во вниманіе, на сколько они несовмѣстны съ царствомъ Божественнымъ и отрѣваются отъ него, или, что тоже, на сколько чужды и враждебны ему и низлагаются отъ него (*). И такъ въ пророчествѣ открывается собственно то, послѣ сколькихъ царствъ, именно неблагопріятныхъ царству Божественному и силою его низлагаемыхъ, — откроется наконецъ это Божественное царство, сущее не отъ міра сего. — Это соображеніе, основанное на самомъ существѣ соображаемаго предмета, т. е. разсматриваемаго пророчества, подтверждается еще и прочими пророчествами Даніиловой книги: ибо увидимъ, что въ этихъ послѣднихъ пророчествахъ земныя царства берутся во вниманіе также собственно въ отношеніи къ царству Божественному, и въ томъ самомъ отношеніи къ нему, какое здѣсь нами показано. И такъ раскрыта и опредѣлена настоящая точка зрѣнія пророческаго.

(*) Напротивъ, все лучшее въ этихъ царствахъ, все свѣтящееся въ нихъ тѣмъ лучами добра и истины — принадлежитъ уже области таинственнаго клина, области благодатнаго царства Божія, какое имѣло открыться во Христѣ.

Что касается, во вторыхъ, до образа пророческаго представленія предметовъ, — замѣчательно въ сновидѣніи то, что громадное символическое тѣло во всѣхъ своихъ составахъ представляется разрушеннымъ вдругъ ударомъ таинственнаго камня, или даже напередъ разбиваются ноги скудельно-желѣзные и вслѣдствіе уже того разрушается все тѣло: *удари въ нозѣ желѣзны и скудельны, истини ихъ до конца. Тогда сотрошася вкупѣ скудель, желѣзо, мѣдь, серебро и золото* (ст. 34 и 35). Равно и въ пророческомъ истолкованіи видѣнія указываются одно за другимъ разныя царства, и потомъ дѣлается общее, касательно всѣхъ ихъ, замѣчаніе: *во дни царей тѣхъ возставитъ Богъ небесный царство, еже... истинитъ и развѣстъ вся царства сіи*, какъ дополнено въ подлинникѣ (ст. 44). Правильно ли поймемъ мы пророчество, когда, въ соотвѣтствіе показанному образу пророчественнаго созерцанія, будемъ представлять себѣ возникающія одно за другимъ царства и существующими совокупно до самаго открытія царства Божія, которое начнетъ дѣло низложенія враждебныхъ царствъ съ послѣдняго изъ нихъ и потомъ разсѣетъ ихъ всѣ вдругъ? Очевидно невѣрно будетъ такое толкованіе: оно опровергается самими событіями. Напр. Вавилонское царство — эта, по прямому изъясненію Даніила, золотая глава тѣла — исчезло за сколько времени до явленія въ мірѣ царства, сущаго не отъ міра сего! Да и въ самомъ текстѣ есть указаніе на преимущество царствъ, не только по своему появленію, но и по паденію: *и послѣди тебе*, т. е. Вавилонскаго царя, *возстанетъ и проч.* (ст. 39).

Слѣд., когда представляются въ пророчествѣ всѣ провидѣнныя враждебныя царства разрушаемыми вдругъ силою открывшагося Божія царства: это означаетъ не то, что, уже съ открытіемъ этого

послѣдняго царства, падутъ всѣ прочія царства, но только то, что они будутъ низлагаемы *силою грядущаго за ними вѣчнаго царства*, между тѣмъ низложеніе ихъ, какъ и возникновеніе, будетъ преемственное—одного за другимъ (*). Нужно только изъяснить пророческое представленіе, повидимому не довольно точное. Низложеніе и паденіе каждаго изъ этихъ царствъ составляетъ единое торжество надъ ними царства Божія, имѣвшаго открыться за ними на землѣ. Отсюда произошло это пророческое представленіе гибели совокупно всѣхъ составовъ символическаго тѣла отъ одного удара таинственнаго камня; оно выражаетъ самое существо дѣла. Пророческое же истолкованіе соннаго видѣнія слѣдовало порядку и образу самаго сновидѣнія.

И такъ, сообразно съ пророческою точкою зрѣнія на предметъ и съ образомъ пророческаго представленія, изъясненіе пророчества должно быть таково: указанныя пророческимъ откровеніемъ земныя или мірскія царства должны мы разсматривать только въ отношеніи къ ихъ боговраждебности (**) и условливаемой ею несовмѣстности ихъ съ царствомъ Божиимъ, и притомъ, слѣдя преемственное возникновеніе ихъ одно за другимъ, долж-

(*) Въ другихъ параллельныхъ сему пророчествахъ Давіида яснѣе высказывается мысль о преемственномъ разрушеніи земныхъ царствъ, какъ увидимъ ниже.

(**) Слѣдовательно на сколько и эти царства имѣли бы какіе либо остатки или начатки добра, на столько они входили бы уже, разумѣется—по предваряющей только благодати, въ составъ грядущаго всемірнаго царства благодати. Такъ въ послѣдствіи ап. Павелъ находилъ и указывалъ отвѣтъ Христовой истинѣ и у Еллиновъ (Дѣян. XVII, 23, 28), хотя Еллинское царство было въ числѣ четырехъ низлагаемыхъ Боговраждебныхъ царствъ.

ны указывать и преемственное ихъ низложеніе одного за другимъ силою грядущаго за ними вѣчнаго царства Благодати.

Приступимъ теперь къ подробному объясненію. — *Сей есть сонъ*, сказалъ Пророкъ Навуходоносору, напомнивъ ему его сновидѣніе, и сказаніе (толкованіе) его речемъ. Ты царю, царь царей, ему же Богъ небесный царство даде крѣпкое и державно и честно. Во всякомъ мѣстѣ, идѣже живутъ сынове человѣчи, и звѣріе польстѣи, и птицы небесныя, и рыбы морскія далъ есть въ руку твою, и поставилъ тя властелина всѣмъ (Дан. гл. 2, ст. 37—38). (Нельзя не припомнить здѣсь подобныхъ словъ о Навуходоносорѣ у Іереміи: XXVII, 6—7; XXVIII, 14). Ты еси глава златая: ты — это, какъ видно изъ связи рѣчи, не одинъ Навуходоносоръ, а вообще царство Вавилонское. *Златая глава*: названіе, изъясняемое самимъ Пророкомъ о характерѣ, именно обширности и неограниченности деспота Вавилонскаго царства. Неблагопріятность этого царства Божію царству изъясняется отношеніемъ Вавилонской монархіи къ Израилю — наслѣднику обѣтованій и залоговъ Божественнаго царства. Полный смыслъ пророчества, сообразно съ задачею и представленіемъ Пророка, будетъ такой: «златая глава видѣннаго тобою тѣла означаетъ твое Вавилонское царство, на сколько оно враждебно Божественному царству; — сказать подробнѣе: — означаетъ тебя — завоевателя Іерусалима, разорителя храма, опустошителя земли обѣтованной, поработителя избраннаго народа, — означаетъ и твоихъ преемниковъ, у которыхъ въ плѣну будутъ оставаться Іудеи — наслѣдники залоговъ и обѣтованій Божественнаго царства, — означаютъ всю твою, не знающую преградъ, силу, и не имѣющую предѣловъ деспотическую власть, те-

перь тяготящую надъ вѣрующими. Но и *златая глава*, — по твоему сновидѣнію, также, какъ и все громадное тѣло, должна быть сокрушена таинственнымъ камнемъ, который имѣетъ самъ собою отторгнуться отъ горы. Это значитъ, что и Вавилонская деспотія, безпримѣрная по своей неограниченности и необузданности, падетъ, низложенная силою грядущаго Божественнаго царства, существующаго теперь только въ залогахъ и обѣтованіяхъ плѣнниковъ Вавилонскихъ.»

И послѣди тебе, продолжаетъ Пророкъ раскрывать смыслъ видѣнія Навуходоносора, *возстанетъ царство другое, меньшее тебе, еже есть серебро*. Какое же это царство, слѣдовавшее за ниспроверженіемъ Вавилонскаго? Въ VIII главѣ Даниловой книги изображено также паденіе земныхъ царствъ, враждебныхъ царству Божію (ст. 23 и слѣд.); Вавилонское царство здѣсь уже не указано, потому что паденіе его уже наступило. За то первое, слѣдующее за нимъ, названо опредѣленно — царство *Мидо-Персидское* (ст. 20). Въ XI главѣ, гдѣ во всей подробности раскрывается будущая судьба неблагопріятныхъ церкви царствъ, указываются также *Персидскіе цари* (ст. 2). Униженіе (сравнительно съ золотомъ — символомъ Вавилонскаго преобладанія надъ Израилемъ) символическая метатла, знаменующаго Персидское царство, согласно понятію Пророка и золотой главѣ, нужно изъяснить о характерѣ Персидской деспотіи, уже болѣе Вавилона ограниченной во власти и предѣлахъ. Но царство Мидо-Персидское, положивъ конецъ Вавилонскому, дало свободу Іудеямъ и слѣд. было благотѣльно для царства Божія? Такъ (*).

(*) Въ отношеніи къ избавленію Іудеевъ отъ плѣна, царство

Тѣмъ не менѣе справедливо можно брать во вниманіе это царство, и какъ враждебное Царству Божію. Въ книгѣ Даниїла опредѣленно указано такое его отношеніе къ церкви (X, 13—20). Въ самомъ дѣлѣ, при воцареніи Мидійскаго Дарія, Іудеи были еще у него въ плѣну; при самомъ Кирѣ они только получили свободу возвратиться и стронуться въ отечествѣ, но не были достаточно не только снабжены средствами, но и обезопасены отъ недоброжелателей. А главное: народъ избранный—эти граждане Царства Божія—были подданными язычниковъ—царей Персидскихъ. Тогда еще Царство Божіе являлось образно, въ гражданской еееократіи, а не въ Ново-Завѣтномъ духѣ; слѣд. зависимость народа Божія отъ языческаго царя была враждебнымъ нарушеніемъ правъ Царства Божія отъ языковъ.

И такъ, по указанію подобныхъ (параллельныхъ) мѣстъ книги и по соображеніи исторіи, точный смыслъ пророчества о второмъ царствѣ долженъ быть таковъ: «съ паденіемъ Вавилонскаго царства возстанетъ другое царство, посягающее на священныя права Царства Божія. Это царство Мидо-Персидское, у котораго также въ зависимости и во многихъ озлобленіяхъ будетъ народъ Божій. Эта деспотія, и внутренно и внѣшно, будетъ ниже Вавилонской: завоеванія Мидо-Персидскія, дѣйствительно, не такъ будутъ быстры и встрѣтятъ пре-

Персидское служило уже грядущей благодати, и Киръ, царь Персидскій, освободитель Израїля, у Исаїи представленъ образомъ самаго Христа (см. Ис. XLV гл.). Такъ мы выше и замѣтили, что на сколько то или другое царство выходило бы изъ направленія Боговраждебности, на столько оно подходило бы къ составу и духу грядущаго царства благодати.

граду (отъ Грековъ), и закономъ Мидовъ и Персовъ самъ царь ихъ можетъ быть стѣсняемъ (смотр. VI гл.). Отъ мановенія грядущаго царя Божественнаго царства, и Мидо-Персидское царство падеть; Всевышній Царь Израилевъ отмститъ за свои права, которыя Онъ имѣетъ запечатлѣть своею кровію».

Царство же третье, еже есть мѣдь, еже соодолѣетъ всей землѣ. Въ указанныхъ выше подобныхъ пророчествахъ Даніила (см. глав. VIII и X) слѣдующее за Мидо-Персидскимъ царство названо прямо *Еллинскимъ* (VIII, 21. X, 2—3); враждебное его отношеніе къ Израилю, представителю грядущаго Божія Царства, означено тоже ясно (X, 20—21). За Персидскимъ, дѣйствительно, слѣдовало царство Греческое; Александръ Великій исполнилъ это пророчество: *соодолѣетъ всей землѣ*. Извѣстенъ и походъ его на Іудею и подчиненіе ему послѣдней. Смыслъ пророчества, какъ его раскрываютъ подобныя ему мѣста Св. писанія (параллелизмъ) и исторія, таковъ: «за Мидо-Персидскимъ преобладаніемъ, наслѣдники обѣтованной и правъ вѣчнаго Царства Божія, будутъ рабами Греческаго царства, которое возобладаетъ почти надъ всѣмъ извѣстнымъ міромъ. Но и царство Александра Великаго распадется отъ удара таинственнаго камня — отъ побѣдоносной силы вѣчнаго Царства Израилева.» Еллинское царство представлено подъ образомъ *мѣди*, конечно (судя по прежде-раскрытымъ понятіямъ *золота* и *серебра*) — въ знаменованіе характера этого владычества: Еллинское владычество, дѣйствительно, вообще не имѣло ни неограниченности, ни прочной сосредоточенности Вавилонской и Персидской монархій. Вольнолюбивые Греки могли возмущаться и противъ Македонскаго героя и

только въ великой личности его было основаніе силы и связи государства.

И царство четвертое, еже будетъ крѣпко аки желѣзо и проч. (ст. 40—43). Въ изъясненіи этого мѣста, толкователи между собою разногласятъ: одни относятъ пророчество къ Сирійско-Египетскому преобладанію надъ Іудеею, другіе къ Римскому царству. Но не останавливаясь на ихъ взаимныхъ пререканіяхъ, изслѣдуемъ смыслъ пророчества просто, по правиламъ здоровой герменевтики.

Вникая въ самое это мѣсто, находимъ, что въ немъ изображается какое-то враждебное церкви владычество или одинъ изъ видовъ мірскаго преобладанія надъ областію церкви: ибо здѣсь обозначается одно *четвертое царство* въ ряду и числѣ преобладающихъ надъ церковію или враждебныхъ церкви мірскихъ царствъ. И слѣдовательно, когда символъ этого четвертаго преобладанія раздѣляется на двѣ части — одну часть изъ одного желѣза — *голенѣ желѣзны*, и другую часть изъ желѣза и глины вмѣстѣ — *ноги и пальцы желѣзно-судельные*: то этимъ Пророкъ не раздѣляетъ четвертаго царства на два преемственныхъ владычества. Онъ даже не показываетъ двухъ, слѣдующихъ одно за другимъ, видоизмѣненій четвертаго царства, дающихъ ему совершенно различный характеръ въ двухъ разныхъ періодахъ. Пророкъ сначала указываетъ только на упругой и жестокой *характеръ* этого владычества: «и царство четвертое будетъ жестко какъ желѣзо. Какъ желѣзо разбиваетъ и раздробляетъ все, и оно, подобно всесокрушающему желѣзу, будетъ все раздроблять и сокрушать» (ст. 40). Понятіе *желѣза* указываетъ на характеръ этого преобладанія надъ церковію, какъ выше понятія *золота, серебра, мѣди*. Далѣе, изъ сновидѣнія открываетъ Пророкъ духомъ *составъ* того

же преобладающаго надъ церковію владычества изъ двухъ разныхъ элементовъ—одного болѣе жосткаго и твердаго, другаго болѣе мягкаго и рухлаго,—составъ, сообщающій четвертому царству двойность, но единовременную и совмѣстную, а не предполагающую двухъ слѣдующихъ одно за другимъ состояній этого царства: «а что ты видѣлъ, ноги и персты частію глиняные, частію желѣзные, это значитъ, что царство будетъ раздѣлено, и частію въ немъ будетъ твердость желѣзная, поелику ты въ смѣси видѣлъ и желѣзо. А персты ногъ частію желѣзные, частію глиняные, означаютъ, что царство сіе будетъ частію крѣпкое, частію рухлое» (ст. 41—42). Наконецъ, обращаетъ Даніилъ вниманіе и на *образъ и способъ связи* двухъ составныхъ элементовъ четвертаго владычества: — «а что ты видѣлъ желѣзо, смѣшавшееся съ земляною глиною, это значитъ, что они войдутъ въ связь посредствомъ смѣси человѣческаго, но другъ ко другу не будутъ привязаны, такъ какъ желѣзо не смѣшивается съ глиною (ст. 34).» Это значитъ, что связь будетъ такая, что оба составные элементы останутся самостоятельными и между собою несогласными. И такъ, на преемство двухъ, послѣдующихъ одно за другимъ, разныхъ владычествъ или двухъ существенныхъ видоизмѣненій одного и того же владычества итъ и намекъ въ рѣчи Даніила, и раскрывается только сначала *характеръ*, а потомъ *составъ и взаимное отношеніе* двухъ составныхъ элементовъ какого-то Боговраждебнаго владычества, слѣдующаго за Еллинскимъ (Александровымъ) преобладаніемъ.

Для дальнѣйшаго и точнѣйшаго опредѣленія смысла, обратимся къ подобнымъ мѣстамъ самой книги Даніиловой (параллелизму). Тотъ характеръ четвертаго царства, что оно *будетъ крѣпко яко же-*

лѣзо, и яко желѣзо.... истончитъ и истинитъ вся. вполне соответствуетъ характеру четвертаго же царства, по слѣдующему Данилову видѣнію въ гл. VII (ст. 7.): *созади сего видѣхъ и се звѣрь четвертый страшенъ и ужасенъ, и крѣпокъ излиха, зубы же его желѣзнии ели, ядый и истончевая, останки же ногами своими попираше, или по истолкованію этого видѣнія (см. ст. 23): звѣрь четвертый царство четвертое будетъ на землѣ. еще превзойдетъ всѣ царства и поястъ всю землю, и пожретъ ю, и посящеть.* Равно, что касается состава и взаимнаго соотношенія составныхъ частей четвертаго царства въ пророчествѣ 2-й глав., Пророкъ обращаетъ особенное вниманіе свое и Навуходоносора на персты ногъ символическаго тѣла (см. ст. 42—43). Эти персты или пальцы ногъ (которыхъ въ тѣлѣ естественно десять въ разсматриваемомъ нами пророчествѣ II-й главы, соотвѣтствуютъ десяти рогамъ или десяти *царей* (см. ст. 24) въ четвертомъ царственномъ звѣрѣ видѣнія VII главы. Окончаніе того и другаго пророческаго видѣнія одно и тоже открытіе царства вѣчнаго. И такъ, оба эти видѣнія оказываются однопредметными (параллельными). Но символъ четвертаго звѣря въ VII гл., со всѣми его принадлежностями, именно съ десятью рогами, за которыми слѣдуетъ хульный рогъ — страшный гонитель святыхъ, побѣдитель трехъ царей, — все это буквально исполнилось — въ преобладаніи надъ Израилемъ Птолмеевъ и Селевкидовъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ. Это уже много свѣта проливаетъ на изъясняемое нами пророчество. — Но продолжимъ соображеніе его съ другими подобными мѣстами въ кн. Даниила. — Характеръ желѣзнаго царства *все истончевать и сокрушать*, представляемый въ разсматриваемомъ нами пророчествѣ II

гл., очевидно приравнивается къ тому, что говорится въ VIII глав. о царѣ, имѣющемъ появиться послѣ Мидо-Персидскаго и Еллинскаго царей, — послѣ распаденія Еллинскаго царства на четыре части: *и державна крѣпость его.... и чудесно растлитъ и управитъ и сотворитъ и растлитъ крѣпкія* и проч. (ст. 24). Но въ этомъ царѣ, по соображенію его обстоятельствъ, указанныхъ въ пророчествѣ, съ исторіею и съ пророчествами VII и XI гл., видѣнъ Сирійскій царь Антиохъ Елифанъ (простиравшій свою власть отъ Сиріи и на Египетъ). — Наконецъ, обратимъ вниманіе на послѣднее подобное (параллельное) пророчество и притомъ подробнѣйшее — въ XI главѣ. Что оно дѣйствительно параллельно пророчеству 2-й гл., также какъ VII и VIII гл., доказательствомъ тому служить какъ начальное указаніе въ XI гл. на царства Персидское и Еллинское, которыя прямо указаны въ VIII и не прямо въ VII и въ рассматриваемой нами II (что уже выше показано), такъ и окончательное изображеніе — открытія царства вѣчнаго. И кромѣ того параллельность этого пророчества съ рассматриваемымъ нами мѣстомъ о четвертомъ царствѣ — видна во всѣхъ чертахъ. Четвертое, по нашему мѣсту, слѣдуетъ за паденіемъ третьяго, именно Еллинскаго: такъ и въ XI-й гл. за распаденіемъ царства и власти Еллинскаго завоевателя слѣдуетъ новое владычество (см. XI, ст. 3 и слѣд.): *и егда станетъ царство его* (Еллинскаго царя), *сокрушится... исторгнется царство его... и укрѣпится царь южный* и проч. Желѣзное царство, будучи едино, состоитъ изъ двухъ элементовъ, между собою не совокупимыхъ и разногласныхъ, хотя и смѣшиваемыхъ чрезъ сѣмя человеческое, т. е. чрезъ супружества: таково во всей подробности оказывается Сироегипетское владычество и преоб-

ладаніе надъ Израилемъ, какое Пророкъ имѣетъ въ виду въ XI гл. послѣ Елминскаго царства Два властелина въ этой гл. постоянно простираютъ виды на одержаніе другъ друга, не рѣдко одерживаютъ другъ надъ другомъ верхъ, ширятся и утверждаютъ миръ браками, и однако постоянно борятся, простираясь видами и вліяніемъ другъ на друга: точно два элемента, находящіеся въ одной общей средѣ, смѣшивающіеся между собою, но не совмѣстимые какъ глина и желѣзо. Что касается самаго желѣзнаго характера двойственного владычества, изображеннаго въ рассматриваемомъ нами мѣстѣ, — и по пророчеству XI гл. этотъ упругой, жестоко-воинственный характеръ выдерживается постоянно и особенно раскрывается на концѣ—въ послѣднемъ царѣ: *и царь возвысится и возвеличится надъ всякимъ богомъ* (ст. 36). «Только богу мужества (войны) на мѣстѣ его воздастъ честь» (ст. 39).... «Какъ буря пойдетъ... съ колесницами и всадниками и многочисленными кораблями и... выступитъ изъ береговъ и все потопитъ. И войдетъ въ красу земель и многія области взяты будутъ и разорены»—и проч. (39—41). И такъ нельзя не видѣть параллельности обоихъ пророчествъ, — только одно изъ нихъ довольно общо (во II-й гл.), а другое раскрываетъ будущее во всѣхъ подробностяхъ (въ XI гл.). И въ этомъ послѣднемъ борющіеся властители, стремясь въ области другъ друга или смѣшиваясь между собою, — эти два элемента одной среды, одного спорнаго владычества надъ Израилемъ. — По соображеніи съ Исторіею, открываются до такой очевидности Сирійскими и Египетскими властителями, что не достаетъ имъ только собственныхъ именъ Птолмеевъ и Селевковъ; Египетскій же царь даже опредѣленно указанъ (См. въ еврейск. XI, 8.).

Соображая все сказанное, мы должны убѣдиться, что въ пророчествѣ 2-й гл., ясному указанію подобныхъ (параллельныхъ) мѣстъ въ VII, VIII и особенно XI гл., четвертое двойственное владычество надъ Израилемъ есть владычество Селевкидовъ Сирійскихъ и Птолмеевъ Египетскихъ. Оно при двухъ самостоятельныхъ элементахъ своихъ, представляется единымъ жестокимъ владычествомъ надъ Израилемъ — *четвертымъ царствомъ*. Это потому, что отношенія къ церкви Селевкидовъ и Птолмеевъ составляли, дѣйствительно, одно иго чуждаго преобладанія надъ церковію въ продолженіи извѣстнаго времени. Въдѣ съ пророческой точки зрѣнія имѣются въ виду не внѣшне-политическое значеніе, а враждебность противъ вѣры и церкви земныхъ царствъ (*).

Такимъ образомъ изъ самаго текста и изъ подобныхъ мѣстъ (изъ многосторонняго параллелизма) открывается слѣдующій смыслъ пророчества о четвертомъ царствѣ:

«(Ст. 40:) Съ распаденіемъ Еллинскаго (Александрова) царства, возникнетъ новое владычество, посягающее на собственность Божію — на наслѣдниковъ вѣчнаго царства, — владычество Сирійско-Египетское. Оно будетъ, какъ желѣзо, жестоко и разрушительно для всего, къ чему ни коснется; жестокая и алчная воинственность составляетъ его постоянный характеръ. (ст. 41:) По своему составу оно раздѣляется на двѣ части, — это есть владычество Селевкидовъ и Птолмеевъ. По такому со-

(*) Этимъ объясняется и то, почему два, отдѣльные во внѣшне-политическомъ отношеніи, царства представлены въ образѣ одного четвертаго царства. Преобладаніе Селевкидовъ и Птолмеевъ надъ Іудеями составляло одно враждебное владычество надъ Божіимъ достояніемъ.

ставу, это владычество въ одной части болѣе жестоко и грозно, а въ другой болѣе уступчиво и за то слабо (ст. 42 и 43). Да и все оно не прочно,—обѣ стороны будутъ имѣть виды одна на другую, будутъ соединяться между собою брачными союзами, но всегда останутся враждебными. Это будетъ послѣднее владычество, враждебное царству Божію—предъ его открытіемъ,—владычество, котораго удѣлъ есть низложеніе и гибель отъ гнѣва вѣчнаго царя, сейчасъ же за тѣмъ грядущаго»...

Такой смыслъ разсматриваемаго пророчества совершенно сообразенъ съ Исторіей, чѣмъ наше толкованіе пророчества подтверждается и еще подробнѣе уясняется.—По распаденіи Александрова царства избранный народъ, дѣйствительно, сейчасъ же подпалъ владычеству Сирійско-Египетскому, переходя постоянно отъ Селевкидовъ къ Птоломеямъ и отъ послѣднихъ снова къ первымъ, судя по успѣхамъ и превосходству тѣхъ или другихъ. Постоянныя кровопролитія, войны, убійства, казни — сопровождаютъ непрерывно взаимную между ними борьбу и представляютъ истинно желѣзный характеръ этого двойственнаго владычества, разившійся до крайности въ Антиохѣ Епифанѣ. Раздѣленіе между Египтомъ и Сиріею всегда продолжалось. Селевкиды отличались большими воинскими успѣхами и жестокостію,—для доказательства довольно упомянуть двухъ Антиоховъ—Великаго и Епифана. Птоломенъ напротивъ были мягче, любили науки, и сравнительно съ Селевкидами, особенно съ Антиохомъ Епифаномъ, въ которомъ со всею силою выразился желѣзный характеръ, Египетскіе владычины были, дѣйствительно, точно рыхлая глина. Враждебныя стороны неоднократно соединялись или смѣшивались «сѣменемъ человѣческимъ»,

чрезъ супружества Антиоха Теоса съ дочерью Филадельфа, Птолемея Епифана съ дочерью Антиоха Велик., Александра съ дочерью Птолемея Филоматора, но оставались всегда во враждѣ, которая разгаралась даже и чрезъ самыя эти супружества. Замѣчательно, что изъ этихъ двухъ соперническихъ династій, Сирійскихъ Селевкидовъ и Птолемеевъ Египетскихъ, именно десять царей послѣ Александра до Антиоха Епифана преобладали надъ Иудеею, — какъ-то: Птоломей Лагъ, Селевкъ Никаторъ, Птоломей Филадельфъ, Антиохъ Теосъ, Птоломей Еввергетъ, Селевкъ Каллиникъ, Птоломей Филопаторъ, Антиохъ Велик., Птоломей Епифанъ, Селевкъ Филопаторъ, и слѣдоват. имѣло особое значеніе пророчественное указаніе на самыя *персты* тѣла (въ ст. 42 и 43). Вражда противъ церкви дошла до высшей степени ожесточенія при Антиохѣ Епифанѣ, этомъ антихристѣ Ветхо-Завѣтной церкви, котораго по ужасамъ безпримѣрной его тирании надъ вѣрующими, Давидово видѣніе не поставляетъ уже въ ряду другихъ царей, преобладавшихъ надъ церковію (VII, 24). Но пало и это желѣзное владычество видимо отъ оружія и политики Рима, а существенно отъ силы и предварительныхъ распоряженій Христова Царства, которое не умедлило послѣ того благодатнымъ открытіемъ въ мірѣ. И такъ чрезъ оправданіе самую исторію во всѣхъ частяхъ подтверждается и еще болѣе поясняется представленное нами толкованіе пророчественнаго видѣнія о четвертомъ царствѣ.

Такое толкованіе совершенно оправдывается и точкою зрѣнія пророческаго и образомъ пророческаго представленія. Пророчественное созерцаніе устремлено на враждебныя Царству Божію земныя царства, одно за другимъ возникающія и низлагаемыя силою Божественнаго царства, которое за тѣмъ

и открывается во всей своей силѣ. Если теперь Персидское и Греческое царства выведены на это зрѣлище, не смотря на нѣкоторыя важныя ихъ услуги церкви: то не естественно уже было бы опустить изъ виду владычества Сирійско-Египетскаго, отъ котораго много и жестоко терпѣла церковь. Напротивъ, по этому самому, свойственно выставить это враждебное владычество во всей яркости, — какъ то и сдѣлано въ раскрываемомъ нами пророчествѣ. Это тѣмъ болѣе, что по пророческому созерцанію Даниила, Еллинское царство ограничивается владычествомъ одного Александра и за тѣмъ представляется въ кн. Даниила распавшимъ и уступающимъ мѣсто новому преобладанію (см. XI, 2—4 слч. V, 28).

Что касается до образа пророческаго представленія, царства міра сего представлены здѣсь пораженными и распавшимися отъ одного удара камня — не въ томъ смыслѣ, что они имѣли пасть всѣ вдругъ, при явленіи вѣчнаго царства, а въ томъ, что они должны были пасть собственно отъ побѣдоносной силы грядущаго Божественнаго царя, а это должно было совершиться послѣдовательно или преемственно. По такому пророческому представленію, самый ударъ камня долженъ означать побѣдоносную силу вѣчнаго царства, которая должна была проявиться надъ извѣстными царствами, а не единовременное съ разрушеніемъ сихъ послѣднихъ открытіе власти и силы вѣчнаго царства; Божіе Царство должно было открыться уже за ниспроверженіемъ тѣхъ земныхъ царствъ. Скажутъ: «ударъ таинственнаго камня направленъ именно въ ноги тѣла, слѣд. послѣднее или четвертое царство должно разрушиться отъ непосредственнаго прираженія къ нему Царства Божія, уже по открытіи послѣдняго». Но если бы, отвѣчаемъ, дѣйствительно эта мысль выражена

была символическимъ ударомъ въ ноги, отъ котораго распалось и все тѣло: то необходимо было бы дополнить такую мысль символа тѣмъ замѣчаніемъ, что, тогда какъ четвертое царство должно пасть отъ непосредственнаго прираженія открывшейся державы Божіей, три предыдущія царства разрушаются уже посредствомъ прираженія державы Божіей къ четвертому царству. Вавилонъ, напримѣръ, палъ бы собственно потому, что владычество, слѣдующее за нимъ чрезъ два царства, разрушено открывшимся Божиимъ царствомъ. — Мысль странная и ни съ чѣмъ несообразная. Слѣд. отнюдь не тотъ смыслъ символическаго удара камня въ ноги, будто четвертое царство должно разрушиться уже открывшимся Царствомъ Божиимъ. Какой же долженъ быть смыслъ этого символа? Возможенъ уже одинъ, именно такой, который соотвѣтствуетъ общему образу пророческаго представленія, — это смыслъ слѣдующій: четвертое царство, какъ и три прочія, низвергается побѣдоносною силою Царства Божія; но только Царство Божіе, низвергнувъ четвертое изъ мірскихъ царствъ, уже и само затѣмъ должно открыться въ мірѣ. По такому толкованію рѣшительно нѣтъ мѣста той нелѣпой мысли, чтобы три предыдущія царства пали собственно отъ разрушенія четвертаго царства открывшимся Царствомъ Божиимъ. А въ тоже время становится совершенно понятно, почему таинственный камень представленъ приразившимся именно къ ногамъ символическаго тѣла — къ четвертому царству: точнѣе и выразительнѣе этого нельзя символически представить той мысли, что, тогда какъ три прочія царства, низвергаемыя силою грядущей державы Божіей, уступали свое мѣсто преимущественно одно другому, — за разрушеніемъ на противъ четвертаго царства тою же силою грядущей

небесной державы, слѣдуетъ уже самое открытіе этой вѣчной державы.

Скажутъ еще: «въ пророческомъ истолкованіи символическаго видѣнія Навуходоносора сказано прямо о времени открытія царства вѣчнаго—и *во дни тѣхъ царей тѣхъ возставитъ Богъ небесный царство*». Но здѣсь найдемъ не только не опроверженіе, а даже новое доказательство представленнаго нами изъясненія. Не будемъ говорить уже о томъ, что выраженіе: *во дни тѣхъ* такихъ или другихъ, соотвѣтствуетъ чаще употребляемому слову «тогда», которое, даже и въ чисто-историческомъ разсказѣ, даетъ мысль иногда о одновременности, а иногда еще о послѣдованіи за чѣмъ либо извѣстнаго событія (*). Мысль о послѣдовательности за чѣмъ либо событія, часто мы выражаемъ этимъ словомъ «тогда». Но обратимъ вниманіе на слово-выраженіе самаго Пророка, соотвѣтствующее образу его представленія. Сказавъ (въ концѣ XI гл.) о смерти царя сѣвернаго, въ которомъ легко узнать Антіоха Епифана, Пророкъ представляетъ торжественное открытіе Царства Божія, среди тогдашней безмѣрной скорби и говоритъ такъ: *и во время оно возстанетъ Михаилъ князь великій, стояи о сыны тѣхъ людей твоихъ: и будетъ время скорби... и въ то время спасутся люди твои вси и пр.* Слѣдуетъ ли отсюда, что съ гибелію Епифана и должно послѣдовать открытіе «вѣчнаго спасенія? Нѣтъ. Такъ и въ разсматриваемомъ нами мѣстѣ выраженіе: «въ дни царей тѣхъ», указываетъ на то, что должно послѣдовать уже за паденіемъ этихъ

(*) Примѣры словоупотребленія: *во дни оны*, или тогда въ смыслѣ не одновременности, а послѣдовательности, см. въ Еванг. Матѣ. III, 1. IV, 1.

царей и ихъ царствъ. Вникнемъ наконецъ въ самое выраженіе нашего мѣста: *И во днѣхъ царей тѣхъ*. Какихъ царей? Выше указаны четыре слѣдующія одно за другимъ царства, самое настоящее мѣсто читается вполне такъ: «и въ дни царей сихъ Богъ небесный возставитъ царство, которое вѣчно не разрушится, владычество надъ нимъ не перейдетъ къ другому народу. Оно раздробитъ и разрушитъ всѣ сіи царства.» Слѣд. у Пророка идетъ рѣчь о царяхъ «сихъ царствъ», которые выше были представлены. Если теперь словами: *во днѣхъ царей тѣхъ*, выражается мысль о одновременности, и не послѣдовательности, то выйдетъ, что еще при царяхъ не только послѣдняго царства, но и Греческаго, Персидскаго и самаго Навуходоносора откроется Царство Божіе. Еще ли нужно доказательство на то, что это выраженіе: *во днѣхъ царей тѣхъ*, даетъ мысль не о одновременности, а о послѣдовательности?! При очевидной необходимости такого значенія выраженія — *во днѣхъ царей тѣхъ*, остается только изъяснить, почему у Пророка употреблено это кажущееся не точнымъ выраженіе, — и вопросъ касательно его будетъ рѣшенъ окончательно. Пророку нужно было выразить и ту мысль, что за паденіемъ четырехъ извѣстныхъ царствъ откроется Царство Божіе, и ту, что они падутъ отъ побѣдоноснаго дѣйствія Царства Божія, — и изобразить это, притомъ, въ одной общей наглядной картинѣ, соотвѣтственно видѣнію Навуходоносора. Пророкъ дѣлаетъ это такимъ образомъ, что представляетъ слѣдующія одно за другимъ четыре царства и за ними Царство Божіе, низлагающее тѣ четыре царства. По такому образу представленія, Царство Божіе не естественно было изобразить являющимся уже по паденіи четырехъ царствъ: ибо въ такомъ случаѣ какъ же можно

было бы представить Божіе Царство низлагающимъ эти четыре царства? И такъ понятно, почему Пророкъ, говоря именно о послѣдовательности явленія Царства Божія, не могъ иначе выразиться объ этомъ по образу своего представленія, какъ именно такъ: *во днѣхъ царей тѣхъ* и проч.

И такъ образъ пророческаго представленія не оспоримо и твердо убѣждаетъ насъ въ томъ, что открытіе царства небеснаго, по смыслу пророчества должно *послѣдовать* уже за испроверженіемъ четвертаго желѣзнаго царства силою Царства Божія. Но сколь вѣрно исполнилось это пророчество о четвертомъ царствѣ въ приложеніи своемъ, именно къ Сиро-Египетскому владычеству, столько же оно не можетъ быть приложено ни къ какому другому владычеству или царству. Ибо Сиро-Египетское владычество было послѣднимъ изъ приправившихся къ таинственному камню и разбитыхъ отъ него языческихъ царствъ, послѣднимъ до открытія *Царства Бога небеснаго*.

Послѣ такого изслѣдованія о четвертомъ providѣнномъ царствѣ—и въ текстѣ пророчества, и въ многостороннемъ параллелизмѣ, и по исторіи, и наконецъ по пророческой задачѣ и образу представленія въ разсчитываемомъ пророчествѣ,—вопросъ о немъ мы уже могли бы по всѣмъ правамъ считать рѣшеннымъ. Но изъясненіе того же пророчества о Римскомъ царствѣ, какъ вообще у толкователей болѣе обычное и какъ въ особенности имѣющее за себя авторитетъ древне-отеческихъ толкованій, еще останавливаетъ на себѣ наше вниманіе.

Противъ этого толкованія идетъ прямо, во 1-хъ, образъ представленія пророческаго и задача или духъ, намѣреніе этого пророчества. По пророческому представленію открытіе побѣдоносной надъ

четырьмя царствами Державы Божіей слѣдуетъ, какъ мы выше разъяснили, *за всѣми ими*; а по толкованію пророчества о Римской имперіи, Держава Божія открывается Римскому *Кесарю единоначальствующу* (по выраженію церковной пѣсни). Къ устраниенію этого затрудненія, не можетъ имѣть мѣста мысль, что въ пророчествѣ разумѣется собственно открытіе Державы Божіей въ вѣчной славѣ: ибо въ пророчествѣ говорится о постепенномъ расширеніи таинственнаго камня во всемірную гору, — это не можетъ быть отнесено къ тому открытію Царства Божія, о которомъ говорилъ Спаситель: *яко молнія исходитъ отъ востокъ и является до западъ, тако будетъ пришествіе Сына человеческого* (Мат. XXIV, 27). По пророческой задачѣ, или съ точки пророческаго созерцанія, имѣются въ виду земныя царства не по чисто политическому своему значенію, а по отношенію къ царству вѣчному, и притомъ отношенію не по времени только, но по неблагопріятности ихъ Божію Царству и отверженію отъ него: между тѣмъ самое первое основаніе толкованія пророчества о Римской имперіи есть то, что это царство равно тремъ предыдущимъ по политическому достоинству, и по сему толкованію Сиро-Египетское владычество, значеніемъ неблагопріятности Царству Божію превосходящее не только Александрово и Мидо-Персидское, но и Вавилонское владычество, — если не вовсе опускается изъ виду, то по крайней мѣрѣ остается совершенно въ тѣни (*), что рѣшительно противорѣчитъ общей

(*) Сиро-Египетское владительство разумѣютъ вмѣстѣ съ Александровымъ подъ третьимъ царствомъ, о которомъ сказано только два - три слова; *еже соодолжаетъ всей земли*. При одной идее о всемірномъ владычествѣ, за Александровой монархіей и не видно Селевкидовъ и Птолемеевъ, а въ ряду ихъ есть такой

задачѣ и направленію пророчества. Во 2-хъ, это толкованіе имѣетъ противъ себя и исторію. Царство Божественнаго камня, отторгнутаго отъ горы, по свидѣтельству исторіи, явилось и распространилось во всемірную гору—или, что тоже, Христіанская церковь открылась, распространилась и утвердилась во всемъ мірѣ при существованіи и большею частію въ предѣлахъ почти—всемирной Римской имперіи; по пророчеству же напротивъ, уже съ паденіемъ послѣдней должно и открыться и распространиться въ мірѣ Царство Божіе,—ибо камень, уже испровергнувъ символическое тѣло, сталъ шириться во всемірную гору. Римская имперія не только не разрушена Царствомъ Божіимъ, но напротивъ, уже въ глубокораствѣнномъ и разстроенномъ состояніи своемъ, оживилась духовною силою водворившагося въ ея нѣдрахъ Царства Божія, такъ что могла еще существовать даже много долѣе, нежели сколько времени прошло отъ самой колыбели Рима до Христа (около 700 лѣтъ прошло отъ построенія Рима до Христа, а Константинополь—новое средоточіе Римской державы взятъ уже во второмъ тысячелѣтіи отъ Рождества Христова). Совсѣмъ не таково, по пророчеству, отношеніе Божественнаго царства къ четвертому царству, такъ же какъ и къ прочимъ тремъ: *истиннѣ и развѣетъ всѣ царства*. Наконецъ, по исторіи, паденіе Римской имперіи нельзя соединить ни съ первымъ пришествіемъ Спасителя.—это очевидно изъ сей часъ упомянутаго продолженія и даже возобновленія имперіи силою небеснаго царства;—ни со вторымъ пришествіемъ или съ открытіемъ царства славы,—ибо уже новыя земныя царства заступили

врагъ церкви (Антіохъ Епифанъ), котораго справедливо представляютъ *антихристомъ* Ветхаго завіта.

мѣсто падшей Римской имперіи. Говорить о продолженіи Римскаго царства въ новыхъ державахъ— по законамъ, по праву и т. под.—значить не изъяснять и изъясненіемъ упрощать пророчества, но придавать ему самый натянутый смыслъ и тѣмъ запутывать пророчество. Не говоримъ уже о раздѣленіи четвертаго царства на двѣ составныя части, еще до явленія камня, о смѣшеніи этихъ частей смѣшенемъ человѣческимъ: какіе же до Христа были въ Римскомъ владычествѣ два элемента, соединяемые брачными союзами?—Изъясненіе о Римскомъ царствѣ опровергается, въ 3-хъ, подобными или параллельными пророчествами книги Даниловой не только потому, что эти послѣднія открываютъ въ четвертомъ царствѣ, какъ мы видѣли уже, именно Сиро-Египетское владычество, но еще прямѣе и потому, что царство соотвѣтствующее нашему третьему, въ книгѣ Даниила, опредѣленно ограничивается владычествомъ одного Еллинскаго всемірнаго завоевателя (Александра Великаго), послѣ котораго оно распадается (см. XI, 4.) (*). — Въ 4-хъ, самый текстъ пророчества о четвертомъ царствѣ не соотвѣтствуетъ толкованію о Римской имперіи. Текстъ пророчества о четвертомъ царствѣ таковъ, что здѣсь говорится объ одномъ владычествѣ, только разсматриваемомъ въ разныхъ отношеніяхъ — сначала по преобладающему его характеру, потомъ по составу и взаимному отношенію составныхъ частей. Изъяснители же наши, не допускающіе послѣдовательности событій тамъ, гдѣ она есть и ука-

(*) *Сокрушится* прямое указаніе на рѣшительное паденіе. *Раздѣлится... исторгнется... и другимъ отдается*: эти понятія тождественны съ пророчествомъ Даниила о Вавилонскомъ царствѣ: — *раздѣлился царство твое и дадся Мидомъ и Персомъ* (V, 28).

зана у Пророка, — на этотъ разъ предполагаютъ, будто въ пророчествѣ раскрываются послѣдовательно идущія судьбы четвертаго царства. Въ текстѣ нѣтъ ни черты въ основаніе этого предположенія. Вотъ на пр. послѣдовательность царствъ Пророкъ прямо показываетъ въ своемъ истолкованіи пророческаго видѣнія: *ты еси глава золотая и послѣди тебе встанетъ царство другое* и т. д. Но, говоря о четвертомъ царствѣ, Пророкъ показываетъ сначала, каково оно, далѣе изъ какихъ частей состоитъ оно и что происходитъ въ его внутреннемъ составѣ; въ самомъ сновидѣніи мысль о качествѣ или характерѣ царства выражена въ одномъ символѣ (*железные голени*), потомъ мысль о составѣ царства, какъ совершенно различная отъ прежней, необходимо требовала другаго символа (*ноги скудельно-железные*). Безъ основанія и нужды предполагать мысль, какой текстъ не даетъ, не позволяетъ герменевтика. Это вообще! Въ частности въ текстѣ пророчества говорится о раздѣленіи царства на два составные элемента и о происходящей отъ того двойственности самаго состоянія царства: по толкованію о Римскомъ царствѣ, принимается раздѣленіе этого царства на двѣ половины, Восточную и Западную, но приписывается этому царству частію крѣпость, частію слабость не вслѣдствіе этого раздѣленія, но вообще вслѣдствіе состава изъ множества разнородныхъ народовъ и царствъ — въ противоположность тексту. Еще: по прямому указанію текста, отношеніе четвертаго царства къ вѣчному одно, что оно несомнѣнно съ этимъ послѣднимъ и разрушается отъ него, а по толкованію Римская имперія представляется въ двухъ отношеніяхъ къ Царству Божію, именно послѣднее сначала появится и распространится, не разрушая имперіи, и потомъ уже, съ

падєніємъ имперіи, откроется въ вѣчной славѣ. — Въ изъясненіи пророчества о Римской имперіи опираются на словахъ текста: *истончитъ и истинитъ вся*, будто бы хорошо идущихъ къ Римскому царству и несовмѣстныхъ съ Сиро-Египетскимъ царствомъ. Полно такъ ли? Такой разрушительный характеръ, чтобы все сокрушать и истончевать подобно желѣзу, характеризуетъ со всѣмъ не Римскую политику, которая отличалась именно соблюденіемъ въ неприкосновенности обычаевъ, правъ, боговъ у покоряемыхъ народовъ и тѣмъ самымъ—не менѣе, чѣмъ оружіемъ, достигала всемірнаго владычества. Наконецъ, это толкованіе должно пасть и отъ внутренней несообразности съ существомъ дѣла. Взоръ Пророка устремленъ собственно на Царство Бога небеснаго или церковь и на то отношеніе этого царства къ земнымъ, несовмѣстнымъ съ нимъ царствомъ, что послѣднія низлагаются побѣдоносною его силою. По свойству Вѣтхо-Завѣтнаго времени, представителемъ грядущаго Царства Бога небеснаго былъ Израиль, а потому враждебныя Израилю царства являются несовмѣстными съ Царствомъ Божиимъ. Сообразно ли съ этимъ то, чтобы между несовмѣстными съ Царствомъ Божиимъ земными царствами указано было такое царство, при которомъ самъ Израиль сталъ уже во враждебное отношеніе къ Царству Божію и которое, въ отношеніи къ Израилю, не на права Божественныя посягало (подобно царствамъ Вавилонскому, Персидскому и пр.), на противъ было собственно орудіемъ низлагающей этотъ, уже Боговраждебный, народъ силы Царства Божія? Въ эпоху Римской имперіи и открытія Царства Божія или Христіанской церкви, побѣдоносная низлагающая сила этого вѣчнаго царства проявилась именно надъ Израилемъ, и Римскую имперію, при всемъ первоначальномъ противленіи ея,

успѣла пріусвоить себѣ и возродить. Слѣд., по существу дѣла, въ эту эпоху долженъ бы подлежать пророческому взору самъ Израиль, какъ народъ Христоборный и потому низлагаемый вѣчнымъ царствомъ, или разбиваемый таинственнымъ камнемъ, а не Римская имперія. — Надѣюсь, что это ясно для разсуждающихъ.

И такъ, сколь твердо представленное выше изъясненіе четвертаго царства о Сиро-Египетскомъ владычествѣ, столь неумѣстно само по себѣ, наиболѣе обычное, изъясненіе сего о Римской имперіи.

Но древнее толкованіе? Но отцы и учителя церкви, которые держались именно послѣдняго изъясненія, — каковы: Іеронимъ, Августинъ, Θεодоритъ и Св. Епифаній? — Вотъ отвѣтъ на подобное возраженіе. Истина едина и, конечно, себѣ противорѣчить не можетъ. Священный авторитетъ блаженныхъ учителей и Св. Отцевъ есть истина, и слѣд. не можетъ вести насъ къ принятію того, чтò оказывается несостоятельнымъ предъ строгою и точною истинною. Изъясненіе же нѣкоторыхъ учителей и Отцевъ церкви о Римской имперіи, какъ и соединенная съ нимъ мысль нѣкоторыхъ о продолженіи Римской имперіи до послѣднихъ временъ, есть не вѣчная Божественная истина, исповѣдуемая отцами и преданная отъ нихъ церкви: ибо и они не выдавали за Божественный догматъ своего изъясненія, и оно не показываетъ въ себѣ признаковъ такой истины. Это, слѣд., есть только частное отеческое мнѣніе, которое можетъ быть принято и не принято, судя по тому, оправдывается ли оно или не оправдывается истинною. Так. об., не соглашаясь съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ церковныхъ учителей, не выдержавшихъ испытанія строгой и точной истины, мы и колеблемъ въ себѣ благоговѣйнаго уваженія къ ав-

торитету Св. Отцевъ, и совѣсти своей не смущаемъ, и послѣдуемъ истинѣ. Совсѣмъ иное вышло бы, когда бы для усвоенія простому мнѣнію значенія истины, допустили мы въ изъясненія или насиліе или неискренность: тогда бы и истины мы не достигли ~~и~~, и были бы недобросовѣстны, да и уваженіе къ Св. Отцамъ показали бы въ одной мертвой буквѣ, а въ духѣ унизили бы ихъ, найдя въ ложно понятомъ нами авторитетѣ руководителей истины преграду къ истинѣ (*).

Теперь затруднительное дѣло о четвертомъ царствѣ пророчества изслѣдовано, сколько возможно, полно. Четвертымъ царствомъ не оспоримо оказывается Сиро-Египетское владычество. На желѣзный, разрушительный характеръ этого владычества обращается прежде всего, и притомъ особенное вниманіе: это потому, что наиболѣе по сему самому характеру—и важно Сиро-Египетское властительство въ томъ отношеніи, въ какомъ берутся во вниманіе провидѣнныя царства. Съ направленіемъ все

(*) Мнѣніе древнихъ учителей о Римской имперіи утвердилось случайностію, современными имъ обстоятельствами. Первый оспориватель подлинности и Божественности книги Давида Порфирій, утверждая, что она не пророческая, а историческая, появившаяся въ Маккавейскія времена, опирался главн. обр. на точныхъ пророчествахъ Давида о періодъ Сельвкидовъ и Птолемеевъ. Древніе учителя въ борьбѣ съ язычникомъ, представляли ему, что смыслъ настоящаго пророчества иной, что оно относится не къ Сиро-Египетскому, а къ Римскому царству,—такъ именно толковали блаженные Іеронимъ и Теодоритъ. И такъ источникъ этого мнѣнія—прекрасный и достойный Блажен. учителей,—именно ревность за истину и божественность Давидовыхъ пророчествъ, но въ тоже время случайный и временный—борьба противъ ученаго Порфирія. Впрочемъ и изъ древнихъ имѣе выказывали согласное съ нами толкованіе, какъ Полихроній.

сокрушать и стирать подобно желѣзу, Селевкиды и Птолемеи сильно озлобляли Израиля и слѣд. были особенно враждебны для грядущаго Царства Божія. — Потомъ, раскрывается двойственный составъ Сиро-Египетскаго владычества, значеніе и взаимное отношеніе составныхъ его элементовъ: это потому, что, по двойственности состава этого владычества, Израиль и былъ въ зависимости то отъ однихъ — Селевкидовъ, то отъ другихъ — Птолемеевъ, а иногда долженъ былъ удовлетворять тиранническимъ требованіямъ тѣхъ и другихъ (при Антигонѣ и др.); значеніемъ и взаимною борьбою Египта и Сиріи и условливалась такая или другая участь Израиля. Въ этихъ собственно отношеніяхъ и имѣется у Пророка въ виду Сиро-Египетское владычество. Подробное изложеніе смысла сего пророчества и соображеніе его съ исторіей, или событіями, въ которыхъ оно исполнилось, — уже выше сдѣлано нами.

Указавъ на идущія одно за другимъ четыре царства и на судьбы ихъ, Пророкъ возводитъ мысль Навуходоносора, при поддержкѣ его вниманія и духовнаго созерцанія образнымъ его сновидѣніемъ, къ важнѣйшему и существенному въ этомъ пророчественномъ откровеніи, — къ тому, въ чемъ сходятся и разрѣшаются судьбы всѣхъ четырехъ царствъ, — къ низлагающему ихъ Царству Божію. Оно грядетъ въ слѣдъ за нимъ: *и во днѣхъ царей тѣхъ возставитъ Богъ небесный царство*. Содержащуюся здѣсь мысль, именно о послѣдованіи за вышеупомянутыми Царствами царства Бога небеснаго, такъ же какъ и значеніе *царей*, о дняхъ которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, уже мы имѣли прежде необходимость раскрыть изъ этихъ словъ. Какъ бы такъ было сказано, когда исполнятся дни царей упомянутыхъ

выше царствъ (*). Богъ небесный откроетъ свое Царство, т. е. Царство Божіе и небесное (**). Это царство, продолжаетъ Даніилъ свою истолковательную пророческую рѣчь къ Владыкѣ Вавилона, имѣетъ совершенно-другой характеръ, значеніе и судьбу, нежели мірскія царства, о которыхъ до селѣ было говорено. Оно, во первыхъ, есть не гиблущее и не преходящее царство, не подлежащее необходимости судьбѣ всего видимаго—имѣть конецъ *еже вовлѣки не разсыплется*. Самая усиленность выраженія показываетъ именно то строгое его значеніе, какое указано нами. Далѣе, Царство Бога небеснаго не примѣняемо, не подлежащее условіямъ міра внѣшне-политическаго: *и царство Его людямъ инѣмъ не останется*. Измѣненіе династій, преемственность царей и царствъ—это существенныя и необходимыя условія міра политическаго. Царство Божіе и небесное, продолжаетъ Пророкъ, даже не только несовмѣстно съ такими царствами, о которыхъ доселѣ была рѣчь которыя ему противоборны, но побѣдоносно на всѣмъ ими; оно-то собственно должно низложить всѣ эти царства, начиная отъ твоего, повелитель, Вавилона! *истинитъ и развѣтъ вся царства* (***).

Словомъ, говоритъ Пророкъ, это царство *не отъ міра сего* временнаго; истинная его область есть вѣчность: *тоже же станетъ во вѣки*.

Довольно одного изложенія пророчества, чтобы съ очевидностію видѣть, что Царство Бога небес-

(*) Въ Вулгатѣ прямѣе: *in diebus regnorum illorum*: тоже у Фодотіона.

(**) Ибо не безъ причины и значенія сказано Пророкомъ не просто *Богъ*, но *Богъ небесный*.

(***) Въ Евр. дополнено: „*сіа*“ *col—lren malchatha*. Тоже и въ Вулгатѣ: „*geg haec*“.

наго, здѣсь представляемое, есть отнюдь не какое либо земное, хотя бы самое обширное и великое царство—(какъ напр. вопреки голосу всѣхъ толкователей, и внутреннимъ признакамъ истины, Гроцій разумѣетъ здѣсь имперію Римскую),—и не царство общаго промысленія Божія (ибо еще *возставитъ Богъ небесный* оное царство) а Божіе и небесное Царство, открывшееся во Христѣ, царство Его благодати истины, сосредоточивающее въ себѣ всю силу и Божественнаго промысленія, а свою силу раскрывающее во всѣхъ земныхъ царствахъ или чрезъ низложеніе враждебныхъ изъ нихъ или чрезъ водвореніе свое въ благопокорныхъ и вѣрующихъ. Объ этомъ Царствѣ и о Божественномъ его царѣ, при самомъ благовѣщеніи пресв. Дѣвъ Маріи изречено Ангеломъ: *и воцарится... во вѣки и царству его не будетъ конца*, (Лук. 1, 33).

Впрочемъ, нѣтъ и нужды доказывать, что и по пророчествамъ Вѣтхо-Завѣтнымъ, и по Ново-Завѣтному ученію, и по свидѣтельству Исторіи — собственно Царство Божіе во Христѣ, и оно едино, имѣетъ тѣ свойства, значеніе и судьбу, какія указаны Данииломъ. Совсѣмъ иной вопросъ: царство ли благодати собственно здѣсь разумѣется или царство славы? Отцы и учителя церкви, въ рѣшеніи этого вопроса, расходятся. Св. Іустинъ муч. (dial. cum triph.), Св. Кипріанъ (Lib II, contr jud. c. XV. II.), Блаж. Іеронимъ и Августинъ относятъ пророчество къ первому пришествію Христа, и Св. Иринеи (Lib. V. cap. 26), Бл. Θεодоритъ (comm.), Тертуллианъ (Lib. II, contr. jud. cap. XIV), Оригенъ и пр. — ко второму. Вникая въ текстъ и параллелизмъ книги Данииловой, найдемъ, что разумѣется здѣсь царство благодати, имѣющее наконецъ раскрыться въ вѣчной славы; и так. обр. не разногласятъ, а собственно одни другихъ до-

полняютъ, Св. Отцы и Учители церкви. Что у Пророка идетъ рѣчь точно о явленіи царства благодати, или о первомъ пришествіи Спасителя, доказательства тому: — 1) прямое указаніе на время явленія сего Царства Божія, время полноты дней—четырехъ извѣстныхъ царствъ, т. е. такое время, когда одно за другимъ появятся и исчезнутъ эти царства. Это можетъ идти только къ царству благодати: ибо царство славы откроется въ исполненіи или полнотѣ всѣхъ временъ, въ кончину всего міра, а не четырехъ опредѣленныхъ царствъ. 2) Тайственный камень въ видѣніи представленъ такимъ, который появился сначала малою частію, какъ камень, — отторгнутою отъ горы, а потомъ возрастаетъ и самъ въ гору и наполняетъ собою землю: *отторжеся камень отъ горы безъ рукъ... камень же, поразивый тѣло, бысть гора велика и наполни всю землю* (ст. 34 и 35). Это опять можетъ имѣть приложеніе только къ явленію и постепенному распространенію царства благодати, а не къ торжественному открытію съ быстротою молніи всей безпредѣльной полноты царства славы, — о чемъ уже имѣли мы случай говорить. Но съ другой стороны, безконечность, непремѣняемость, вышешірная и побѣдоносная надъ міромъ сила, область вѣчности, будучи существенными свойствами и принадлежностями царства благодати, раскроется вполнѣ и торжественно не иначе, какъ съ переходомъ царства благодати въ царство славы. Поэтому изслѣдуемое нами пророчество о Царствѣ Бога небеснаго, представляющее указанныя свойства этого царства въ полномъ ихъ раскрытіи, нельзя ограничивать однимъ царствомъ благодати, а необходимо относить и къ царству славы. Это рѣшительно подтверждается подобными (параллельными) пророчествами Даніиловой книги. Такъ въ

VII глав., гдѣ подъ символами четырехъ звѣрей повторяется откровеніе о символическомъ четырехъ-составномъ тѣлѣ сновидѣнія Навуходоносора съ полнѣйшимъ только раскрытіемъ предмета (*), за явленіемъ четвертаго звѣря представляется и явленіе Сына человѣческаго, превозносимаго надъ всѣмъ міромъ, и потомъ зрѣлище страшнаго суда (ст. 13. 22). Тоже въ пророчествѣ XI и XII гл., уже во всей подробности раскрывающемъ судьбы тѣхъ же четырехъ царствъ, за гибелію послѣдняго гонителя святыхъ—царя сѣвернаго, представляется картина воскресенія мертвыхъ и вѣчной жизни (XII, 2. 3.). Так. обр. Пророкъ, указывая Навуходоносору на грядущее за четырьмя извѣстными царствами небесное и Божіе, царство благодати, углубляетъ въ него взоръ свой и созерцаетъ его не только являющимся въ извѣстное время на землѣ: *во днѣхъ царей тѣхъ возставитъ Богъ небесный царство*, но и раскрывающимся въ славу своей безконечности: *еже во вѣки не разсыплется*, своей непремѣняемости: *и царство его людемъ инѣмъ не останется*, своего рѣшительнаго всемірнаго торжества: *истинитъ и развѣтѣтъ всѣ царства*, — словомъ, своей вышесмірной и неизблемой вѣчности: *тое же станетъ во вѣки*. Царство благодати въ себѣ самомъ сокровенно, носитъ уже грядущую славу. Поэтому, Пророкъ отъ перваго пришествія Христова въ одинъ моментъ, и даже безраздѣльно отъ этого перваго пришествія, восхитился духомъ и ко второму. Въ этомъ нѣтъ скачка: ибо только нужно духовное углубленіе въ тайну благодати, чтобы возвыситься и къ созерцанію ея славы.

(*) Это ясно видно изъ сличенія сихъ откровеній и признается всѣми толкователями.

Между тѣмъ, отъ такого мысленнаго созерцанія грядущаго небеснаго царства не только являющимся на землѣ во времени, но раскрывающимся и въ вѣчную свою славу, необходимо получаетъ новый свѣтъ и новое выраженіе пророчество о самыхъ четырехъ предшествующихъ царствахъ. Какимъ обр. и какое новое выраженіе? Если четыре извѣстныхъ земныя владычества получили мѣсто въ пророческомъ зрѣлищѣ собственно не по своему внѣшне-политическому значенію, а по отношенію къ Царству Божію: то съ другой стороны и самое Царство Божіе, не только въ своемъ явленіи, во времени, но и въ вѣчной славѣ, раскрывается у Пророка по отношенію къ тѣмъ четыремъ царствамъ: *истнитъ и развѣтъ всѣ царства «сіи»*. Вѣчная же слава Царства Божія есть торжество не только надъ «сими» четырьмя, несовѣстными съ нимъ или враждебными ему, царствами міра сего, но и надъ всѣмъ враждебнымъ міромъ. (Само собою разумѣется, что съ новозавѣтной точки зрѣнія, это есть торжество собственно не надъ «плотію и кровію», не надъ внѣшнимъ составомъ царствъ или всего міра, но надъ ихъ Боговраждебнымъ духомъ и началами). Слѣд. четыре царства «сіи», въ отношеніи къ вѣчной славѣ Божіяго Царства, берутся Пророкомъ какъ представители всего враждебнаго Христову царству міра, — всѣхъ мятежныхъ противъ Христа царствъ и языковъ, имѣющихъ быть за то низложенными подъ ноги Вѣчнаго Царя, до самаго послѣдняго изъ нихъ—царства антихристова. Это самое замѣтили и выразили въ своемъ переводѣ 70 толковниковъ, сказавъ вообще: *истнитъ и развѣтъ всѣ царства* (съ опущеніемъ находящагося въ подлинникѣ опредѣленія, какія это царства: «сіи» (jsta), что есть и въ древнихъ переводахъ Вулгатѣ и Сирскомъ, какъ выше было ска-

зано) (*). Так. обр. въ видѣніи Навуходоносора, по истолкованію Даніила, открыта судьба всего міра, обоснованная на грядущемъ Божіемъ царствѣ.

Якоже видѣлъ еси, продолжаетъ Пророкъ, связывая свое истолкованіе съ видѣніемъ Царя: отстѣчеша отъ горы камень безъ рукъ, и истини глину, желѣзо, мѣдь, серебро, золото... При соображеніи пророческаго истолкованія съ сновидѣніемъ Навуходоносора, къ чему располагаетъ самъ Пророкъ, не можемъ не примѣтить, что имъ разъяснена самая сущность символическаго откровенія, а подробности его не раскрыты въ своемъ значеніи. Такъ на пр., разшпиреніе и возрастаніе камня въ гору, занявшую собою наконецъ всю землю,—выражаетъ уже понятную, по изъясненіи значенія камня, мысль, которая однакожъ не высказана въ пророческомъ истолкованіи. Слѣд. намъ остается еще обратить вниманіе на подробности видѣнія таинственнаго камня и изъяснить ихъ, при руководствѣ общаго пророческаго истолкованія. Символь камня, употребленный въ означеніе Царства Божія во Христѣ, не можетъ не напомнить намъ многочисленныхъ, ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ, выраженій о Христѣ — какъ о камени, сокрушающемъ противящихся, а изъ вѣрующихъ основывающемъ зданіе вселенской церкви (см. Иса. 8, 14. У него же 28, 16. Псал. 117, 22. Еф. 2, 20. 1. Кор. 3, 11. и др.). Правда, у Даніила камень принимается повидимому въ значеніи самаго

(*) Можетъ быть, тоже прозрѣвали нѣкоторые Еврейскіе раввины, разумѣя подъ четвертымъ царствомъ знаменательное царство Гога, указанное у Іезекіиля (Aben—Esra, Saadia, Salomo, Kimchi ad Zach c. 6).

царства; но вообще царство Пророкъ представляетъ здѣсь именно въ ихъ царяхъ: *ты царю . . . глава золотая. И послѣди тебе возстанетъ царство другое третіе четвертое И во днѣхъ царей тѣхъ.* Значить, что и царство благодати и славы Божіей, Пророкъ созерцаетъ также въ его Царѣ—во Христѣ. Отсюда, отторженіе камня должно означать явленіе Христа въ міръ для основанія и открытія Своего Божественнаго царства, имѣющаго распространиться во всемъ мірѣ, или Боговоплощеніе. Поэтому и отторженіе камня отъ горы безъ рукъ человѣческихъ, должно означать воплощеніе выше-естественное, Божественное, или безсѣмное отъ Духа Св. и Маріи Дѣвы, какъ показало событіе. Гора, отъ которой отторженъ камень, принимается нѣкоторыми: 1) за самое Божеское естество, но здѣсь рѣчь не о предвѣчномъ рожденіи, — другими 2) за человѣческое естество, отъ котораго произошелъ Христосъ по плоти, иными 3) разумѣется здѣсь Ветхо-Завѣтная церковь, изъ нѣдръ которой возникъ Спаситель, наконецъ иными 4) Пресвятая Дѣва Марія, отъ которой родился Христосъ; три послѣднія изъясненія не только одно другому не противорѣчатъ, но и одно съ другимъ необходимо соединяются. Общая мысль этого символа та, что Христосъ воплотился и произошелъ изъ избраннѣйшей въ человѣческомъ родѣ, бывшей цвѣтомъ всей Ветхо-Завѣтной церкви — Дѣвы Маріи. Камень, отторженный отъ этой святой горы, приражается къ чудовищному тѣлу и сокрушаетъ его: это совершилось въ царствѣ благодати такъ, что Божественный Камень — Христосъ человѣколюбиво явился Агнцемъ, взявлющимъ Боговраждебные грѣхи міра и умеръ за вины грѣшныхъ людей и народовъ какъ бы самъ виноватый, да собственною смертію

упразднить *имущаго* державу смерти, сирѣчь діавола, а съ нимъ и всю его державу съ Боговраждебными царствами (Евр. II, 14). Камень возрастаетъ во всемірную гору. Это значить, что Христось, воспринимаемый въ сердца вѣрующихъ въ духъ и силъ своего спасительнаго человѣколюбія, чрезъ это раскрываетъ священнотайнѣ изъ себя, благодатное тѣло церкви Вселенской, эту *«полноту Ею, исполняющаго всяческая во вѣхъ»* (Ефес.). Это Царство Бога небеснаго—безконечное, не измѣняемое, надъ всѣми врагами побѣдовосное, имѣющее своюю областію—вѣчность. Раздробленіе камнемъ составныхъ частей видѣннаго тѣла изображается также знаменательно: *сотрошася вкупѣ скудель, желѣзо, мѣдь и пр. и бысть яко прахъ... и взять я премногій вѣтръ, и мѣсто необрътеся имъ* (35). Подоб. обр. въ 67 Псал. изображается гибель всего враждебнаго Богу предъ открывшеюся его славою во Христѣ, какъ видно изъ содержанія этого Псалма: *да воскреснетъ Богъ и пр.* (ст. 2 и 3.).

Такъ по духовному недоумѣнію Навуходносора, представителя и вождя языковъ, о томъ *чесому подобаетъ быти по сихъ*, —непосредственно дается ему, а въ лицѣ его всему языческому міру, и Пророкомъ изъясняется такое откровеніе, что спустя четыре неблагоприятныя для церкви царства, начиная съ Вавилонскаго, откроется держава Божія во Христѣ, низлагающая все враждебное и простирающаяся въ безпредѣльность и вѣчность. На глубокий вопросъ данъ прямой Божественный отвѣтъ, котораго глубина и подробности должны раскрываться тысячекратными событіями и даже вѣч-

ностію, но который могъ быть на столько понятенъ для Навуходоносора, сколько нужно для просвѣщенія духовнаго его невѣдѣнія и недоумѣнія. То, въ чемъ спасеніе и внѣ чего гибель, ясно для него указано; ясно же указано и то, по какому пути—спасенія или гибели—идеть Вавилонъ и вообще языческій современный и послѣдующій міръ. Словомъ: *Богъ великій возвьсти царю, имъ же подобаетъ быти по сихъ*, какъ заключаетъ Пророкъ истолкованіе таинственнаго видѣнія. *И истиненъ сонъ и вѣрно видѣніе!* И великій царь, котораго душа чрезъ напоминаніе внутренней его тайны, забытой имъ самимъ, уже была открыта для пріятія вѣроу пророческаго истолкованія,—подвигся во всей духовной свѣей глубинѣ отъ этого великаго откровенія: *тогда царь Навуходоносоръ, паде на лице и поклонися Даніилу*. Правда, онъ и въ такомъ своемъ состояніи не вовсе пересталъ быть язычникомъ, такъ что человѣку воздастъ подобающее единому Богу: *и рече дары и благовокиа возліяти ему—Даніилу*. Но ясно, и съ снлоу выражаетъ онъ вѣру въ открывшуюся для его духовныхъ очей державу Всевышняго, вѣру въ предуказанное ему Царство Бога небеснаго: *и отвѣщавъ царь, рече Даніилу: по истинѣ Богъ вашъ, той есть Богъ боговъ и Господь господей и царь царей* (слѣд. признаетъ и царство Его, о которомъ только что была пророческая рѣчь). — При чемъ даетъ примѣтити и основаніе своей вѣры: *Царь царей, открывая тайны, понеже возмоглъ еси открыти тайну сію*.—Извѣстно, что тутъ же и

возведенъ былъ Пророкъ Даниилъ на степень вышшаго государственнаго сановника. Само собою разумѣется, что на сколько въ Навуходоносорѣ нашлось живой и дѣятельной вѣры въ откровеніе, данное ему, на столько въ его лицѣ уже предназначалось призваніе языковъ къ грядущему Христу и его царству.

Вотъ какъ Господь, предназначая призываніе языковъ къ своей благодати, просвѣщаетъ языческое невѣдѣніе и недоумѣніе! И язычникъ не закрылъ своихъ очей для этого свѣта... Впрочемъ, при настоящемъ случаѣ напомянуто было язычнику объ истинномъ Богѣ, но не раскрыты еще безусловныя обязанности людей предъ нимъ; указано на грядущую благодать, но ясно не показано, въ чемъ она будетъ состоять. Посему Навуходоносоръ, хотя и исповѣдовалъ Бога небеснаго *царемъ царей*, все же человѣку воздастъ честь Божескую, какъ выше замѣчено нами. Слѣдовательно, въ немъ еще могли быть и были языческія ложныя понятія и недоразумѣнія, хотя ему и дано было это великое, раскрытое нами выше, откровеніе и пріято имъ съ вѣрою. Это открываетъ нужду для язычника въ новомъ Бого-откровеніи или Богоявленіи, которое должно быть направлено противъ еще остающейся въ немъ языческой тьмы. Этотъ другой Божественный пріемъ и способъ къ просвѣщенію невѣдѣнія языческаго совершился слѣдующимъ образомъ.

Съ разсѣяніемъ мрака духовнаго недоумѣнія откровеніемъ и вѣрою, у царя Вавилонскаго естественно должно быть легче и свѣтлѣе на душѣ, нежели прежде: ибо хотя Вавилонскому царству изреченъ приговоръ гибели, но вѣра, хотя и не всѣмъ чистая, должна была приводить душу въ нѣкоторое, если не общеніе, то хоть только предощеніе животворнаго царства Бога небеснаго. Однако, въ этомъ добромъ и не мало просвѣтленномъ состояніи духа, въ царѣ не замедлилъ сгуститься мракъ языческаго нечестія, и снова покрыть его душу. Какъ же это случилось? Если Навуходоносоръ искренно увѣровалъ въ данное ему откровеніе (что ясно видно изъ книги Даниїла): то послѣдующее за тѣмъ устроеніе золотой статуи и назначеніе языческаго религіознаго пиршества нельзя ни чѣмъ инымъ изъяснить, какъ тѣми языческими понятіями, что у каждаго народа есть свой особый богъ. И потому царь и искренно, изъ глубины души исповѣдовалъ истиннаго Бога Израилева, и благоговѣлъ еще предъ своимъ божествомъ. Оживленные и освѣженные откровеніемъ религіозныя потребности естественно располагали его къ религіознымъ учрежденіямъ и торжествамъ, сообразнымъ, конечно, съ его понятіями. Такимъ-то обр. языческія идеи изъ глубины души, гдѣ затаились онѣ, и должны были выплыть наружу—въ дѣла.

Царь воздвигаетъ огромную золотую статую на полѣ Деирѣ. Нельзя согласиться съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ, чтобы это былъ истуканъ, представляю-

цій самого царя: ибо самъ же Навуходоносоръ, говоря объ этой статуѣ, указываетъ въ ней идола не своей личности, но своего бога (III, 13). Но вѣроятно мнѣніе другихъ, которые сооруженіе золотой статуи поставляютъ въ связи съ сновидѣніемъ о *золотой главѣ*, служащей символомъ Вавилонскаго царя: Навуходоносоръ, можетъ быть, хотѣлъ выразить предъ своимъ національнымъ божествомъ радость о своемъ превосходствѣ не только надъ современными, но и надъ послѣдующими царствами земными. Нельзя не примѣтить обнаруженія въ этомъ смѣшенныхъ его понятій — и остатковъ вѣры въ откровеніе и подавляющаго вѣру языческаго суевѣрія. И такъ, царь учреждаетъ всенародное торжество открытія золотой статуи въ честь своего національнаго бога. Всѣ вельможи и сановники, вся толпа представителей разныхъ народовъ должны были повергнуться предъ статуей, при звукахъ музыки не только Вавилонской, но и далекихъ, греческихъ странъ (*). Разженная печь грозила казню непокорнымъ.

Должно здѣсь замѣтить, что въ царѣ открываются не просто оставшіяся языческія понятія, но и понятія такія, изъ которыхъ видно крайнее извращеніе самого язычества. Законъ и основаніе язычества уже не только не увлеченіе, но и не преданіе или павыкъ, а просто произволь деспота. Промыслъ изводитъ наружу всю осязаемую тьму современ-

(*) Это послѣднее видно изъ явно-греческихъ названій, въ самомъ подлинникѣ, нѣкоторыхъ музыкальныхъ инструментовъ.

наго язычества, чтобы потомъ глубже проникъ душу язычника свѣтъ Божественной истины.

Три Іудея, товарищи и помощники Даниїла, поставленные уже въ государственные чиновники, — рѣшительно отрекаются отъ идолопоклонства, вѣрные Богу небесному (*). Трогается так. обр. другая могучая пружина своенравнаго язычества — неограниченный ни чѣмъ, и ничего выше себя не знающій произволь деспота. Богъ *ихъ* — этихъ взысканныхъ царскою милостію плѣнниковъ, признанъ и исповѣданъ царемъ, и они пренебрегаютъ и повелѣніе царево и божество царево!! *Навуходносоръ въ ярости и гнѣвъ рече привести Седраха, Мисаха и Авденаго. Но, видно, и при горделивомъ гнѣвѣ не совсѣмъ еще померкъ лучъ истины и добра въ душѣ царя Вавилонскаго: разъяренный деспотъ готовъ еще простить рабовъ Бога небеснаго, если только они хотя теперь будутъ покорны царю, — поклонятся его богу. Съ другой стороны, и сущая въ немъ языческая ложь, отъ противоборства становится тѣмъ напряженнѣе и, въ соединеніи съ неограниченнымъ произволомъ восточнаго деспотизма, тѣмъ горделивѣе. Кто есть Богъ, иже изметъ вы изъ руки моея? — такъ высказывается при семъ, выше небесъ восходящее, самовластіе и гордыня деспота. Еще ли потерпитъ онъ*

(*) Даниїла въ настоящемъ случаѣ не виднѣли за его отсутствіемъ изъ Вавилона или за болѣзнію. Но изъ Даниїлова описанія этого случая очевидно, что онъ всею душою раздѣляетъ съ своими друзьями вѣрность Богу Израилеву.

какое возраженіе! — Не смотря на то, святые мужи рѣшительно и твердо исповѣдуютъ свою непоколебимую вѣру и вѣрность истинному Богу: *есть Богъ нашъ на небесахъ, ему же мы служимъ... богомъ (же) твоимъ не служимъ и тѣлу златому, еже поставилъ еси, не кланяемся.*

И такъ, исповѣдники открыто являются предъ царемъ рабами Бога небеснаго и слѣд. гражданами того грядущаго царства, о которомъ онъ получилъ предъ симъ откровеніе. Но не отрѣшась отъ современныхъ языческихъ понятій о божествѣ, гордый, грозный владыка видѣлъ въ трехъ Іудеяхъ только противленіе своей волѣ, и сталъ прямо во враждебное отношеніе къ предуказанной ему прежде благодати, по истинѣ самъ не вѣдая, что творить. Тогда Навуходоносоръ исполнился ярости и зракъ лица его измѣнился.... и рече: *разжигте печь седмерицею... оковавше Сеораха, Мисаха и Авденаго, вверзите въ печь огнемъ горящую....* Приказаніе взбѣшеннаго деспота было исполнено. Эта была минута, въ которую Отецъ небесный благоволилъ новымъ свѣтомъ озарить сколько преступное, столько и жалкое невѣдѣніе язычника! — Вѣра Іудейскихъ юношей въ спасающую любовь и благодать Божію, въ эту страшную минуту ни мало не колебалась предъ пылающею пещію, и потому должна быть на самой высшей степени подвига и силы; — и благодать Божія торжественно предъявлялась въ ихъ даже видимомъ спасеніи къ славѣ своей предъ языками.... *Разливашеся пламень надъ пещію на лактейъ четыредесять девять. И обыде и пожре,*

иже окрестъ пещи Халдейскія. Ангелъ же Господень сниде купно съ сущими съ Азарією въ пещь и потрясе пламень огненный отъ пещи, и сотвори среднее пещи яко духъ росы шумящъ: и не прикоснуса ихъ отнюдь огонь, и не оскорби, ниже стужи имъ.

Такое свѣтоносное зрѣлище безусловной вѣры въ Бога и благодати Божіей, открывшейся для вѣры въ самой силѣ и дѣйствии, — обличая и разсѣвая самыя закоренѣлыя идеи, и самыя сильныя пружины язычества, — прежде всего сильно потрясаетъ душу язычника. «Тутъ царь Навуходоносоръ, какъ сказано въ Еврейскомъ подлинникѣ (ст. 91), изумился и въ замѣшательствѣ всталъ и сказалъ своимъ совѣтникамъ: не тронхъ ли мы бросили въ огонь связанныхъ.....» Потомъ, онъ уже благословительно, хотя и съ изумленіемъ, исповѣдуетъ чудесное явленіе: *се азъ вижду мужи четыре разръшенны, и ходящи среди огня, и истлѣннѣи нѣсть въ нихъ.* Наконецъ, открытымъ вѣрою очамъ его сердца видна становится сама грядущая благодать, которая и движетъ его душу и, въ самой существенной тайнѣ своей, исповѣдывается отъ него: *и зракъ четвертаго подобенъ Сыну Божію.* Такъ язычникъ доведенъ до сознанія и исповѣданія того, въ чемъ именно состоитъ благодать, еще прежде ему указанная, но прежде въ тайнѣ ~~своего~~ существа ему не открытая! — Безъ сомнѣнія, уже Новозавѣтному времени принадлежитъ со всею точностію понять и опредѣлить, что открыто Навуходоносору и имъ ощущено и выражено. Для него

довольно, чтобы, хотя гадательно, примѣтить и исповѣдывать въ человѣкообразномъ представителѣ грядущей благодати зракъ Сына Божія: и зракъ четвертаго подобенъ Сыну Божію; а намъ въ этомъ же самомъ свойственно уже съ точностію уразумѣть предъявленіе между самыми языками тайны вочеловѣченія Сына Божія. Ибо въ *человѣческомъ* именно образѣ признанный, *Сынъ Божій* есть прямо Богочеловѣкъ. Подобно и въ другихъ мѣстахъ Ветхаго завета является Ангелъ въ видѣ человѣка, но съ значеніемъ лица Божественнаго (наприм. Агари), и потому также предуказываетъ въ себѣ грядущаго Богочеловѣка.

Послѣ такого откровенія Навуходоносоръ въ исповѣдникахъ признаетъ уже не своихъ рабовъ или подданныхъ, но Божіихъ, и слѣдовательно гражданъ грядущаго Божія Царства: и рече... *раби Бога вышняго... изыдите*. Благословляетъ Бога— и признаетъ долгъ вѣры въ Него безусловнымъ, — такъ что на этотъ разъ жертвуетъ этому долгу и своимъ деспотизмомъ: *Благословенъ Богъ... иже... изъясъ отроки своя, яко уповаша на него: и слово царево премъниша* и проч. И даже самъ, не стѣсняясь никакими политическими расчетами и религіозными понятіями, исполняетъ долгъ вѣры, въ безусловномъ его значеніи, именно заповѣдуетъ языческому міру своихъ подданныхъ благоговѣніе къ единому истинному Богу: *и азъ заповѣдаю заповѣдь вси людѣе, племя, языкъ, аще речетъ хулу на Бога Мисахова, и проч. въ пагубу да будутъ: понеже: и въсть Бога другаго, иже избавитъ сице.*

Такъ представитель и владыка языческаго міра возведенъ явленіемъ благодати и славы Божіей къ сознанію и исполненію безусловнаго долга вѣры и къ пожертвованію истинной вѣрѣ, языческими понятіями (чего прежде ему не доставало)!—Кромѣ того, предыдущее откровеніе въ настоящемъ случаѣ не только дополнено новымъ, потребнымъ для дальнѣйшаго просвѣщенія языческаго невѣдѣнія, откровеніемъ, но еще подтверждено и оправдано въ собственныхъ своихъ чертахъ. Ибо грядущее непреложное царство, животворное для вѣры и низлагающее Боговраждебность, явилось именно въ этой самой силѣ и дѣйствія, когда одно и тоже пламя орошало чадъ грядущаго царства и пополаляло служителей Халдейскаго, враждебнаго церкви, царства.

Такимъ-то обр. виѣшнее преобладаніе языческой тьмы надъ вѣрою и благодатнымъ свѣтомъ—превратилось во всемірное и побѣдоносное явленіе вѣры; и торжество благодати, которое выразительно и прекрасно изображено еще Ветхо-завѣтною церковію въ хвалебной пѣсни отроковъ (*), и которое ежедневно созерцается и воспѣвается Ново-завѣтною церковію, какъ *тогда убо образуемое, нынѣ же дѣйствуемое*.

Апостолъ въ краткомъ очеркѣ великихъ въ Ветхомъ завѣтѣ явленій вѣры и дѣйствій грядущей

(*) Нѣкоторые замѣчаютъ даже какъ бы скачекъ въ Еврейскомъ текстѣ тамъ, гдѣ недостаетъ этой пѣсни,—именно Роземиллеръ.

благодати — указываетъ и на настоящее великое явленіе: *въроу угасиши силу огненную* (Евр. XII). Предъявленіе благодати между языками. въ настоящемъ случаѣ, примѣчено и засвидѣтельствовано св. отцами. Такъ св. Ипполитъ на слова Навуходоносора: *зракъ четвертаго подобенъ сыну Божію*, замѣчаетъ: «скажи мнѣ, Навуходоносоръ, когда ты видѣлъ сына Божія, что исповѣдуешь Его сыномъ Божіимъ? Кто подвигъ смягчить твое сердце, чтобы ты изрекъ такое слово? Какими очами могъ ты созерцать такой свѣтъ?... Такъ какъ писано, что сердце царево въ рукѣ Божіей,¹ то эта самая Божія рука, о которой сказано, подвигла сердце его, чтобы онъ узналъ Его въ печи и прославилъ... Такъ какъ сыны Израилевы имѣли не вѣровать, увидѣвъ сына Божія въ мірѣ: то писаніе и предугадало, что языки потщатся признать того во плоти, котораго древле Навуходоносоръ видя еще не воплощеннымъ, призналъ и исповѣдовалъ сыномъ Божіимъ.» Здѣсь св. отецъ другими словами высказываетъ слѣдующее значеніе разсматриваемаго событія: Навуходоносоръ удостоился особеннаго Божественнаго вразумленія, какъ вождь языковъ, и настоящее откровеніе благодати есть предварительное ея дѣйствіе касательно вообще призванія языковъ. Другіи древній учитель (Евдоксій) говорятъ о Навуходоносорѣ: «онъ называлъ сына Божія не по совершенному вѣдѣнію, какъ иной подумалъ бы, ибо и Апостолы, прежде воскресенія Христова, этого во всей точности не разумѣли, но, именовавъ сына Божія, выра-

жалъ примѣненіе.... «Тоже сказать другими словами: назвалъ такъ еще гадательно. Наконецъ еще одинъ изъ древнихъ (Аполлинарій) говоритъ о явившемся въ пещи Ангелѣ: этотъ Ангелъ долженъ быть представляемъ нами образомъ сына Божія», и пр. (Видитъ этотъ учитель здѣсь предуказаніе даже снисшествія Христова во адъ) (*). И такъ выше представленное изъясненіе этого событія, основанное на самомъ существѣ и обстоятельствахъ его, въ общемъ и существенномъ своемъ значеніи подтверждается Апостоломъ, а въ частностяхъ подтверждается авторитетомъ древнихъ отцевъ и учителей церкви и голосомъ церкви, раздающимся каждодневно въ Богослуженіи (**).

—

Доселѣ откровенія и дѣйствія Божія направлялись главнымъ обр. къ просвѣщенію духовнаго недоразумѣнія и невѣдѣнія языческаго, — какъ и дѣйствительно нужно сначала узнать истину, чтобы потомъ слѣдовать ей. Теперь потребно склонить язычника, сколько возможно, къ практической покорности и послѣдованію открытой ему истинѣ. Десница Божія, въ семь случаевъ, беретъ для своихъ дѣйствій того же Навуходоносора.

(*) Всѣ мѣста изъ учителей церкви взяты изъ книги „*Manuscriptum veterum nova collectio*“.

(**) Въ 7 и 8 крмсахъ каноновъ Богослужебныхъ.

Въ обоихъ выше раскрытыхъ нами случаяхъ не могли мы не замѣтить въ царѣ Вавилонскомъ той преобладающей въ его характерѣ черты, что его самовластіе и произволь не знали рѣшительно никакихъ предѣловъ; ни чувство человечества его не смягчало (что въ первомъ случаѣ видно), ни религія его не смирала (въ послѣднемъ случаѣ). Въ этомъ отражалась не личная только особенность Навуходоносора, но характеръ вообще языческой современности. Когда языческіе призраки божества уже не успѣвали вполне скрыть свою ничтожность отъ обольщенныхъ ими, по крайней мѣрѣ, отъ проницательнѣйшихъ изъ нихъ: то земные представители Всевышней власти естественно уже не видѣли и не чувствовали никого выше себя. Какое же возможно тутъ чувство человечества, или сила религіи? Такъ было въ преобладающихъ. Но отсюда необходимо слѣдуетъ рабство и паденіе духа въ преобладаемыхъ; такъ какъ въ подкрѣпленіе ихъ не оставалось не только мысли о человѣческомъ своемъ достоинствѣ, которое попрано, но и чувства горней власти, которая опредѣлялась для нихъ также произволомъ деспота. Навуходоносоръ, по своему личному величію, по необыкновенной силѣ своей духовной природы, только вполне выразилъ и раскрылъ такой жалкой характеръ языческой современности. Такимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи онъ опять является истиннымъ представителемъ современныхъ языковъ, и слѣдовательно обращенная къ нему десница Вышняго простирается вообще на языковъ.

Держава небесная, владычественная надъ всѣмъ и все враждебное низлагающая, указана была Навуходоносору и въ откровеніи, и въ самомъ своемъ дѣйствіи. Слѣдовало бы уже смягчиться и смириться гордому и беспощадному характеру деспотизма. Но свойство и существо гордыни таково, что для умягченія ея не достаточно только открытія истины; она можетъ и истину признать, даже трепетать предъ нею, и однако внутренно противиться ей, хотя это бываетъ не всегда сознательно и прямо. Гордыня же Вавилонскаго деспота имѣла столь глубокія основанія въ современныхъ обстоятельствахъ язычества, и столько уже окрѣпла! И такъ, открытая истина встрѣтила въ представителѣ и вождѣ языковъ непокореніе: небесной державы не могъ не признать Навуходоносоръ въ предшествующихъ обстоятельствахъ, но въ духѣ своемъ не чувствовалъ надъ собою власти ея и не смирялся предъ нею. *Ихже хотяше, убиваше и ихже хотяше, бѣяше, и ихже хотяше, возвышаше, и ихже хотяше, той смиряше. И.... вознесся сердце его и утвердися духъ его еже презорствовать,* — такъ свидѣтельствуешь о немъ Пророкъ (V, 19. 20). Сердцевѣдцу была ясна эта внутренняя самообожаящая гордыня Вавилонскаго царя; и дабы вызвать во внѣ и врачевать эту страшную духовную язву, онъ устрояетъ слѣдующее. Сначала открывается горделивому деспоту угрожающій ему Божественный судъ. Навуходоносору представляется во снѣ дерево, «касающееся вершиною до небесъ и видимое до краевъ земли»; *листвіе его прекрасно, и плодъ*

его многи, и пищи встѣхъ въ немъ, и подѣ нимъ вселяхуся вси звѣріе дивіи, и въ вѣтвьхъ его живяху (вся) птицы небесніи.... И вотъ, видитъ царь, — сходитъ съ небесъ *бодрый* или неусыпающій и *святый*, какъ самъ онъ рассказываетъ объ этомъ (см. IV глав.). Чтобы понять это явленіе и понятіе о немъ Навуходоносора, нужно вспомнить Вавилонскую идею, кромѣ Высочайшаго Божества, еще о низшихъ и подчиненныхъ Божественныхъ существахъ, которыя, чрезъ нѣсколько своихъ рядовъ, касались и земли, — бодрствовали надъ нею, посредствовали между ней и небомъ (это такъ называемые Θεοὶ βυλαίοι). Эта идея, въ которой виднѣется искра истины, только утратившей свою чистоту (*), — въ Навуходоносорѣ должна быть уже возвышена къ чистой истинѣ предшествующими откровеніями Божественной истины. И такимъ образомъ, ему было удобно видѣть и понять явленіе «неусыпающаго и святаго» служителя Божія, духовнаго или безплотнаго хранителя земнородныхъ. И вотъ, этотъ *бодрый* и *святый* возглашаетъ въ видѣніи Навуходоносора: «срубите это дерево, обрубите вѣтви его..... Но пень на корняхъ его оставьте на землѣ. Пусть онъ въ желѣзныхъ и мѣдныхъ оковахъ на травѣ полевой мокнетъ отъ небесной росы, и съ звѣрями имѣетъ участокъ въ травѣ зеленой. Сердце человѣческое переменится ему, и дастся ему сердце звѣрское пока пройдутъ надъ нимъ

(*) Ближайшіе служители Божества представляются сами божествами, хотя они только благодатно обожены.

седмь годовъ (ст. 13, IV гл.). Сіе опредѣленіе, продолжаетъ Неусыпающій и Святый Вѣстникъ, дано по приговору недремлющихъ, сего требуетъ воля святыхъ (14 ст.)».... Истина здѣсь опять выражается сообразно съ показаннымъ представленіемъ Вавилонянъ, и опять выражается во всей своей точности и чистотѣ. Это та же истина, которая изображается въ началѣ книги Іова — въ зрѣлищѣ духовнаго міра, или въ книгѣ Царствъ — въ видѣніи Пророка Михея: Всевышній открываетъ свою волю въ духовномъ мірѣ, и какъ это міръ существъ разумныхъ и свободныхъ, то благіе духи свободно и сознательно послѣдуютъ этой волѣ и служатъ ея исполненію, внутренно съ нею согласные, такъ что воля Божественная становится и ихъ волею. И такимъ образомъ, Божественныя опредѣленія начинаютъ осуществляться на землѣ — по согласному «приговору недремлющихъ» небесныхъ силъ, по требованію «воли» всего Святаго Небеснаго міра, одушевляемого и движимаго мыслию и волею самаго Бога. Такъ, заключаетъ недремлющій и Святый Ангелъ, «сіе опредѣленіе дано по приговору недремлющихъ, сего требуетъ воля святыхъ, чтобы знали живущіе, что царствомъ человѣческимъ управляетъ Всевышній, и даетъ его, кому хочетъ, и поставляетъ на оное смиренныхъ изъ человѣковъ.»—Это сновидѣніе какъ очевидно, отчасти символическое, отчасти прямое! Не опредѣлено только, кто представленъ здѣсь въ символѣ дерево. Даніилъ, къ которому обратился царь съ своимъ сновидѣніемъ, уяснилъ и эту неопредѣленную черту. Смыслъ сновидѣ-

дѣнія, раскрытый Пророкомъ, тотъ, что Навуходоносоръ, въ удостовѣреніе свое и своихъ подвластныхъ въ томъ, *яко владѣтъ Вышній царствомъ человѣческимъ* и проч., имѣлъ провести семь лѣтъ въ состояніи скотоподобномъ, и послѣ, смирясь, опять царствовать. Откровеніе, очевидно, направлено прямо противъ выше раскрытой нами язвы времени или, что тоже, противъ вполне ее обнявшаго и носившаго характера царя Вавилонскаго — гордаго и безчеловѣчнаго деспотизма, посягающаго и на человѣческое достоинство и на религію подвластныхъ. *Сего ради царю, прибавляетъ Пророкъ къ истолкованію сновидѣнія, советъ мой да будетъ тебѣ угоденъ, и грѣхи твоя милостынями искупи, и неправды твоя щедротами убоишь: нели (можетъ быть) будетъ долготерпѣливъ грѣхомъ твоимъ Богъ* (ст. 24). То есть, по ходу дѣла какъ бы такъ говоритъ Пророкъ: смягчи свой деспотизмъ чувствомъ человѣчества, или человѣколюбіемъ, — убойся и спѣши заблаговременно умиловать Бога.

Царь спрашивалъ Даніила, какъ такого мужа, въ которомъ, по его словамъ, *Духъ Божій Святъ*, т. е. спрашивалъ какъ Пророка; слѣдовательно, онъ вѣрилъ ему и призналъ истину его словъ, — вотъ плодъ прежнихъ ему откровеній. Но въ духѣ покорился ли истинѣ? Отвѣтъ на это читаемъ въ продолженіи книги: *Подвоюнадесяти мѣсяцъ въ дому царства своего, въ Вавилонъ бѣходя.... Царь и рече: нѣсть ли сей Вавилонъ великій, еяже азъ соградихъ въ домъ царства, въ держа-*

въ крѣпости моя, въ честь славы моя (ст. 27)... Если бы не было и предварительнаго откровенія Навуходоносору суда Божія, то эта рѣчь уже обличала бы всю глубину его гордыни, все якобы изъ себя и для себя производящей. Но послѣ откровенія—это было уже не что иное, какъ высказать наперекоръ сему откровенію: нѣтъ, не *Вышній владѣетъ црствомъ*; напротивъ, *сей Вавилонъ великій.... азъ соградихъ.... въ державѣ крѣпости моя*. И такимъ образомъ, открылась не просто самообожаящая, но открыто-объявляющая мятежъ и противленіе Всевышнему горделивость, хотя, конечно, и самъ Навуходоносоръ не признавалъ еще такой глубины своего духовнаго паденія въ гордыню. Такъ выведена наружу вся эта демонская внутренняя болѣзнь, отъ которой погибалъ и царь и его почти всемірное царство! И это составляло уже первый приѣмъ къ уврачеванію отъ болѣзни.

Другой приѣмъ Небеснаго Врача послѣдовалъ непосредственно за первымъ: *еще слову суцу во устъхъ царя, гласъ съ небесе бысть: тебе глаголется, Навуходоносоре царю: царство твое преиде отъ тебе, и отъ челоувѣкъ отженутъ тя, и со звѣрьми дивіими житіе твое и проч.* (4, 28—29). Судъ, прежде открытый предостерегательно, теперь изрекается къ своему исполненію, и изрекается ощутительно для чувствъ осуждаемаго, какъ и свойственно Вѣтхозавѣтному времени дознавать все непосредственно. Что же потомъ? *Въ той часъ слово скончался на Навуходоносоръ, и отъ челоувѣкъ отина*

ядяше, и отъ росы небесныя тѣло его оросися, дондеже власи ему, яко льву, возрастоша, и нѣти ему, аки птицамъ (ст. 30). И это должно было продолжаться съ нимъ на семь лѣтъ, дондеже, по Божественному глаголу, онъ увѣсть яко владѣть Вышній царствомъ человѣческимъ (ст. 29). И этотъ судъ совершился открыто предъ всѣми да, по слову *бодраго и святаго*, увѣдятъ вси живущи, яко владѣть Вышній царствомъ человѣческимъ (ст. 14).

Здѣсь поразительно и достойно размышленія, во 1-хъ, необычайное и зависящее, въ настоящемъ случаѣ, отъ особеннаго мановенія Вышняго раскрытіе способности души, образовать себѣ тѣло по страстямъ преобладающимъ. Естественнымъ и обыкновеннымъ образомъ эта способность въ разныхъ степеняхъ проявляется во всѣхъ насъ, — здѣсь она раскрылась чрезвычайнымъ образомъ, по особенному мановенію свыше (*). Во 2-хъ, настоящій чрезвычайный случай открываетъ тайну, въ нравственномъ мірѣ, состояній духовнаго продолжительнаго

(*) Такъ въ Саррѣ дѣторожденіе было естественное, но раскрылось въ ней, неплодной, творческою волею и силою. Подобнымъ образомъ и въ Навуходоносрѣ безчеловѣчная и нечестивая гордыня уже низлагаетъ духъ съ Богоподобной высоты человѣческаго достоинства и разрываетъ внутреннюю связь горделивца съ чело-вѣками; къ соотвѣтственному видоизмѣненію естественно предрасполагается и склоняется самый тѣлесный организмъ—гордыня и безчеловѣчіе особенно рѣзко клеймятъ чело-вѣка и по виѣшнему виду; — и это тѣлесное предрасположеніе къ звѣрообразности, по непосредственному слову Вышняго, сейчасъ же раскрылось въ Навуходоносрѣ во всей силѣ.

безсознанія, безумія и тому подоб. Не явный ли это знакъ, — говоритъ вопросительно о сихъ состояніяхъ одна изъ отраслей внѣшней мудрости, — что нѣтъ души, живущей особою, духовною жизнію, что вообще, жизнь человѣка есть только высшій видъ физической, животной жизни? Напротивъ, подобное состояніе или даже самая крайняя степень подобнаго состоянія въ Даніиловой книгѣ представляется путемъ, ведущимъ изъ безумнаго самообожанія гордыни къ смиренному и разумному сознанію Всевышней власти. Слѣдственно и въ такихъ состояніяхъ душа живетъ своею самостоятельною жизнію, — не этою внѣшнею разстроенною физическою жизнію, которую мы видимъ въ безумныхъ съ сожалѣніемъ и ужасомъ, но жизнію нравственною, духовною, сокровенною въ глубинѣ самой души. Слѣдуетъ только взять во вниманіе дѣйствительное продолженіе духовной жизни души при внѣшнемъ безуміи человѣка, — и исправленіе Навуходносора отъ глубокаго духовнаго поврежденія, произведенное чрезъ скотоподобное его состояніе, будетъ нѣсколько понятно. Возмечтавшая взойти на небо, выше звѣздъ небесныхъ поставить престолъ свой, словомъ, — самообожаящая себя душа вдругъ своимъ тѣломъ поставлена въ состояніе, со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ силахъ связанное и подавленное. Какъ живое и притомъ нравственное существо, она стремится и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ сама могущественнѣе, проявить себя во внѣшней самостоятельной дѣятельности, — и однако своими движеніями производитъ во внѣ только разные ви-

доизмѣненія разстроенной физической жизни. Какъ получившая нравственное направленіе превозношенія, она порывается и тѣмъ неудержимѣе, чѣмъ крѣпче и выше ея гордыня,—все покорить себѣ и все наполнить собою, и однако—никуда, рѣшительно никуда внѣ себя самой, внѣ своего ничтожества выйти не можетъ..... Прямой выходъ изъ этихъ внутреннихъ, едва ли вообразимыхъ, бореній сокровенной внутри и подавленной отъ внѣ жизни души, и особенно души съ рѣзкимъ отпечаткомъ образа Божія, души сильной и еще не ожесточившейся въ своей гордыни,—и есть ощущеніе своего ничтожества,—смирненіе гордыни. Такимъ-то образомъ, наконецъ, *по скончаніи тѣхъ дней, Навуходоносоръ очи свои на небо воздвигъ, и.... Вышняго благослови, и живущаго вѣдьми похвали, и прослави, яко власть Его власть вѣчна, и царство Его въ роды и роды, и вси живущіи на земли ни во что же вѣмнишася: и по волю своей творить въ силъ небесный и въ селеніи земныхъ: и нѣсть, иже воспротивится руцѣ Его, и речетъ Ему: что сотворилъ еси?* (31 и 32 ст.). Какъ выразительны, и какъ глубоко искренни эти слова самаго Навуходоносора, вышедшаго наконецъ изъ своей двойной духовной темницы—во первыхъ, ужасной темницы скотоподобнаго состоянія, и еще болѣе ужасной темницы—гордости! Онъ теперь *воздвигъ на небо безпредѣльные и прекрасныя свои уже чистыя очи, и вздохнула свободно его душа....*

Конецъ этихъ дивныхъ путей Всеблагаго и Премудраго Владыки и Врача очевиденъ: *въ то время*

умъ мой, говоритъ Навуходоносоръ самъ о себѣ, возвратися ко мнѣ, и начальницы мои и вельможи мои искажу мене, и въ царствѣ моемъ утвердися, и величество изобильнѣе приложися мнѣ (ст. 33). И такъ какъ, по внѣшнему своему положенію и по внутреннему величію своей природы, онъ развилъ и вынесъ въ себѣ болѣзнь вообще современнаго языческаго міра: то здоровое его состояніе, въ которомъ тѣмъ свойственнѣе быть ему вождемъ современныхъ языковъ, естественно должно было отозваться во всемъ тогдашнемъ языческомъ мірѣ. Истинно великій теперь царь, оправдавшій особенное призрѣніе къ себѣ Царя Небеснаго, издаетъ всенародный манифестъ, въ которомъ самъ излагаетъ всѣ раскрытыя нами обстоятельство суда Божія надъ нимъ, и самъ же раскрываетъ значеніе этихъ обстоятельствъ, — значеніе, касающееся не одной его личности, но и вообще міра. Это великое слово царя Вавилонскаго ко всѣмъ подданнымъ излилось изъ просвѣтленной уже его души и Пророкомъ помѣщено въ книгѣ во всемъ своемъ составѣ. Начало его таково (III, 98 и сл.): *Навуходоносоръ царь всѣмъ людемъ, племеномъ и языкомъ сущимъ во всей земли... знаменія и чудеса, яже сотвори со мною Богъ Вышній, угодно бысть предо мною возвестити вамъ, коль великая и крѣпкая: царство Его царство вѣчное, и власть его въ роды и роды....* Конецъ подобной же: *нынѣ убо азъ Навуходоносоръ хвалю, и превозношу, и славлю Царя Небеснаго: яко вся дѣла Его истинна, и путіе Его судьбы, и вся ходящія въ гордости*

можетъ смирить (IV, 34). И такъ страшный деспотъ является уже истиннымъ, откровеннымъ съ дѣтьми, отцемъ; вмѣсто того, что прежде самая религія управлялась его произволомъ, теперь проповѣдуется отъ него всему міру истинный Богъ, вѣчный и всевластный; вмѣсто того, что прежде не было у него никакого вниманія къ людямъ, какъ къ ближнимъ и братьямъ, теперь онъ провозглашаетъ Божественный законъ униженія и низложенія всякаго горделиваго преобладателя. Казалось бы, что и права человечества на весь языческій міръ признаются, и истинная религія ему возвращается, и начинается спасеніе языковъ.... На самомъ дѣлѣ тайна благодати, ведущей и противящихся язычниковъ къ покаянному смиренію и спасенію, только какъ молніеносная мысль, предъявилась и пронеслась тогда въ языческомъ мірѣ. Но и этого по тогдашнимъ обстоятельствамъ было очень довольно! И для насъ довольно уяснить, хотя отчасти, великое значеніе этихъ событій, съ внѣшней своей стороны, изъ дѣтства нами перетверженныхъ и обратившихся въ общее мѣсто. Чѣмъ въ то время кончилось это озареніе языковъ, возбужденное могущественными ударами въ душу необычайно сильную, мыслящую и чувствующую за весь міръ языковъ, — видно изъ продолженія пророческой книги.

—

Продолженіе книги показываетъ, что Духъ язычества, при всемъ томъ, что уже начинала обличаться обольстительная его личина, и слѣдовательно началось склоненіе его къ упадку, столь еще былъ силенъ, что и послѣ такого ограниченія и пораженія своего, при первой возможности, возстаетъ съ новою силою, — и тѣмъ убійственнѣе его проявленіе. Не очень долго спустя послѣ раскрытыхъ нами событій, вотъ что происходило въ Вавилонѣ. — Царствовалъ родной внукъ Навуходоносора (*), съ которымъ произошли эти событія, какъ можно примѣтить, уже въ послѣдніе годы его владычества, — чудныя дѣла и откровенія Божіи и всенародное извѣстіе о нихъ Навуходоносора были еще въ свѣжей памяти; — самъ тогдашній царь (Валтасаръ) *вся сія вѣдалъ*, какъ обличалъ его впоследствии Пророкъ (V, 22); — были живы и очевидцы чудесъ, какъ такую является царица (вѣроятно, она была уже мать Валтасара). Но царь отличался только разсѣянностію и развратомъ, а во всѣхъ другихъ отношеніяхъ былъ человѣкъ ничтожный. Ему ли было не только поддерживать, но и вмѣстить великую мысль дѣда его, открытую непосредственно отъ Бога и усвоенную имъ чрезъ великія страданія? Напротивъ, Валтасаръ былъ самый удобный и готовый сосудъ къ проявленіямъ только растлѣннаго, падшаго духа времени. И вотъ, на публичномъ царственномъ пиршествѣ, гдѣ съ Вавилонскимъ воздержаніемъ и безстыдствомъ мужчины и жен-

(*) См. Библейскую Исторію Высокопреосвящ. Филарета.

щины *пїяху віно*, славятъ мертвыхъ идоловъ, а объ истинномъ и Живомъ Богѣ никто уже не помнитъ: *пїяху віно, и похвалиша боги златыя, и серебряныя, и жѣдяныя, и желѣзныя, и деревяныя, и каменные: а Бога вѣчнаго не благословиша, имущаго власть духа ихъ* (V, 4). Мало того, Валтасаръ приказалъ, при вкушеніи вина, еще принести сосуды златы и серебряны, яже изнесе Навуходоносоръ.... изъ (Іерусалимскаго) храма Господа Бога.... и принесоша.... и *пїяху* ими царь и вельможи его, и наложницы его, и возлежащія окрестъ его (2 и 3 ст.). Это уже было не просто забвеніе Господа Бога, котораго чудеса и откровенія были еще такъ недавно, но и глумленіе надъ Нимъ, ругательство надъ властію Его, надъ великими Его чудесами, надъ провозглашеніемъ ихъ Навуходоносора, надъ благоговѣніемъ къ нимъ нѣкогда, и еще такъ недавно, царя и всего царства; — это было упорное противленіе истинѣ. Безумцы выражали своими поступками, что власть и сила Вышняго, приводившая въ трепетъ предшественниковъ, для нихъ ничего не значить, и что своихъ боговъ, каковы бы они ни были, не посрамятъ они предъ Всевышнимъ.... И это тогда, когда Іегова сталъ и среди языковъ *ходить* также, какъ еще продолжалъ среди Израїля такое свое, Едемское по началу, хожденіе.... Чего же было ждать на этомъ зрѣлищѣ столь безнадежно-растлѣннаго и бѣснующагося язычества? Іегова не слышно подошелъ къ безумцамъ: *въ той часъ изыдоша персты руки чловѣчи, и писаху*

противу лампы на поваленіи стѣны дому царева, и царь видяше персты руки пишущія. И сейчасъ исчезла безъ слѣда безумная храбрость нечестивцевъ противъ Бога Израилева. Тогда царю зракъ измѣнися, и размышленія его смущаху его, и соузы чреслъ его разслабляхуся, и кольна его сражастася.... Всеобщее смятеніе тѣмъ болѣе усиливалось, что вси мудріи не можашу писанія прочести. Наконецъ вспомнили, и то по напоминанію постороннему (именно царицы — вѣроятно матери Валтасара), Даніила, обратились къ нему, и слышали отъ него сначала напоминаніе о чудесномъ вразумленіи Навуходоносора, потомъ грозное и вмѣстѣ трогательное обличеніе: *и ты убо, сыне его (*) Валтасаре, не смирилъ си сердца твоего предъ Господемъ: не вся ли сія въдалъ си? но на Господа Бога твоего вознесся си.* Наконецъ былъ Даніиломъ прочтенъ и истолкованъ начертанный таинственною рукою приговоръ на Вавилонскую династію и монархію: *раздѣлися царство твое и дадеся Мидомъ и Персомъ.* — И такъ убійственный духъ вѣка, — духъ нечестія и необузданности, лично въ Навуходоносорѣ, и пріемъ въ его царствѣ, столь глубоко пораженный, не замедлилъ ожить въ его преемникахъ и раскрылся не только въ идолопоклонствѣ, но еще въ

(*) Валтасаръ могъ быть названъ сыномъ Навуходоносора, хотя былъ, по историческимъ соображеніямъ, развѣ внукомъ его—подобно тому, какъ и позднѣйшіе изъ іудейскихъ царей назывались сынами Давида.

хуленіи и порицаніи истиннаго Бога. И исполнилось пророческое слово: *цѣлихомъ Вавилона и не исцѣль* (Іерем.). Исполнилось предреченіе и другаго Пророка, который Вавилонскаго горделиваго царя созерцалъ убитымъ и поверженнымъ безъ погребенія (Исаі.): эта участь, въ ночь того же нечестиваго пиршества, постигла Валтасара, въ которомъ возносящійся противъ самаго Бога деспотизмъ, пораженный въ Навуходоносорѣ, снова ожилъ и возсталъ съ такою наглостію. Исполнилось и пророческое видѣніе самаго Навуходоносора: Царство Вавилонское пало, низверженное грядущимъ Божественнымъ камнемъ; — отъ лица Бога изшедшіе человѣческіе *персты руки* предъявляли царственную десницу Богочеловѣка, которымъ имѣлъ проявить въ себѣ силу и власть *сокрушать языки*, какъ *сосуды скудельничи*.

Относительно вообще языковъ, обстоятельства Валтасара показали, что язычники, даже открытою десницею Божіею руководимые и смиряемые, съ малымъ ея послабленіемъ, сейчасъ предавались своему буйству и возставали противъ Небеснаго Руководителя. Такъ еще сильно было язычество, хотя оно, примѣтно, начало уже отживать свой вѣкъ, вѣкъ неотразимаго обольщенія, протертаго на весь міръ! Но еще хорошо, что Валтасаръ, съ своими клеветами, только по внѣшнему положенію былъ впереди языческаго міра, а внутренно былъ самый ограниченный и односторонній человѣкъ. Въ немъ открылась только одна и именно худшая, сторона того, какъ язычники воспользовались Бого-

даннымъ имъ просвѣщеніемъ и направленіемъ въ судьбахъ и дѣлахъ Навуходоносора. Въ книгѣ Даніила раскрывается и другая, лучшая сторона этого.

Въ Мидо-Персидскомъ владычествѣ, заступившемъ мѣсто падшей Вавилонской деспотіи и монархіи, Пророкъ Даніиль, забытый при Валтасарѣ, получаетъ такую силу, что сначала является однимъ изъ трехъ первыхъ государственныхъ сановниковъ, потомъ беретъ верхъ и надъ самыми главноначальствующими; царь, Дарій Мидійскій, опредѣлилъ поставить его главою надъ всѣмъ царствомъ, *яко Духъ бже преизобилень въ немъ*. Прежнія великія дѣла и откровенія Божіи, которыхъ служителемъ или истолкователемъ являлся Даніиль, конечно — въ этомъ случаѣ имѣли великое вліяніе на царя: ибо послѣдній смотрѣлъ на Даніила не просто, какъ на государственнаго мужа, но и какъ на вѣрнаго и постояннаго «служителя Бога Живаго» (собственныя слова Дарія). Но духъ современнаго язычества успѣлъ взять постыдную дань и съ этого благорасположеннаго и внимательнаго ко внушеніямъ Божественнымъ властелина. Завистливые къ возвышенію Даніила и желая подкопаться подъ его величіе, вельможи предложили царю, какъ чрезвычайному, по религіи Персидской, представителю Божества, повелѣть во всемъ царствѣ, чтобы въ

теченіе цѣлыхъ тридцати дней никто не прибѣгалъ съ мольбами ни къ какому божеству, а только къ царю. Съ ослабленіемъ и исторженіемъ чувства зависимости отъ Вышней Власти, земной представитель Ея не находилъ въ такомъ льстивомъ предложеніи ничего не сообразнаго... Повелѣніе издано съ угрозою бросить ослушника на снѣденіе лвамъ. Разсчетъ завистниковъ былъ вѣренъ: Даніилъ оказался ослушникомъ нечестиваго повелѣнія, — онъ молился единому истинному Богу, Богу Израилеву, обращаясь при этомъ открыто къ сторонѣ Іерусалима (*). Послѣдствія извѣстны. Извѣстно тяжелое затрудненіе царя, когда требовали у него казни Пророка. Затрудненіе, въ которомъ, съ одной стороны, открылась вся смѣтная неаѣпость и осязаемая ложь язычества, а съ другой глубокая увѣренность царя въ достоинствѣ Даніила, какъ служителя Живаго Бога, и, слѣдовательно, начатокъ въ немъ сильной вѣры въ Бога. Владыка, которому одному въ эти дни предоставлена Божеская честь — принимать молитвы и являть Божескія милости или суды, цѣлый день до захожденія солнца спорилъ съ своими вельможами о Даніилѣ, напрасно «выискивая средство спасти его», наконецъ уступилъ непреложности Мидо-Персидскаго закона. Вотъ каково ужъ современное язычество! Не въ состоя-

(*) Дверцы отверсты ему въ горницы его противу Іерусалима въ триже времена дне (времена, вѣроятно, законныхъ жертвоприношеній) бже преклоня кольна своя моляся и исповѣдаяся предъ Богомъ своимъ, яко же бѣ творяй прежде. Дан. VI, 10.

ніа будучи зашитить праведника отъ зложелателей, царь предавалъ его зашитѣ его Бога. «Богъ твой, которому ты служишь постоянно, да спасетъ тебя» — сказалъ онъ Даніилу, когда, противъ всѣхъ усилій епастн его, повергали его въ львиной ровъ. И за тѣмъ царь отказался отъ вечерней трапезы, и всю ночь не смыкалъ глазъ отъ сильнаго движенія безпокойства и скорби за служителя Живаго Бога. Такъ глубоко былъ въ Даріѣ корень вѣры! И Госнодь явилъ сколько благоволенія своему избранному и вѣрному рабу Даніилу, — столько же, можно сказать, снисхожденія и вниманія къ надежнымъ начаткамъ вѣры язычника..... «Даніиль читатель Бога Живаго.» — Такъ жалобнымъ голосомъ взывалъ Дарій, рано по утру поспѣшивъ къ львиному рву! — Богъ твой, которому ты служишь постоянно, могъ ли спасти тебя отъ львовъ?» (ст. 20, VI гл.). Вопросъ, въ которомъ слышенъ трепетъ души за сокроище вѣры, отчасти, видно, уже принятое и понятое этою душою! «Тогда Даніиль сказалъ царю: во вѣки живи, царь! Богъ послалъ Ангела своего и заключилъ пасть львовъ, и они меня не растерзали». (ст. 22). Такъ торжественно оправдана благодатию вѣра Пророка, и съ тѣмъ вмѣстѣ высоконодъята, еще прежде сильно возбужденная, вѣра языческаго царя! Вѣра послѣдняго, поставленная въ самыхъ начаткахъ своихъ въ такое нечаянное и сильное испытаніе и достигшая такого благодатнаго выхода изъ него, теперь раскрылась вполнѣ и торжествовала спасеніе Пророка, какъ собственную побѣду и спасеніе..... Наказавъ злоумышля-

ющихъ противъ Божіа посланника тою же казнію, какую они приготовили послѣднему, владыка языческаго міра, подобно Навуходоносору, исповѣдуетъ предъ всѣмъ подвластнымъ міромъ Державу Божію достопокланяемою отъ всѣхъ, вѣчною и неизблемою, всемошною и спасающею. «Тогда Дарій царь написалъ: всѣмъ народамъ, племеномъ и поколѣніямъ, живущимъ по всей землѣ..... мною дается повелѣніе, чтобы во всякой области моего царства трепетали и благоговѣли предъ Богомъ Даніиловымъ... Онъ есть Богъ Живый и вѣчно существующій и царство Его не разрушится, и владычество Его до конца вѣковъ. Онъ спасаетъ и избавляетъ и дѣлаетъ знаменія и чудеса на небесахъ и на землѣ. Онъ Даніила спасъ отъ львовъ» (ст. 25—27). Видно, и язычникъ предощутилъ же своею вѣрою ту небесную благодать, которая предъявилась, въ его очахъ, чрезъ вѣру Даніила, какъ о томъ засвидѣтельствовано Апостоломъ: *вѣрою.... заградиша уста львовъ.*

Вотъ и другая сторона язычества въ отношеніи къ открывшемуся между ними свѣту Божественной истины! Она показываетъ, что Господь не безъ плода давалъ откровенія и чудодѣйствовалъ среди языковъ; наплись благосознательные, которые унаслѣдовали себѣ, сколько можно, сокровище вѣры. Впрочемъ и изъ послѣднихъ обстоятельствъ ясно, что духъ язычества сильно еще преобладалъ надъ человѣкомъ, что сами собою опутывались сѣтію его и такія души, въ которыхъ уже были положены начатки вѣры, что только чрезвычайными

способами и явленіями могла быть поддержана и упрочена вѣра, тогда какъ человѣческая духовная природа не могла уже и выносить непрерывныхъ напряженій и потрясеній чрезвычайностями, и что, слѣдовательно, еще неблаговременно было вполне открыться вѣрѣ и благодати среди языковъ. Этимъ должно было и окончиться настоящее чрезвычайное дѣло Божіе среди языковъ: ибо продолженіе его было бы уже безцѣльно. Божественная истина просвѣтила, на сколько то было можно, невѣдѣніе языковъ, поставила ихъ дивными способами на свою стезю, противящихся побѣдоносно низложила и благосознательными всемірно исповѣдована. Слѣдовательно, она обозначилась между языками со всѣхъ существенныхъ своихъ сторонъ. И если при томъ не оказалось въ языкахъ достаточной пріемлемости къ полному, совершенному усвоенію и упроченію въ себѣ ея откровеній: то напрасны уже были бы среди нихъ дальнѣйшія чрезвычайныя ея откровенія. Между тѣмъ данныхъ разностороннихъ указаній Божественной истины достаточно было по крайней мѣрѣ для *предварительнаго* приготовленія языковъ къ полному и всецѣлому ея откровенію.

Такъ были удовлетворяемы, при служеніи или созерцаніи Пророка Даніила, великія духовныя по-

требности языческаго міра! При предназначавшемся выходѣ языковъ изъ среды обаяній и увлеченій обольстительными призраками, которые они строили для себя изъ самыхъ остатковъ и слѣдовъ первобытнаго Эдемскаго быта, Господь Богъ, сколько для языковъ было можно и нужно, торжественно напомнилъ имъ о своей вѣчной державѣ и о грядущей, спасающей своей благодати. Исторія человѣческаго рода должна свѣтло и ярко обозначить на своихъ скрижаляхъ настоящую эпоху. Почему же, можно спросить, Исторія міра едва замѣчаетъ всѣ разсмотрѣнныя нами событія? Не потому ли, что они относятся къ частной Іудейской исторіи? Напротивъ, это событія всемірныя, какъ мы видѣли. — Или по недостатку внутренняго ихъ значенія? Но торжественное, царственное, во всемъ тогдашнемъ политическомъ мірѣ, провозглашеніе еоократическихъ истинъ, конечно, не менѣе по своему значенію разнесенія Эллинскихъ идей по востоку Александромъ. — Или исторія, слѣдя послѣдовательное раскрытіе судебъ міра, находитъ настоящія событія не важными по результатамъ, бесплоднымъ для міра? Но справедливо ли это? Явленіе и распространеніе христіанства признано уже и внѣшнею мудростію за безпримѣрно великій всемірный переворотъ. Спрашивается: какъ произошелъ этотъ переворотъ? — Какъ растлѣнный языческій міръ могъ освоиться съ христіанскими святыми идеями? Ложь язычества, отвѣчаютъ, дошла до послѣднихъ крайностей, и уже сама отряжала отъ себя человѣка — къ истинѣ хри-

стіанства. Но это только одна сторона дѣла, которая, безъ дополненія другою, ничего необъясняетъ..... Развратный человѣкъ, низпадшій до послѣдней глубины растлѣнія духовнаго, наконецъ открываетъ глаза на убійственную ложь своихъ страстей, и если на этомъ одномъ оставить его, — ему предлежитъ отчаяніе и гибель. Нужно, чтобы у него еще оставалась нѣкоторая внутренняя бодрость, надежда, чтобы онъ могъ возстать изъ глубины своего паденія. И въ язычествующемъ человѣчествѣ, кромѣ сознанія лживости язычества, было распространено при открытіи христіанства не уныніе, а всеобщее ожиданіе чего-то лучшаго. Гдѣ основаніе этого ободряющаго ожиданія, бывшаго первымъ залогомъ спасенія? — Въ первоначальныхъ преданіяхъ народовъ? Но преданія народовъ не только о благодати, столь сокровенно возвѣщаемой вначалѣ, но и вообще о Божествѣ, столь близкомъ вначалѣ къ людямъ, были искажены и извращены до корня баснями язычества (миѳологіей). Не говоримъ уже того, что всеобщее ожиданіе язычества, по свидѣтельству тогдашнихъ историковъ, было обращено къ Востоку и даже прямо къ Іудеи, и чаяло оттуда благодѣтельныхъ завоевателей (*); этого уже нельзя производить отъ первоначальныхъ преданій. — Всеобщее чаяніе лучшаго, говорятъ, произошло отъ разсѣянія всюду Іудеевъ? Справедливо, но опять только съ одной

(*) Флавій, Тацитъ и Светоній свидѣтельствуютъ объ этомъ.

сторонѣ. Іудеи, обыкновенно презираемые (*), да и сами духовно уже упавшіе, и притомъ грядущее спасеніе и блаженство, относящіе собственно къ себѣ, а на языковъ взирающіе, — какъ на свое будущее наслѣдіе и рабовъ, — сами Іудеи, если бы въ нихъ однихъ было дѣло, столько же мало, или развѣ немного болѣе, могли бы сообщить міру свои чаянія, сколько напримѣръ въ настоящія времена имѣютъ вліяніе на міръ тѣ же Іудеи: нѣтъ! Видно самому языческому міру идеи и чаянія Іудеевъ были не совсѣмъ чужды, были знакомы и бывали близки къ сердцу — и это если не по однимъ первоначальнымъ преданіямъ, какъ выше доказано, то слѣдовательно по свѣжимъ сильнымъ напоминаніямъ. Эпоха такихъ напоминаній языческому міру объ истинномъ Богѣ и грядущей Его благодати и представляется у Даніила (**). Слѣдовательно эта эпоха находится во внутренней и существенной связи съ послѣдующимъ всемірнымъ переворотомъ, разграничивающимъ всѣ времена на два великіе и различные отдѣла. Великое обиліе сѣмянъ этого переворота, произведеннаго именно христіанствомъ, было посѣяно въ мірѣ — въ Даніилову эпоху. Мы распространились объ этомъ, чтобы маловни-

(*) По свидѣтельству Тацита.

(**) Въѣстъ съ его предреченіями, такъ близко и много касающимися языковъ. Какъ государственный сановникъ и особенно начальникъ надъ самими мудрецами Вавилонскими, Даніиль могъ дѣлиться съ посаждными всѣмъ, чтѣ ему было открываемо свыше.

мательность къ этому исторіи міра не пала нѣ-
которою тѣнію на содержаніе пророческой книги.

Исслѣдованіе дѣлъ и откровеній Божіихъ, имѣ-
ющихъ такое близкое отношеніе къ языкамъ, за-
ключимъ тѣмъ, что чрезъ эти дѣла и откровенія
Іеговы Бога Израилева поразительно давалось и
Іудеямъ видѣть власть Всевышняго ихъ Царя, не
только ничего не терпящую отъ ихъ плѣна, но,
по поводу его, торжественно простирающуюся и
на языки. Въ особенности же откровеніе о царствѣ
вѣчномъ, грядущемъ за четырьмя земными цар-
ствами, явленіе вида Сына Божія въ печи для спа-
сенія трехъ отроковъ — было для Израиля, въ
тогдашнихъ сумракахъ ихъ вѣры и жизни, отрад-
нымъ свѣтомъ грядущей благодати. Но сущест-
венныя нужды церкви тѣмъ не вполнѣ еще удовле-
творялись. Самыя эти откровенія о грядущей благо-
дати, достаточныя для языковъ, были слишкомъ
общы для Іудеевъ; нужнаго разграниченія, хотя
разумѣется, только отчасти, между областію спа-
сающей благодати и областію земной ееоократіи въ
данныхъ откровеніяхъ не сдѣлано; опредѣленнаго
и яснаго самаго по себѣ руководства на настоящее
и послѣдующее темное время не дано. Все это
представляется намъ, въ книгѣ Даніила, уже въ
слѣдующемъ отдѣлѣ.

—

II. Откровенія, данныя собственно для Іудеевъ.

Эти откровенія у Пророка слѣдуютъ одно за другимъ также въ хронологическомъ порядкѣ. И нѣтъ нужды и повода измѣнять этотъ порядокъ въ обзорѣни пророчествъ. Напротивъ, такъ какъ предметъ сихъ пророчествъ во всѣхъ одинъ: то измѣнивъ порядокъ при обзорѣни, мы не поймемъ, почему на одинъ и тотъ же предметъ дано нѣскольکو откровеній, какая существенная между ними разность и отъ чего не иначе, какъ всѣ они въ совокупности и цѣлости своей, могли удовлетворить потребностямъ Израиля (или вообще церкви Вселенской; ибо Израиль былъ ея представитель). Только пророчество о *седминахъ*, по рѣзкой его своеобразности, отличной отъ другихъ пророчествъ Даніиловыхъ, взаимно сходныхъ (параллельныхъ), обозримъ уже послѣ очерка другихъ пророческихъ откровеній, между собою сходныхъ. Первое такое откровеніе содержится въ VII главѣ. Обратимъ вниманіе на время и обстоятельства этого откровенія, раскроемъ общее его значеніе и уяснимъ частности въ немъ, какія требуютъ уясненія.

Время, когда дано было это откровеніе, было первое лѣто царя Валтасарова. Это былъ уже послѣдній царь Вавилонской деспотіи, и царь, какъ мы

уже знаемъ, такой, въ которомъ духъ времени нашелъ самый удобный и готовый для своей растлѣнности и пагубы сосудъ. Въ обстоятельствахъ и дѣлахъ Навуходоносора Господь далъ міру и церкви предощутить грядущее время спасающей всѣхъ благодати. Сынъ и преемникъ его Евельмеродихъ, видно, слѣдовалъ урокамъ Божественнымъ, даннымъ при его отцѣ: онъ вывелъ плѣннаго Іудейскаго царя изъ темницы, далъ ему приличное содержаніе, и поставилъ престолъ его выше престоловъ другихъ царей, себѣ подвластныхъ. И вотъ затѣмъ, послѣ нѣкотораго смутнаго времени, является на престолѣ развратный и нечестивый юноша, дерзкій хули-тель Божества; эти свойства, проявившіяся въ Валтасарѣ вполнѣ, при самомъ концѣ его царства и жизни, конечно еще прежде были укоренены въ немъ и были примѣтны другимъ, особенно Пророку. И такъ надъ церковію, которой положеніе было уже затруднительно и тяжело по самому плѣну, послѣ проблесковъ Божественнаго свѣта на весь міръ снова сталъ сгущаться мракъ.... Употребимъ другое, болѣе близкое къ настоящему пророчественному откровенію, сравненіе предъ ковчегомъ церкви, узрѣвшей было нѣкоторую пристань, открывалось опять великое волнующееся море, грозящее еще большими, противъ прежняго, бѣдами.... И чрезъ Пророка, который, конечно, первый входилъ въ этотъ современный мракъ, первый примѣтилъ это море и вѣрою уже напрягался къ Спасительному Небесному свѣту. Господь и поспѣшаетъ, такъ сказать, къ своей церкви съ своимъ свѣтомъ и руководствомъ

Въ первое лѣто Валтасара, царя Халдейска, Даниилъ сонъ видѣ: и видѣніе главы его на ложѣ его, и сонъ свой вписа (см. VII гл.).

Самое откровеніе раздѣляется на двѣ части—видѣніе и истолкованіе видѣнія. Такъ Пророкъ созерцаетъ, во первыхъ самое настоящее положеніе церкви, о которомъ свойственно было ему заботливо мыслить и которое, во всей поразительности и точности истины, явлено ему Духомъ Святымъ: *Азъ Даниилъ видѣхъ въ видѣніи моемъ ноцію и се четыре вѣтри небесніи налегша на море великое.* Изъ этого моря исходятъ одинъ за другимъ четыре великіе звѣря, различные одинъ отъ другаго (ст. 3). Первый звѣрь подобенъ видомъ льву, но былъ съ крыльями орлиными; по исторженіи его крыльевъ онъ всталъ прямо, какъ человѣкъ, и сталъ разумѣть также, какъ человѣкъ (4). Второй звѣрь былъ подобенъ медвѣдю съ тремя клыками во рту, и ему предоставлено пожирать *плоти многи* (5). Затѣмъ третій звѣрь, подобный барсу, только съ четырьмя крыльями; это звѣрь властительный (6). Потомъ выходилъ четвертый, съ желѣзными зубами, *ядый и истончевая, останки же ногами своими попираше* (ст. 7); этотъ звѣрь съ 10-ю рогами, среди которыхъ появляется еще иной рогъ, сначала малый, потомъ усиливающийся и сокрушающій заразы три предшествующіе ему рога; этотъ рогъ съ человѣческими глазами, съ горделивыми и хульными устами (ст. 8). Между тѣмъ какъ этотъ рогъ богохульствовалъ (ст. 11), открывается страшное судилище: на престолѣ пламенно-образномъ возсѣдаетъ

Ветхій день ии, предъ Нимъ огненная рѣка, тысячи тысячъ и тьмы темъ предстоятъ и служатъ Ему; раскрываются книги (ст. 9, 10).... Хульной рогъ убить и поверженъ въ огненную рѣку, прочіе звѣри лишены своего значенія и силы, но не преданы грозящей въ пламенной рѣкѣ смерти (11, 12). Тутъ же, на облацѣхъ небесныхъ яко Сынъ человѣчъ идый бже, и даже до Ветхаго деньми дойде и предъ Него приведется: и тому дадеся власть и честь и царство и вси людие, племена и языцы Тому поработаютъ: власть его власть вѣчная, аже не преидетъ, и царство Его не рассыплется (ст. 13, 14). Это видѣніе!

Вострепета духъ мой въ состояніи моемъ, говорить о себѣ Пророкъ и видѣнія главы моя смущаху мя. И придохъ къ единому отъ стоящихъ, т. е. предъ престоломъ, и извѣстія просихъ отъ него научиться о всѣхъ сихъ: и повѣда ми извѣстіе, и сказаніе словесъ возвѣстими (15, 16). Это обстоятельство показываетъ, что видѣніе было, какъ и Навуходоносорово видѣніе посѣкаемаго дерева, отчасти символическое, отчасти прямое и собственное. Ибо Пророка вразумляетъ одинъ изъ предстоящихъ служителей Ветхаго деньми, какъ лице дѣйствительное, вѣдающее тайны. Слѣдовательно, это не символъ. Отсюда выходитъ, что и все это явленіе судилища и служащихъ предъ Ветхимъ деньми, есть собственное, хотя и человѣко-образное. Ниже, въ своемъ мѣстѣ, рассмотримъ это явленіе до подробностей. А теперь скажемъ только вообще, что Ветхій день-

ми, являющійся вседержавнымъ Владыкою міра по Даніилову видѣнію, очевидно есть Богъ, а потому и непосредственные его служители, очевидно суть святые Ангелы.

Въ истолкованіи видѣнія однимъ изъ непосредственныхъ служителей Вѣтхаго деньми, или однимъ изъ святыхъ Ангеловъ, сначала раскрывается значеніе всего цѣлаго, потомъ въ особенности изъясняется значеніе послѣдняго звѣря и хульнаго рога.

Въ видѣніи представлены, по ангельскому истолкованію, четыре царства (ст. 17), послѣ которыхъ откроется царство Святыхъ Божіихъ, царство вѣчное (ст. 18). Четвертый звѣрь, о которомъ Пророкъ особенно спрашивалъ открывающаго ему тайны, своею лютостію знаменуетъ чрезвычайную жестокость и всегубительность четвертаго царства (ст. 23); десять роговъ этого звѣря—указываютъ на десять царей, послѣдній хульный рогъ, сокрушающій три предшествующіе ему рога, означаетъ послѣдняго въ семъ царствѣ царя, имѣющаго низложить троихъ предшественниковъ, — царя Богохульнаго, гонителя Святыхъ, грозящаго разрушить все церковное устройство, и которому попущено злодѣйствовать на нѣкоторое время (24, 25). Но за его гибелью и откроется царство вѣчное, все покаряющее и низлагающее (26, 27). Таково настоящее откровеніе! Вникая въ него не можемъ не признать, что и точка зрѣнія, и образъ представленія, и самое содержаніе въ семъ пророчественномъ откровеніи одинаковы съ выше изъясненнымъ нами откровеніемъ символическаго тѣла. Представляются

символическіе звѣри, указываются четыре царства по отношенію къ царству Божественному и вѣчному, и притомъ по отношенію не времени только, но особенно враждебно несовмѣстности своей съ этимъ царствомъ Святыхъ и низложенія отъ него; послѣдній же царь четвертаго царства прямо представленъ упорнѣйшимъ и жесточайшимъ преслѣдователемъ Святыхъ, которые въ семъ же откровеніи являются членами или наслѣдниками грядущаго царства (ст. 18, 24). Въ такомъ же отношеніи враждебномъ Божію Царству и сокрушеніи отъ него взяты четыре царства въ прежнемъ откровеніи. Слѣд. точка зрѣнія одна въ обоихъ откровеніяхъ! Равно въ томъ и другомъ четыре царства представляются низложенными всѣ вдругъ, и даже четвертое царство и здѣсь, какъ въ прежнемъ откровеніи, созерцается низложеннымъ прежде предшествующихъ ему трехъ царствъ (ст. 11, 12). Образъ представленія одинъ и тотъ же. Слѣдовательно, и изъясненіе его одно и то же и здѣсь, какъ въ прежнемъ откровеніи: такъ представляется низложеніе враждебныхъ царствъ не потому, чтобы они въ самомъ дѣлѣ были поражены всѣ вдругъ отъ царства Святыхъ, или даже послѣдній царь четвертаго низложенъ прежде всѣхъ, но потому, что они всѣ должны быть низложены силою грядущаго за ними царства Святыхъ царствъ Сына человѣческаго, до Вѣтнаго деньми; а четвертое царство, и притомъ, въ послѣднемъ лютомъ своемъ царѣ, изображается падшимъ прежде другихъ, какъ ближайшее по вре-

мени къ низлагающему ихъ царству Святыхъ. Наконецъ и содержаніе въ главныхъ и существенныхъ чертахъ одинаково: въ обоихъ откровеніяхъ слѣдуютъ одно за другимъ именно четыре царства и притомъ *постепенно одно предъ другимъ унижаясь* въ своемъ достоинствѣ и характерѣ; золото, серебро, мѣдь, желѣзо; левъ, медвѣдь, рысь, еще какой-то страшный звѣрь. Третій символическій звѣрь здѣсь является съ особеннымъ выраженіемъ власти-тельства; подобно какъ третье царство, по прежнему откровенію, *соподлнитъ всей земли*. Четвертое царство, по прежнему откровенію, характера желѣзнаго, — все сокрушаетъ и истончаетъ подобно желѣзу; такъ и здѣсь четвертый символическій звѣрь *ужасенъ, зубы его желѣзніи велии, лѣвый и истончавая* и пр. При разсмотрѣніи прежняго пророчества мы замѣчали и то, что тамъ въ особенномъ вниманіи имѣются *персты ножніи*, которыхъ естественно десять; символическая часть четвертаго царства, подобно какъ здѣсь въ четвертомъ звѣрѣ имѣются въ особенномъ вниманіи десять роговъ, символы десяти царей. Конечъ и существенный предметъ пророчества, въ томъ и другомъ, открытіе царства Божественнаго, вѣчнаго.

Такимъ образомъ во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ настоящее пророчество подобно (параллельно) прежнему. Слѣд. общій смыслъ настоящаго пророчества есть одинъ и тотъ же съ прежнимъ пророчествомъ: должны слѣдовать одно за другимъ четыре неблагопріятныя Царству Божію владыче-

ства: это Вавилонское (*), Персидское (**), Греческое Александрово (***) и Сиро-египетское (****) владычества; они будутъ одно за другимъ низлагаемы силою грядущаго за ними Божія Царства, сущаго не отъ міра сего и побѣдоноснаго надъ всѣми мірскими Боговраждебными царствами (*****) (ст. 24), предъ которымъ, слѣдовательно, четыре враждебныя ему и разрушаемыя отъ него царства, взяты здѣсь какъ *представители вообще всѣхъ* Боговраждебныхъ мірскихъ, низлагаемыхъ отъ него, царствъ (*****).

Раскрывъ общее значеніе настоящаго откровенія, изъ этого общаго значенія уже безъ большаго затрудненія можемъ уяснить и опредѣлять всѣ частности, которыя составляютъ особенность сего откровенія, соотвѣтственную обстоятельствамъ его

(*) Прямо указанное въ прежнемъ откровеніи.

(**) Указанное въ откровеніи 8-й главы, параллельномъ (какъ уже знаемъ) откровенію 2-й главы, а слѣд. и настоящему.

(***) Указано въ пророчествѣ 8-й главы, также въ XI гл., гдѣ во всей обстоятельности (какъ знаемъ) раскрываются пророчества 2-й главы; а слѣд. и настоящее.

(****) Указано въ XI гл. Поелику же при изслѣдованіи пророчества 2-й главы о 4-мъ царствѣ мы ссылались на настоящую 7-ю главу, то, чтобы не было *круга* въ доказательствахъ о четвертомъ царствѣ, по настоящему пророчеству, мы сдѣлаемъ особое изслѣдованіе на своемъ мѣстѣ.

(*****) Это въ настоящемъ пророчествѣ еще поясняется точнѣе и прямѣе.

(*****). Иначе была бы несообразность въ томъ, чтобы указать на побѣду сего царства только надъ 4-мя царствами и однако, вслѣдствіе того, представлять его побѣдоноснымъ 'надъ всѣми мірскими царствами.

происхожденія. Особенность настоящаго откровенія, при сличеніи его съ предыдущимъ, та, что какъ о земныхъ четырехъ царствахъ сказано здѣсь много обстоятельнѣе и подробнѣе, такъ и грядущее за ними Царство Божіе раскрыто во всемъ свѣтѣ своей вышемірной области и во всей глубинѣ своихъ основаній.

Въ отношеніи къ земнымъ четыремъ царствамъ замѣчательна самая среда, изъ которой они появляются: *и се четыре вѣтри небесніи налегоста на море великое*. Судя по обстоятельствамъ, вызвавшимъ, такъ сказать, это откровеніе, и по изникновенію изъ моря символически-представленныхъ царствъ, можно понять, что это великое, волнующееся море, есть непостоянный и мятущійся земной міръ, міръ явленій, одно за другимъ возникающихъ и одно другимъ поглощающихся подобно воинамъ, и въ особенности человѣческихъ дѣлъ и приключеній, по видимому управляемыхъ вѣтрами случайности, страстей и произвола, — словомъ — весь настоящій привременный и текущій порядокъ вещей, взятый самъ по себѣ. Ибо дѣйствительно, изъ него поражаются, и чрезъ него усиливаются и ослабѣваютъ всѣ царства земныя, рассматриваемыя сами по себѣ. Блаженный Теодоритъ говоритъ: «Даніилъ видитъ море, чѣмъ давалось ему знать о волнахъ настоящей жизни. И поелику онъ, какъ плѣнникъ, принужденъ былъ находиться на чужой странѣ, то благопотребно и вразумляется онъ касательно бурь и тревоженій жизни.» Другой же древній учитель (Евдоксій) рассматриваетъ это явленіе моря еще

ближе къ обстоятельствамъ Даниїла при Валтасарѣ: «когда царь (то есть Валтасаръ) смотритъ на настоящій порядокъ вещей, то видитъ землю и дерева земныя, и все убѣгающее видитъ твердо стоящимъ: ибо быстрое прехожденіе бѣгущаго неразумному представляется единымъ твердымъ, а мудрому оно представляется колеблемымъ и волнуемымъ, почему онъ и видитъ не землю, а *море*.»

Четыре вѣтра небесніи: нѣкоторымъ изъ древнихъ толкователей (Полихронію) видится здѣсь указаніе на четырехъ духовъ, вождей четырехъ земныхъ царствъ, представляемыхъ въ видѣніи. Другіе же ближе къ знаменованію моря, изъясняютъ четыре вѣтра о четырехъ предѣлахъ міра (съ запада, съвера и пр.). Эта мысль принадлежитъ св. Ипполиту, который говоритъ: «Это означаетъ четыре-стороннюю вселенную.» Нѣкоторые же, и именно Блаженный Теодоритъ, находятъ въ четырехъ вѣтрахъ, волнующихъ море, указаніе на самое непостоянство вещей въ мірѣ: «Моремъ называетъ онъ (Пророкъ) жизнь, подверженную тысячамъ тревоженій, а вѣтрами, на него напирающими, непостоянство вещей.» Толкованіе совершенно сообразное съ значеніемъ волнующагося моря. Число—*четыре*—по отношенію къ вѣтрамъ, изъ которыхъ каждый долженъ идти непременно или съ той или съ другой стороны четырех-сторонняго свѣта, можетъ быть указаніемъ вообще на всякій родъ измѣненій въ мірѣ; если же брать это число въ определенномъ смыслѣ, то оно, конечно, указываетъ на четыре великія измѣненія въ мірѣ, съ какими долж-

ны были появляться четыре царства, изображаемые здѣсь. Послѣднѣе изъясненіе принадлежитъ Блаженному Θεодориту.

И четыре звѣри величьи истощаху изъ моря...первый, аки львица (или левъ), имущъ криль, криль же его аки орли; зряхъ, дондеже исторжена была крила его; и воздвижеся отъ земли и на ногу челоуѣку ста и сердце челоуѣче дадеся ему (ст. 3 и 4.). Изображеніе царства Вавилонскаго (*) подъ символомъ царственнаго звѣря—льва—съ крылами царственной птицы—орла—очевидно соотвѣтствуетъ прежнему изображенію его въ символѣ—золотой главы. И слѣдовательно, оно означаетъ, по изъясненію послѣдняго символа самимъ Пророкомъ, вообще характеръ его деспотіи, --чрезвычайную ея обширность и неограниченность. Отсюда можно уже и частнѣе опредѣлять настоящій символъ: львиный видъ даетъ мысль о властительномъ произволѣ и силѣ деспота, пренебрегающаго челоуѣчествомъ и чрезъ это упадающаго до звѣрства, а орлиныя крылья—о горделивомъ, непризнающемъ ничего выше себя пареніи Вавилонскаго царя, недостойномъ же челоуѣчества. Но въ разсужденіи того, что означается исторженіемъ крыльевъ изъ этого звѣря и преображеніемъ его по виду и по чувству сердца въ челоуѣка, толкователи разногласятъ между собою. Одни, какъ Θεодоритъ, Евдоксій, видятъ здѣсь символъ паденія династіи,

(*) Что оно здѣсь разумѣется, это уже выяснено у насъ.

и вразумленіе чрезъ это въ томъ, что она напрасно усвоила себѣ свыше-человѣческое достоинство. Но странно было бы, символъ взятый съ вида и разумности человѣка, изъяснять объ униженіи и паденіи царственнаго величія, тогда какъ самое ея величіе изображается видомъ безсловесныхъ—льва и крылами орла. Другое толкованіе предлагаетъ св. Ипполитъ. «Это случилось, говоритъ онъ на это мѣсто, съ Навуходоносоромъ, —случилось такъ, какъ выше показано въ книгѣ. И именно она свидѣтельствуешь о такихъ приключеніяхъ Навуходоносора, что онъ *отинся* съ царства (извѣстною съ нимъ перемѣною) и у него отъята была та слава и величіе, которыя онъ прежде стяжалъ.—И потомъ: на *ногу чловьку ста, и сердце чловьчье дадся ему*,—это значитъ, что Навуходоносоръ смирился и призналъ себя чловѣкомъ, подлежащимъ власти Божіей, прибѣгнулъ къ Господу, получилъ отъ Него милость и оцять возстановленъ въ свою славу и величіе» (*). Это толкованіе совершенно сообразно и съ символомъ и съ событіями царства Вавилонскаго и съ подобными мѣстами (параллелизмомъ) и съ обстоятельствами происхожденія сего пророчесвеннаго откровенія. По значенію орлиныхъ крыльевъ и львинаго вида, какъ символовъ неограниченнаго въ самовластіи произвола и горделиваго духа деспота,—отъятіе этихъ крыльевъ и измѣненіе львинаго вида на чловѣческой, даютъ прямую мысль

(*) Приводимыя здѣсь святоотеческія мѣста взяты изъ вышеупомянутой книги *Maji Scriptorum veterum nova collectio*.

объ измѣненіи характера Вавилонской династіи, объ ограниченіи деспотическаго произвола челоуѣколюбивою разумностію, о смиреніи горделиваго духа истиннымъ самопознаніемъ.—Обстоятельствами Навуходоносора, какъ мы видѣли, совершенно преобразовался характеръ его деспотіи и получилъ значеніе истинно-челоуѣческое и разумное; тотъ же характеръ отчасти продолжался и при сынѣ его Евильмеродахѣ.

Въ предыдущемъ подобномъ (параллельномъ) откровеніи о царствахъ, Вавилонское царство также представляемо было въ лицѣ Навуходоносора, этомъ великомъ представителѣ и вождѣ Вавилонской, почти всемірной, монархіи: *глава злата ты еси царю*. Пророку, при нечестивомъ Валтасарѣ, было свойственно обращаться мыслию къ великому благодатному озаренію, открывшемуся при Навуходоносорѣ надъ языками и давшему было иной свѣтлый видъ Вавилонской деспотіи;—а потому и дано было ему отрадное созерцаніе этого преобразования, при Валтасарѣ уже со всѣмъ изглажденного. И чрезъ это тѣмъ разительнѣе являлось настоящее упорное противленіе Вавилонскаго царства Божію Царству, простиравшему и на него спасительное свое вліяніе,—и тѣмъ ближе должно было угрожать ему низложеніе отъ Божія Царства (*). И такъ, между цар-

(*) Есть еще третіе толкованіе символическихъ чертъ перваго, т. е. Вавилонскаго царства: „Халдеи, первоначально жившіе въ Сѣверной Азіи, были (говорять) народъ кочующій, звѣрскій, и—это будто значить имѣть видъ льва съ крыльями орла, потому

ствами, враждебными царству Святыхъ и должествующими пасть предъ его побѣдоносною силою, Пророку указывается первое—царство Вавилонское, поражающее своимъ царственнымъ деспотическимъ величіемъ и, по вліянію и дѣйствию царя святыхъ возведенное—было къ значенію разумному, къ озаренію спасительною истиною и грядущею благодатію. И такое царство стало теперь рѣшительно на сторонѣ враждебной царству Святыхъ, не совмѣстной съ послѣднимъ, и слѣдовательно близко къ своей отъ него гибели. Такой смыслъ видѣнія касательно перваго звѣря—льва или львицы!

И се звѣрь второй подобенъ медвѣдицѣ (медвѣдю), и на странѣ единой ста и три ребра во устьѣхъ его среди зубовъ его, и сице глаголашу ему: востани, яждь плоти многи (ст. 5). Таковы символическія черты втораго или, какъ уже намъ извѣстно, Мидо-Персидскаго царства! Символь-медвѣдя, соотвѣтственно значенію символа предыдущаго царства, долженъ выражать характеръ и духъ Персидскаго царства. Характеристическія чер-

Ассирійскіе цари, употребляя ихъ въ своемъ войскѣ, приучили къ людскости, и дали имъ земли,—и это значитъ стать на землѣ двумя ногами и получить человѣчскій смыслъ. „Толкованіе произвольное, и притомъ такое, будто въ семъ откровеніи имѣются въ виду не болѣе, какъ мірское, вѣнши-политическое значеніе и судьба царствъ; притомъ еще, кочующіе Халдеи и царства не составляли. По такому взгляду на символъ перваго царства, въ символъ напр. 3-го или Греческаго царства слѣдовало бы взять живое уже выше-человѣческое существо: ибо что Вавилонская людскость предъ Влиивскою?!

ты этого звѣря—грубая тяжелая сила и обжорливость (замѣчаютъ въ немъ и свойства утонченной чувственности, какъ-то: есть въ немъ чувство стройности звуковъ и пр.)... Что эти черты имѣются въ виду и здѣсь во пророчественномъ символѣ, доказываетъ воззваніе къ символическому звѣрю: *возстани и яждь плоти мнози*. И такъ характеръ второй деспотіи есть алчность, стремленіе подавлять своею внѣшнею силою, и вмѣстѣ склонность къ чувственнымъ наслажденіямъ. Дѣйствительно, такой характеръ проявился уже въ самомъ Кирѣ, котораго завоеванія происходили ни изъ стремленія къ героической славѣ, которое дѣйствовало въ Александрѣ Великомъ, ни изъ нетерпѣнія непокорныхъ двигавшаго Навуходоносора; особенно же его преемники отличались безотчетною алчностью къ завоеваніямъ и стремленіямъ все подавить своею матеріальною силою. Доказательство сему—ужасы при покореніи, или, лучше, подавленіи Египта, устремленіе подавить своею тяжестью вольнолюбивыхъ Грековъ. Наконецъ роскошествовать — это извѣстная черта Персовъ (*).

(*) Нѣкоторые изъ толкователей значеніе символа именно тѣмъ изъясняютъ, что Персы были грубы въ своихъ наслажденіяхъ: такъ Рав. *Svadia* и *Rahsce* говорятъ, что „Персы, какъ грубые и плотяные, не худо приравняются къ медвѣдямъ; они также ѣдятъ и пьютъ на подобіе медвѣдей.“ Подобно изъясняютъ *Aben-esra*, *Pererius*, *Fernandius* и *Corn. a lapide*, *Boschard*. Иные еще (Coel. Rhodig. lib. XIX Var. text c. 19), замѣчаютъ, что символъ медвѣдя есть выразительный символъ Персіи и по обилію въ этой странѣ медвѣдей.

И на странѣ единой ста (*) «онъ стоялъ на сторонѣ.» Разсматривая порядокъ символическаго видѣнія, мы не можемъ не примѣчать, что это выраженіе: *на странѣ единой ста*, соотвѣтствуетъ выраженію о третьемъ царствѣ: *созади сего видѣхъ*, — то есть, то и другое обозначаютъ положеніе символическихъ звѣрей и взаимное ихъ отношеніе. Если же такъ, то за видѣніемъ перваго символическаго звѣря, увидѣтъ уже стоящимъ въ одной сторонѣ другаго звѣря — значитъ увидѣтъ другое царство уже возникающимъ на извѣстной (или опредѣленной) сторонѣ. И такъ сообразный съ пророческою рѣчью и представленіемъ смыслъ изъясняемаго выраженія будетъ тотъ: Пророку при Валтасарѣ уже дается видѣть, что съ извѣстной стороны уже поднимается новое преобладаніе Мидо-Персидское. — *И три ребра (или клыка) во устьяхъ его среди зубовъ его: и сице глаголаху ему: воѣтани, яждь плоти многи.* Персидское царство, съ показаннымъ выше характеромъ своимъ, здѣсь точнѣе и раздѣльнѣе опредѣляется какъ въ составныхъ и

(*) *И на сторону единой ста.* По чтеніи въ нѣкоторыхъ спискахъ: *et dominatum unum evehit.* Но неудобоприложимость этого чтенія къ символическому звѣрю и также чтенія въ переводахъ Вульгата, Сирскомъ, Арабскомъ, согласныя съ общепринятымъ Еврейскимъ и съ чтеніемъ 70-ти толковниковъ, утверждаютъ вѣрность этого послѣдняго чтенія: *на странѣ единой ста.* Смыслъ означаетъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, то, что владычество сего Царства должно было ограничиться наконецъ одною страню Персіею (какъ Θεοδορίτῃς), или то, что слѣдуетъ ему только взять для преобладанія надъ всѣмъ одну страну — Халдею (такъ Бл. Іеронимъ).

орудныхъ своихъ частяхъ: *три ребра (клыка) во устьяхъ его*, такъ и въ самомъ дѣйстви: *яждь плоти многи*. Последнее уже выше раскрыто, при изъясненіи характера этого царства. А три ребра или клыка, представляющіеся здѣсь и какъ преобладающіе составы и какъ орудія символическаго звѣря, указываютъ конечно на три главные составныя части царства, каковы и были въ Персидскомъ царствѣ: Мидія, Персія, Вавлонія. Въ общемъ составѣ этихъ странъ и народовъ Персидская монархія, дѣйствительно, является какъ алчный, подавляющій всѣхъ, медвѣдь съ тремя клыками во рту. По свидѣтельству Аполлинарія и Евдоксія (*), подобное толкованіе было и у древнихъ, — съ того разностию, что вмѣсто главнаго Персидскаго народа брались во вниманіе или Египтяне, или Ассиріяне, — несообразность очевидная.

Общій смыслъ пророчествъ о второмъ царствѣ таковъ: за настоящимъ Вавилонскимъ преобладаніемъ надъ наслѣдниками Царства Божія, достигнетъ подобнаго преобладанія новое, уже возникающее, въ извѣстной сторонѣ, владычество (Мидо-Персидское), алчное къ завоеваніямъ и готовое всѣхъ подавить тяжестью и силою своего трехчастнаго состава.

Созади сего видѣхъ: и се звѣрь инъ, аки рысь и пр. *Созади сего*: за Персидскимъ царствомъ, низложеннымъ побѣдоносною силою Божіева Цар-

(*) Свидѣтельства изъ вышеупомянутой книги *Maji*.

ства, слѣдуетъ новое владычество, посягающее на его права. Символь *рыси* или барса, судя по предыдущимъ символамъ, выражаетъ характеръ третьяго царства, то есть (какъ уже извѣстно намъ) Александровой Греческой монархіи. Характеристическія черты барса (*) столь противоположны тяжелому свойству медвѣдя, суть легкость, быстрота, хитрость, лютость; по самой внѣшности онъ прекрасенъ своей пестротой и пріятнымъ запахомъ, привлекающимъ къ нему на жертву его лютой и другихъ животныхъ, по свидѣтельству Аристотеля (Probl. Sect. 23, qn. 4); по замѣчанію того же Аристотеля и Плинія (l. x. Nat. Hijt. c. 37 et l. IX, 17), онъ страстенъ, и весьма легко можетъ быть упоенъ виномъ. Нельзя не подивиться точности и выразительности этого пророчесвеннаго образа: владычество Александрово превосходило надъ другими не тяжелою силою и массою, подобно Персамъ, но напротивъ стремительностію, оборотливостію, рѣшительными противъ враговъ мѣрами; Греки своею живостію, людскостію, привлекательными идеями упрочивали за собою и нравственную власть надъ сынами востока, и наконецъ лично самъ Александръ, идеалъ этихъ Греческихъ доблестей, подверженъ былъ извѣстнымъ слабостямъ—сластолюбію и невоздержанію. Словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ это былъ *барсъ*,—стремительный, рѣшительный, хитрый, привлекательный и страстный.

(*) Барсъ и не великъ.

Крыла четыре птичія надъ нимъ, или (на спящъ его) и четыре главы звѣрю. Равное число крыльевъ и главъ дало поводъ нѣкоторымъ принимать оба символа въ одномъ и томъ же значеніи (Calmet на пр.). Но въ такомъ случаѣ, за чѣмъ два символа? Впрочемъ четыре крыла и четыре главы звѣря толкуютъ вообще различные различно: кто разумѣетъ здѣсь четыре страны свѣта, покорныя Александру, и четыре царства, вышедшія изъ состава его монархіи (Теодоритъ), кто четырехъ первыхъ вождей у Александра (Каиметъ), кто подпадавшихъ Олианамъ прежнихъ властителей—Мидянъ, Вавилонянъ, Египтянъ и Персовъ (Полихроній). Чтобы не развлечься этими разными взглядами и не рѣшить дѣла личнымъ произволомъ, какъ это замѣчается въ разныхъ взглядахъ разныхъ толкователей, нужно вникнуть въ самыя черты пророчесвеннаго символа. *Крыла птичія* суть орудія полета и выражаютъ собою легость, быстроту; слѣд. четыре птичіи крыла у звѣря должны означать, по отношенію къ третьему царству, тѣ четыре составныя его части и силы, съ которыми и посредствомъ которыхъ это владычество быстрымъ полетомъ простерлось на весь міръ. У Александра дѣйствительно было четыре такихъ крыла: это сосредоточившіе около себя всѣхъ Грековъ и сами сосредоточенные въ монархіи Александровой—Аѳиняне, Спартанцы, Фивяне и Македоняне. Они оспаривали другъ у друга первенство въ Греціи и всѣ четыре устремились къ одной цѣли, ставъ точно крыльями для Александра. Такой

смыслъ даютъ самыя черты пророчественнаго символа и со всею точностію оправдываютъ событія! *Главы* царства, по прямому своему значенію, суть власти царства, и слѣдовательно четыре главы третьяго царства, суть четыре правительственные въ немъ лица, или, что тоже, это есть — четырех-начальственное раздѣленіе настоящаго царства. У Александра, дѣйствительно, были и четыре главные отдѣла монархіи (*), и четверо главныхъ вождей, отъ чего послѣ него и раздѣлилась монархія на четыре отдѣльныя владычества — въ Македоніи (Антипатръ или Филиппъ Аридей), въ Азіи (Антигонъ), въ Сиріи (Селевкъ) и въ Египтѣ (Птоломей); четырех-частное раздѣленіе Греческой монархіи разумѣтъ здѣсь святой Ипполитъ, Блаженный Теодоритъ и другіе; точность пророчества, строго держащаяся всѣхъ чертъ символа, требуетъ того, чтобы разумѣть это четырех-начальственное раздѣленіе, еще въ единствѣ монархіи бывшее, а не послѣдующее за Александромъ распаденіе монархіи.

И власть дадеся ему: Греческая Александрова монархія простирала на всѣ почти извѣстныя тогда страны власть не только гражданскую, но и нравственную, — власть Греческихъ воззрѣній и идей.

Общій смыслъ пророчествъ: за Персидскимъ царствомъ будетъ посягать на права грядущаго Царства

(*) О нихъ свидѣлствуетъ Діодоръ Сицилійскій, Адрианъ, Курцій, Иосифъ, Плутархъ, Иустинъ.

Божія властелинъ стремительный, страстный и пр., быстрымъ полетомъ четырехъ народныхъ силъ имѣвшій облетѣть весь почти міръ и владычество свое раздѣлить между четырьмя своими вождями и на четыре отдѣла. На немъ будетъ лежать печать влстительства и гражданскаго и нравственнаго (*).

Особенно подробно и обстоятельно раскрывается въ символическомъ видѣніи и въ его истолкованіи четвертое царство. Это, какъ уже дознано нами, Сиро-Египетское царство, то есть, владычество Селевкидовъ и Птолмеевъ, на сколько оно простиралось на сыновъ и наслѣдниковъ грядущаго Божіаго Царства. Такое значеніе настоящаго пророчества принимали учителя благочестія первыхъ вѣковъ христіанства, какъ свидѣтельствуемъ Блаженный Феодоритъ; такое толкованіе находимъ и у слѣдующихъ, однако древнихъ же Греческихъ учителей, какъ-то: Полихронія и иныхъ (см. Collectio vet, Script Maji). Но многіе усиливаются и въ этомъ пророчествѣ, какъ въ предыдущемъ откровеніи о четырехъ царствахъ, подъ четвертымъ царствомъ найти Римскую имперію, представляя продолженіе ея до открытія Царства славы. Мнѣніе, опровергаемое и исторіею и точнымъ смысломъ самаго про-

(*) Говоримъ: *властелинъ*, въ смыслѣ синонимическомъ съ словомъ: *Царство*. Въ самомъ пророчествѣ царства разсматриваются въ своихъ царяхъ, какъ то ясно здѣсь въ видѣніи четырехъ царствъ и въ параллельномъ прежнемъ откровеніи о четырехъ царствахъ; Греческая же монархія и держалась вся на одномъ властелинѣ.

рочества! Не останавливаясь на параллельности настоящего пророчества съ прежде даннымъ откровеніемъ и также съ откровеніями VIII и XI главъ, поставимъ на видъ доказательства нашего изъясненія, находящіяся въ самомъ настоящемъ пророчествѣ, и опровергнемъ возраженія противъ него, какія заимствуютъ изъ настоящего пророчества. Возражаютъ, противъ нашего изъясненія о Сиро-Египетскомъ владычествѣ изъ настоящего пророчества, во 1-хъ, то, что Сирійское и Египетское царства уже должны войти въ составъ третьяго царства, и въ символѣ показаны *въ четырехъ крылахъ и главахъ* звѣря. Но четыре крыла и четыре главы имѣютъ со всѣмъ иной смыслъ, основанный на прямомъ значеніи этихъ символическихъ предметовъ, и притомъ крылья и головы, въ символическомъ видѣніи, находятся въ единствѣ третьей монархіи. Слѣдовательно, изъяснять ихъ о четырехъ послѣдующихъ за Александровой монархіей царствахъ значитъ поступать и противъ указаній символа и противъ показаній исторіи, въ которой осуществился пророчесственный символъ. Четыре крыла звѣря даютъ прямую мысль о четырехъ народныхъ силахъ побѣдоноснаго и властительнаго третьяго царства; эти четыре народные силы, дѣйствительно, и были въ составѣ Александровой монархіи; съ ними Александръ быстрымъ полетомъ побѣдоносно облетѣлъ міръ (это, какъ сказано, — Македоняне, Фивяне, Аѳиняне, Спартанцы). Четыре главы звѣря знаменующаго Еллинское Александрово царство, указы-

вають на четырех-правительственныя отдѣленія одной и той же монархіи.

Точный смыслъ пророчествъ, если допускаетъ разумѣть здѣсь раздѣленіе Александровой монархіи по смерти его, то никакъ не далѣе того времени, когда четыре главные полководца его только располагали раздѣлить между собою царство и когда это царство держалось еще въ единствѣ именемъ и памятью Александра: далѣе вышелъ уже *не одинъ звѣрь четырех-главый*.... (*).

Во 2-хъ, говорятъ, что послѣ Александра осталось царство не съ десятью рогами или царями, оно распалось только на четыре царства. Но у Пророка имѣется въ виду собственно не внѣшне-политическая судьба царствъ, а отношеніе ихъ къ грядущему Царству Божію, отношеніе враждебной несовмѣстности съ нимъ и пораженія отъ него. Слѣдовательно, была бы съ пророческой точки зрѣнія несообразность—выставлять на видъ чисто политическіе перевороты, послѣдовавшіе въ мірѣ за Александромъ; Пророку свойственно было бы развѣ одно только въ отношеніи къ четыремъ послѣдующимъ за Александромъ царствомъ—воззрѣть и указать на это четырех-частное раздѣленіе, какъ на *сокрушеніе* Еллинскаго царства; это и сдѣлано въ болѣе обстоятельномъ пророчественномъ откровеніи

(*) Если въ XI-й главѣ указывается на четыре царства, послѣдующія за смертію Александра, то здѣсь въ раздѣленіи Еллинскаго царства представляются *не главы* онаго, а *сокрушеніе* самаго царства (ст. 4).

ХІ гл. Напротивъ преобладаніе надъ сынами грядущаго благодатнаго Царства—наслѣдниками обѣтованій его, послѣ Александра, дѣйствительно, принадлежало десяти царямъ Сиро-Египетскимъ и затѣмъ самому лютomu гонителю Божіа Царства, Антиоху Епифану. Именно, на это свойственно было воззрѣть Пророку съ его точки зрѣнія; прямо на это, послѣ Александровой монархіи, у него и указывается въ символическомъ видѣніи. Преобладаніе Селевкидовъ и Птолмеевъ, и еще прежде нихъ Антигона съ сыномъ, составляло, по отношенію къ наслѣдникамъ обѣтованій, единое смѣшенное владычество. Именно такимъ, то есть, многорогимъ звѣремъ, оно и представлено въ пророчествѣ (*).

Въ 3-хъ, *Святые Вышняго* съ гибелью хульнаго рога, или по представленному толкованію, Антиоха Епифана,—не получили еще вѣчнаго царства. Чтобы усвоить силу этому возраженію, нужно также требовать, чтобы и три предыдущія царства продолжили свое существованіе до открытія Царства

(*) Смыслъ, замѣтимъ, предупреждается новое возраженіе: почему два царства Селевкидовъ и Египтянъ представляются въ одномъ символическомъ звѣрѣ? Съ чисто политической точки зрѣнія, это были дѣйствительно два царственные звѣря, а по отношенію къ церкви, какъ именно созерцаетъ Пророкъ земныя царства,—это одинъ многорогій звѣрь. Была бы съ пророческой точки зрѣнія несообразность раздвоить преобладаніе Селевкидовъ и Птолмеевъ на два царства: ибо преобладаніе надъ Іудеями постояннo мѣнялось между ними, а иногда было совокупное.

Божія; ибо они обнажены отъ власти, по образу пророческаго представленія, уже съ открытіемъ Божія Царства, и даже послѣ гибели хульнаго рога, и даже еще, обнаженные отъ власти, они не поражены смертію (см. 12, сл. 9 — 11). Если же этого допустить нельзя (что очевидно): то необходимо, чтобы такой образъ представленія пророческаго, и въ семь пророчествъ какъ въ предыдущемъ, — означалъ не совокупное пораженіе всѣхъ царствъ открывшимся уже Божиимъ Царствомъ Святыхъ, но только пораженіе всѣхъ ихъ силою этого грядущаго за ними царства; и слѣдовательно, какъ пораженіе ихъ должно быть послѣдовательное одного за другимъ, такъ и открытіе царства Святыхъ должно быть уже послѣ всѣхъ ихъ. Это и прямо сказано въ истолкованіи видѣнія: *четыре царства встанутъ на земли. Яже возмутся и преѣмуть Царство Святые Вышняго* (ст. 17. 18). Въ символѣ видѣнія все это, имѣющее совершиться послѣдовательно и преемственно, изображается на одной картинѣ; ибо всѣ четыре царства враждебны Царству Божію, и одинаково низлагаются силою его, — и отъ этого произошелъ такой образъ представленія: выходятъ звѣри, и становятся одинъ за другимъ, — потомъ всѣ низлагаются силою Царства Божія. Слѣдовательно, возраженіе не имѣетъ рѣшительно никакой силы. Святые Божіе должны пріять царство уже по сокрушеніи четвертаго царственного звѣря: такъ и было на самомъ дѣлѣ, — Царство Божіе открылось на землѣ уже послѣ паденія четвертаго преобладанія надъ Іудеями.

Въ 4-хъ, не на царство благодати, а на открытіе царства славы—указываетъ изображенный здѣсь страшный судъ и явленіе Сына человѣческаго съ покорностію *Ему всяческихъ*. Слѣдовательно, и послѣдній предъ симъ врагъ Царства Божія есть Антихристъ, а не Антиохъ Епифанъ. — Это дѣло требуетъ изслѣдованія. Царство Святыхъ, открытое Христомъ, въ своемъ существѣ и силѣ есть царство не отъ міра сего, царство будущей вѣчной жизни и славы, имѣющей раскрыться уже послѣ страшнаго всемірнаго суда, а въ мірѣ семъ только предназначаемый въ упованіи по дару благодати; вѣрующіе имѣютъ *животъ свой сокровенъ со Христомъ въ Богѣ*, Который ихъ, по Апостолу, *уже воскреси и спосади на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ* (см. Еф. 2, 6.);—въ сообщности вѣрующихъ со Христомъ, одушевляющимъ ихъ святымъ своимъ человѣколюбіемъ, у нихъ *жительство на небесяхъ* (Фил. 3 гл.). Таково, въ своемъ сокровенномъ существѣ и силѣ, царство благодати; и вотъ эта самая его сила и есть побѣдоносна надъ всѣмъ міромъ, низлагая все враждебное. Теперь, что касается Пророка, онъ поставленъ на такую стражу, чтобы созерцать Божіе Царство, низлагающее извѣстныя четыре царства и само грядущее за ними; другими словами, чтобы созерцать Царство Святыхъ — именно въ самой силѣ его побѣдоносной надъ міромъ. И такъ, торжество и слава Царства Божія представляются въ пророчествѣ слѣдующими за четырьмя царствами не въ томъ смыслѣ, что Царство Божіе тутъ же и должно открыться во всей

своей славѣ и побѣдоносной силѣ, но въ томъ, что Пророкъ, указывая на грядущее за ними Царство Божіе, раскрываетъ самую эту его силу. У него какъ бы такая была пророчесственная рѣчь: «послѣ четырехъ царствъ явится на землѣ Царство Небесное, Царство Благодати Божіей,—такое царство, которое собственно есть царство вѣчности и славы, имѣющей открыться со всемірнымъ судомъ и низложеніемъ отъ царя благодати всѣхъ враждебныхъ царствъ». По такому смыслу пророчества о Царствѣ Божіемъ необходимо разумѣть подъ всѣми четырьмя царствами такія государства, которыя должны предшествовать царству благодати или первому пришествію Христову. Последнее изъ такихъ царствъ, бывшихъ во враждебномъ столкновеніи съ наслѣдниками Царства Божія, было именно Сиро-Египетское владычество. Съ другой стороны тотъ же самый смыслъ пророчесственнаго изображенія *Царства Святыхъ* показываетъ, что эти четыре извѣстныхъ царства берутся у Пророка, какъ представители вообще всѣхъ враждебныхъ державъ Божіей царствъ; ибо у него раскрывается въ пророчествѣ сила сего—побѣдоносная вообще надъ всѣмъ враждебнымъ, но раскрывается такою относительно или по поводу враждебности четырехъ извѣстныхъ царствъ. Потому же и послѣдній лютый царь четвертаго царства, этотъ хульный рогъ, указывая собственно на Епифана, въ лицѣ его представляетъ мрачный образъ и послѣдняго, имѣющаго сосредоточить въ себѣ всю мірскую Боговраждебность, страшнаго врага Царства Божія—Антихриста. Эта

мысль, кромѣ существа самаго дѣла, подтверждается сильными и рѣзкими чертами, какими изобразить здѣсь хульный рогъ, и тѣмъ отчасти таинственнымъ обликомъ, въ какомъ (какъ увидимъ) представляется здѣсь этотъ хульникъ.

Чрезъ такое разрѣшеніе возраженій, уже вполне доказывается и утверждается изъясненіе четвертаго царства о Сиро-Египетскомъ преобладаніи надъ Израилемъ. Прямымъ же доказательствомъ на это изъясненіе служить для насъ то, что изъясняющіе о Римской имперіи, усиленно и напрасно натягиваются выдти изъ противорѣчія исторіи, которая паденіе Римской имперіи поставляетъ внѣ связи и съ первымъ пришествіемъ Христовымъ и со вторымъ Его пришествіемъ, и по произволу, гадательно стараются насчитать десять царствъ, вышедшихъ изъ Римской имперіи; — а между тѣмъ послѣ Александра, дѣйствительно, преобладаютъ надъ Израилемъ десять царей иноземнаго владычества, послѣ которыхъ, дѣйствительно, является самый лютый врагъ церкви, — гонитель святыхъ, побѣдитель трехъ царей и пр. Очевидно, что *здѣсь* — точная и ясная, какъ свѣтъ, истина, а *тамъ* — произвольныя, къ дѣлу нейдущія, гаданія. Впрочемъ, допустивъ неточность въ изъясненіи перваго пророчества о четвертомъ царствѣ, по неволѣ уже натягиваются такимъ же образомъ потемнить настоящее, уже слишкомъ на этотъ разъ свѣтлое, пророчество. Но раскроемъ смыслъ пророчества о четвертомъ царствѣ въ подробностяхъ, соображаясь съ исторіею.

Созади сего видѣхъ и се звѣрь четвертый

страшенъ и ужасенъ и крѣпокъ излиха, зубы его желѣзки велии, ядый и истончевая, останки же ногами своими попираше, той же различая излиха паче вѣхъ звѣрей прежнихъ; и роговъ десять ему (ст. 7). Это, по изъясненію Ангела, значить слѣдующее: звѣрь четвертый—царство четвертое будетъ на землѣ, еже превзойдетъ вся царства, и поястъ всю землю, и поперетъ ю и поистчетъ. И десять роговъ его, десять царей востанутъ (ст. 23 и 24). Разрушительный, ненавистный характеръ Сиро-Египетскаго владычества уже мы указывали; самыя имена Филопаторовъ, Филадельфовъ составляютъ жестокую иронію на убійцъ родителей и братьевъ; Сирійская и Египетская державы были сильнѣйшія изъ четырехъ, возникшихъ послѣ Александра, и своею враждебностію противъ церкви, простиравшеюся даже до стремленія насильственно подавить истинную вѣру и замѣнить ее въ самомъ Израилѣ язычествомъ, превзыде вся царства. Самое начало этихъ державъ сопровождалось разрушительнымъ потрясеніемъ всего востока: ибо Селевкъ Никаторъ, основатель царства Селевкидовъ, былъ сначала областнымъ правителемъ Вавилона и воевалъ съ Антигономъ, которому досталась по раздѣлу Азія; послѣ побѣды надъ Антигономъ началась жестокая борьба между Селевкомъ и Птолемеемъ Лагомъ. Впослѣдствіи Антиохъ Великій простиралъ завоеванія свои съ одной стороны до Египта, съ другой до Вавилона и далѣе, и вступилъ въ союзъ съ царемъ Македонскимъ. Антиохъ Епифанъ владѣлъ и за

Евфратскими странами и преобладалъ надъ Египтомъ. Если взять во вниманіе, что востокъ былъ въ то время еще главнымъ открытымъ поприщемъ переворотовъ и движеній политическихъ, какъ теперь Европа, то понятно, почему разрушительныя дѣйствія четвертаго владычества представляются столь обширными: *поятъ всю землю, и поперетъ ю и постычетъ*. Дѣйствительно въ постоянныхъ войнахъ и взаимныхъ козняхъ Селевкидовъ и Птолмеевъ, и особенно во время Епифана, пролито крови человѣческой не менѣе, если еще не болѣе, чѣмъ при завоеваніяхъ Александра или Кира. Впрочемъ въ этомъ изображеніи гибельнаго владычества, простирающагося на всю землю, видны усиленные, рѣзкія черты, чрезвычайнаго, прозираемаго въ образѣ Епифана, преобладанія надъ міромъ Антихриста. Антихристіанскія черты, предъявляемыя въ Селевкидахъ и Птолмеяхъ, были въ первыхъ своекорыстная положительность, дѣлающая и изъ религій только средство для своего внѣшне-мірскаго усиленія и возвышенія (*), а въ послѣднихъ праздная и безплодная, только самоуслаждающаяся любовь къ знаніямъ, ставящая Божеское и человѣческое въ уровень и безразличія для себя (**).

(*) Эта черта выразилась особенно въ Антиохѣ Епифанѣ, усиливавшемся для твердости и единства своего владычества обратить и Іудеевъ въ общую со всѣми другими народами религію — язычества.

(**) Птоломеи постарались въ свою александрійскую бібліотеку приобрѣсть Еллинскій переводъ книгъ Слова Божія, поставя

И роговъ десять ему... и десять роговъ его—десять царей востанутъ. Подъ десятию царями одни изъ толкователей разумѣютъ преимущественно Птолмеевъ, другіе же—однихъ Селевкидовъ: число тѣхъ и другихъ, съ прибавленіемъ къ нимъ Антигона съ сыномъ можетъ быть доведено до десяти, впрочемъ съ пѣкоторой принужденностью и безъ строгой точности. Впрочемъ ошибка или недосмотръ тѣхъ и другихъ толкователей состоитъ въ томъ, что, во 1-хъ, болѣе по произволу, чѣмъ съ основаніемъ, разумѣютъ они или Птолмеевъ или однихъ Селевкидовъ, а во 2-хъ, изчисляютъ царей Сирійскихъ или Египетскихъ собственно по отношенію ихъ къ своимъ царствамъ, какъ будто Пророкъ имѣлъ въ виду раскрыть не болѣе какъ внѣшне-политическую судьбу той или другой царственной династїи. Пророкъ смотритъ на земныя царства по отношенію къ Царству Божію, и слѣдовательно царей четвертаго царства обозначаетъ по отношенію къ тому же Божію Царству. Посему намъ нужно изчислить царей собственно тѣхъ, которые послѣ Александра до Антиоха Епифана преобладали надъ наслѣдниками и чадами обѣтованнаго царства,—къ какой бы династїи ни принадлежали эти цари, къ Селевкидской или Птолмеевской. Если такъ будемъ изъяснять, то наше изъясненіе будетъ и не произвольное, и вмѣстѣ самое точное и простое.

и эти книги, такъ указать, на одну доску съ книгами языческой мифологіи.

Послѣ Александра Великаго Сирія и Финикія достались было Антигону, но его власть ничѣмъ не умѣла проявить себя въ отношеніи къ Іудеямъ. Первый, давшій Іудеи почувствовать свои тиранскія притязанія, былъ Птоломей Лаговъ; онъ вошелъ въ Іерусалимъ, овладѣлъ имъ и отвелъ въ плѣнъ множество Іудеевъ. Въ совмѣстничество съ нимъ входитъ *другой* царь Селевкъ Никаторъ, такъ что Іудеи по черемѣнно должны были платить дань обоимъ спорящимъ царямъ. При дальнѣйшихъ внутреннихъ неурядицахъ въ царствѣ Сирійскомъ обладалъ Іудеями сначала спокойно *третій* царь Птоломей Филадельфъ. Но съ нимъ опять совмѣстничаетъ Сирійскій царь Антиохъ Теосъ, *четвертый* въ числѣ преобладавшихъ надъ Іудеей; власть надъ нею колебалась между враждующими Птолемеемъ Филадельфомъ и Антиохомъ Теосомъ, а послѣ него съ сыномъ и преемникомъ его Селевкомъ Каллиникомъ,—это уже *пятый* преобладатель. Птоломей Евергетъ лишилъ Калиника не только Сирію, но и большей части Азію, и такимъ образомъ Іудею утвердилъ за собою: *шестой* рогъ четвертаго звѣря. Послѣ Евергета власть надъ Іудеею перешла къ его преемнику Птолемею Филопатору, — *седьмому* царственному рогу. Но пользуясь безпечноію Птолемея Филопатора, воинственный Антиохъ Великій отнимаетъ у него Іудею — *восьмой* царь. Преемникъ Филопатора, Птоломей Епифанъ чрезъ своего военачальника занимаетъ Іерусалимъ, и послѣ разныхъ переворотовъ воинскаго счастья, самъ Антиохъ Великій отдаетъ за Птолемея Епифана дочь

свою, предоставляя вмѣсто вѣна—Сирію, Финикію, Палестину. Это *девятый* рогъ лютаго звѣря. — Сынъ и преемникъ Антиоховъ, Селевкъ Филопаторъ успѣлъ удержать въ зависимости своей Іудею, хотя бы-то она должна поступить по брачному договору къ Птоломею, — *десятый* рогъ. Этотъ послѣдній былъ родной братъ Антиоха Епифана. И такъ, вотъ какое точное пророчество заключается въ 7-й главѣ! Если смотрѣть на него прямо и просто съ точки зрѣнія самаго Пророка, то и смыслъ пророчества становится ясенъ и исторія точно намѣренно располагается по предначертанію сего пророчества. Сверхъ того, представленное изъясненіе смысла этого пророчества, въ соображеніи съ исторією, подтверждается пророчествомъ XI-й главы, гдѣ уже обстоятельно указаны тѣ же самые десять царей, эти персты ногъ скудельно-желѣзныхъ!

Разсмотрѣвъ въ розѣхъ его, и се рогъ друіи малъ възиде среди ихъ и триє рози предни єго историчушася отъ лица єго (ст. 8). По толкованію Ангельскому: *и по нихъ востанетъ друіи, иже превзыдетъ злобами всѣхъ прежнихъ, и три цари смиритъ* (ст. 24). Въ слѣдъ за десятымъ преобладателемъ Іудей, дѣйствительно, восходитъ на престолъ самый страшный ея тираннъ Антиохъ Епифанъ. — Онъ дѣйствительно смиряетъ или низлагаетъ *трехъ царей*: такъ, коварствомъ онъ погубилъ своего брата и предшественника Селевка Филопатора, — также устранилъ отъ престола сына его, прямого наслѣдника Димитрія, — и наконецъ кознями и счастливою войною не только устранилъ отъ вла-

сти надъ Палестиною и Келесиріею, но почти лишилъ самаго Египта—Птолемея Филопатора, которому, по праву, должна была принадлежать Іудея и Келесирія какъ самими Селевками уступленная Птолемеямъ въ брачное вѣно за его мать.

И се очи, яко очи человѣчи, въ розѣ томъ и уста глаголюща великая. Первая черта неяснена въ истолкованіи, подобно какъ и въ предыдущемъ откровеніи понятныя, или только временемъ уясняемыя, черты символа оставались безъ пророчесвеннаго истолкованія. Что же это значитъ: *очи, яко очи человѣчи въ розѣ томъ*? Если взять во вниманіе, что выше (4 ст. 1) въ Вавилонскомъ царствѣ видѣ и разумность человѣка означали усвоеніе депотіи Вавилонской, характера разумнаго, достойнаго человѣчества: то съ такимъ пророческимъ представленіемъ и слововыраженіемъ будетъ сообразно слѣдующее толкованіе *очей яко человѣческихъ*—этой черты символическаго рога, взятой также съ человѣка. *Очи человѣка*—это самая выразительная часть человѣческаго вида; въ нихъ человѣческая разумность всего свѣтлѣе можетъ сіять. Но у рога были не на самомъ дѣлѣ человѣческія очи, но только *яко человѣчи*, то есть, имѣли видѣ, личину *человѣческихъ глазъ, а въ самомъ дѣлѣ были глаза звѣрскіе*. Слѣдовательно, и значеніе ихъ должно быть то, что царь, знаменуемый хульнымъ рогомъ, будетъ имѣть одну наружность, одну личину человѣческой разумности, человѣческой кротости и пр., — будучи на дѣлѣ самымъ лютымъ и звѣрскимъ подавителемъ правъ человѣчества. Такъ,

блаженный Феодоритъ понимаетъ *очи* яко *человѣчи*: «чрезъ эти *очи* указывается на тотъ смыслъ и лукавство, пользуясь которымъ, онъ многихъ обманетъ». Въ самомъ дѣлѣ, Епифанъ былъ главною виною гибели своего брата царя Селевка, но умѣлъ это сдѣлать такъ, что казался стороннимъ злодѣйству; надъ отравленіемъ Селевка потрудился Иліодоръ, собиратель податей. Равно, тотъ же Антиохъ Епифанъ своего племянника устранилъ отъ престола, подъ личиною его опекуна. Также и Египетскаго царя стремился лишить всего, подъ видомъ покровительства ему. Самая тираннія его надъ *Святыми Вышняго* прикрывалась политической разумной идеей утвердить царство на религіи и крѣпче соединить подданныхъ единствомъ религіи. — И вотъ, такимъ образомъ, *очи, яко очи человѣчи въ розѣ томъ!*

И уста глаголюща великая, то есть «горделиво.» Такая мысль раскрыта въ истолкованіи: *и словеса на Вышняго возглаголетъ, и Святыхъ Вышняго смиритъ, и помыслитъ пременити времена и законъ* (ст. 25). Это есть сокращеніе самой исторіи Антихова преобладанія надъ Іудеею. Такъ точно пророчество! Когда Антиохъ Епифанъ предписывалъ всѣмъ подданнымъ своимъ всеобщую религію, которой самъ не вѣрилъ (ибо онъ, по пророчеству XI гл., признавалъ за божество только мужество или собственную дерзость), когда послѣ свѣтлыхъ еще удостовѣреній въ Божественной силѣ, осѣняющей Іерусалимъ и храмъ, онъ излилъ всю антихристову ярость свою на этотъ

святый городъ и храмъ: то явно, что онъ под-
 нялъ гордую свою выю противъ Самаго Всевыш-
 няго. Въ его дѣйствіяхъ противъ Іудеевъ замѣ-
 чается издавна и ругательство надъ святыней, са-
 мое злобное нетерпѣніе вѣры въ Іегову. О томъ,
 какъ онъ смирялъ святыхъ Вышняго, и говорить
 излишне, когда онъ самъ лично въ три дни из-
 билъ 40,000 Іудеевъ, и столько же продалъ, — и
 когда потомъ, послѣ разныхъ жестокихъ и крово-
 пролитныхъ насилій, исповѣдники вѣры были пре-
 даваемы мученіямъ, и самое имя Іудея запрещено.
 Ненависть къ истинной вѣрѣ простиралась до того
 въ этомъ мучителѣ, что не только храмъ былъ на-
 полненъ языческими мерзостями и не было ни жертвъ,
 ни праздниковъ церковныхъ, но самыя книги свя-
 щенныя были истребляемы огнемъ.

Время мучительствъ и гоненій этого царя такъ
 опредѣляется въ истолкованіи Ангела: и *дается*
въ руку его даже до времени, временъ и полу-
времени, то есть «и они (святые съ своимъ за-
 кономъ и священными временами) отданы будутъ
 въ руки его на время, времена и полувремена».
 Взявъ во вниманіе, что тоже слово *jad*, *время*,
 какое здѣсь употреблено, употребляется въ кни-
 гѣ Даніила въ значеніи года (это въ предрече-
 ніи скотоподобнаго состоянія Навуходоносора на
 7 лѣтъ). — Можемъ съ нѣкоторыми такъ опре-
 дѣлять пророчественное изчисленіе времени: *вре-*
мя—это есть одинъ годъ, *времена* — это должно
 быть, первое за единицей, множественное число,
 если только дѣйствительно съ понятною точностію

обозначается здѣсь теченіе времени, слѣд. сямъ указывается на два года; — *полвремени* — полгода. И того выходитъ три года съ половиною. Такъ опредѣляется пророчественное изчисленіе и у Блаженнаго Теодорита. Также у Святаго Ипполита: «это значить три года съ половиною (*). Въ самой книгѣ пророческой есть подтвержденіе этому. Такъ въ VIII гл. о времени насилія надъ святыми, какъ можно примѣтить, того же самага врага (ибо черты однѣ и тѣ же), говорится, что оно простирается на 2,300 утровъ и вечеровъ, то есть, на 1,150 сутокъ. Это число дней почти равное тремъ годамъ съ половиною (1,167 дней). Равно въ XII главѣ, синонимическое изчисленіе: *время, времена и полвремени*, — число 1,190 дней (ст. 11, ст. 7) — есть число опять обнимающее не съ большимъ три года съ половиною. Наконецъ въ цитованномъ мѣстѣ Апокалипсиса, равное *времени, временамъ и полвремени*, продолженіе времени обозначаетъ число 1,160 дней; это есть самое, только равнымъ числомъ взятое, число сутокъ трехлѣтія съ полугодомъ. — И такъ, по соображеніи всего этого, пророческое изчисленіе обнимаетъ около трехъ лѣтъ съ половиною. Если обратимся къ исторіи Антіоха Епифана, то найдемъ точное исполненіе пророчества и относительно времени. Въ храмѣ «стояла мерзость запустѣнія» равно три года, такъ что въ какой день мѣсяца былъ поставленъ въ

(*) Это свидѣтельство, какъ и Теодоритово выше, взято изъ не разъ уже цитованной нами книги Maji.

храмъ идолъ, въ тотъ же день чрезъ три года храмъ былъ очищенъ (1 Мак. 1, 59. гл. 54. 111, 52.). Но прежде идольскаго жертвоприношенія въ храмъ, но крайней мѣрѣ около полугода должно было пройти, въ предварительныхъ мѣрахъ жестокости и козней, отъ обнародованія указа Антиохова до открытія въ храмъ языческаго Богослуженія. — (гл. 1 Мак. 41, 59 ст.). По такимъ антихристовымъ чертамъ и дѣламъ Антиоха Епифана не опустимъ изъ вида отображенія въ эго лицѣ послѣдняго величайшаго врага церкви — антихриста (*). При сличеніи этого пророчества о четырехъ царствахъ міра сего, съ предыдущимъ откровеніемъ о тѣхъ же четырехъ царствахъ, не можемъ не признать, что хотя въ томъ и другомъ сущность дѣла одна и та же, но послѣднее несравненно обстоятельнѣе и опредѣленнѣе перваго. Самый ха-

(*) Замѣчательны мысли святаго Ефрема объ Антихристѣ, почерпнутыя, какъ легко примѣтить, изъ описанія хульнаго рога въ Давидовой книгѣ:—„Онъ приметъ видъ истиннаго пастыря, чтобы обольстить овецъ стада... Придетъ притворно благоговѣйнымъ, смиреннымъ, кроткимъ... И скоро утвердится царство его и во гнѣвъ поразитъ онъ трехъ царей. Потомъ чрезъ мѣру вознесется сердцемъ и изрыгнетъ горечь свою. Этотъ змій.... смятетъ вселенную... осквернитъ многія души... своимъ неистовствомъ, стараясь весь родъ смертныхъ всвергнуть въ пучину нечестія, и пр. Мнѣніе отцевъ даже и преобладаніе Антихриста опредѣляетъ на три года съ половиною. Таинственная печать Давидова предуказанія, въ лицѣ Антиоха Епифана на Антихриста, конечно, разрѣшится со всѣми же событіями; подобно какъ событія же оправдали и уяснили до подробностей все это пророчество о четырехъ царствахъ—въ прямомъ и буквальномъ его значеніи.

ракторъ каждаго изъ четырехъ царствъ здѣсь обозначается съ поразительною точностію не только по отношенію къ власти каждаго изъ нихъ, но главнымъ образомъ по *духу* каждой деспотіи, на который настоящимъ пророчествомъ обращается особенное вниманіе вѣры; составъ и дѣйствіе каждаго изъ царствъ обозначены также опредѣленно; въ пророчествѣ о четвертомъ царствѣ раскрывается до подробностей общая мысль прежняго пророчества о томъ же царствѣ во 2-й главѣ; власть Сиро-Египетскихъ преобладателей и обстоятельства Антиоха Епифана разочтены какъ бы исторически. Словомъ: на открытомъ для церкви бурномъ морѣ опредѣленно обозначены его подводныя пучины и камни, какіе должны были встрѣтиться на предлагаемомъ, столь не схожемъ съ древнею еократіею, плаваніи ковчега церковнаго. Но въ этомъ еще одна половина видѣнія; здѣсь дается Пророку и чрезъ него церкви руководство на начинающееся съ Валтасаромъ *особенно-темное* время церкви. Посмотримъ, какой спасительный свѣтъ открывается здѣсь къ озаренію и оживленію вѣры въ обѣтованное Царство Божіе.

Грядущее за указанными четырьмя царствами Божіе Царство такъ изображается въ видѣніи Пророка: *зряхъ дондеже престолы поставишася и Вѣтхій деньми съде, и одежда его бѣла аки снѣгъ, и власы главы Его аки волна чиста, престолъ Его пламень огненный, колесы Его огонь палящъ. Рѣка огненная течаше исходяща предъ Нимъ: тысяща тысящъ служажу Ему и тмы темъ предстояху Ему: су-*

дище съде, и книги отверзошася. Видѣхъ тогда отъ гласа словесъ великихъ, еже роизъ оный глаголаше, дондеже убиясь звѣрь, и погибе, и тѣло его дадеся въ сожженіе огненное. И прочіихъ звѣрей престаився власть, и продолженіе житія дадеся имъ до времени и времени. Видѣхъ во снѣ нощю, и се на облацѣхъ небесныхъ яко Сынъ челоувѣчь идый бѣше, и даже до Вѣтнаго деньми дойде, и предъ Него приведеся: и Тому дадеся власть и честь и царство, и вси людѣ, племена и языцы Тому поработаютъ: власть Его, власть вѣчная, еже не преидетъ, и царство Его неразсыплется (ст. 9—14). Такъ какъ это часть видѣнія уже не символъ, но прямо, хотя по выпренности видѣнія челоувѣко-образно, указываетъ на сущность дѣла: то Ангелу здѣсь нечего было изъяснять, и потому въ Ангельскомъ истолкованіи только сокращено содержаніе видѣнія (26—27). Слѣдовательно, намъ нужно слѣдить откровенія о грядущемъ царствѣ, главнымъ образомъ, въ самомъ видѣніи Пророка. — Въ этомъ видѣніи Царства Божія замѣчаются двѣ стороны. Такъ какъ именно въ этомъ царствѣ содержится рѣшеніе судьбы тѣхъ царствъ, которыя выше были показаны, и которыя взяты въ пророческое созерцаніе, собственно по враждебному отношенію своему къ Царству Божію: то Царство Божіе и раскрывается здѣсь *сначала* по отношенію къ этимъ Боговраждебнымъ царствамъ, и именно представляется побѣдоносными надъ враждебными царствами, — судящимъ и низлагающимъ эти царства (ст. 9—12). А *потомъ*,

оно изображается само по себѣ, въ своихъ внутреннихъ тайнахъ (13 и 14).—Что, впрочемъ, видѣль и изобразилъ Пророкъ не два отдѣльные одно отъ другаго явленія, случайно соединенныя, но двѣ стороны одного и того же грядущаго царства, это видно изъ ангельскаго истолкованія, гдѣ отнятіе власти у царей и царствъ міра сего, представляется въ такой связи съ открытіемъ самаго Царства Святыхъ, въ какой связи находятся отрицательныя и положительныя стороны одного и того же предмета, какъ именно низложеніе зла и торжество добра (ст. 26, 27).

Значеніе той и другой стороны видѣнія, толкователиразлично опредѣляютъ, судя по различію взглядовъ на четвертое царство. Изъясняющіе это послѣднее о Сиро-Египетскомъ владычествѣ, подъ судомъ здѣсь изображаемымъ, разумѣютъ собственно судъ Божій надъ четырьмя извѣстными царствами, — ихъ гибель. Прославленіе же Сына человѣческаго относятъ къ первому Христову пришествію. — Принимающіе четвертое царство въ значеніи Римской имперіи, простирающейся, по ихъ мнѣнію, до кончины міра, разумѣютъ здѣсь всемірный судъ и открытіе царства Славы. — Изслѣдуемъ дѣло.

Что подъ *Сыномъ человѣческимъ* разумѣтся Сынъ человѣческій въ единственномъ смыслѣ слова—Христось, вочеловѣчивыйся Сынъ Божій, это очевидно само собою, потому что власть вѣчная и всемірная только этому Единому Сыну человѣческому подобаеть. Очевидно и то, что Христось здѣсь представляется въ такомъ превознесеніи, ког-

да открыто покорена ему вселенная. — Это относится уже къ открытію царства Славы: ибо въ продолженіе царства благодати продолжается низложеніе и покореніе всего подъ ноги Его, пока наконецъ оно откроется въ будущей вѣчной жизни (Евр. 2, 8. 1 Кор. XV, 25—28). Всемірная Слава суда также можетъ вполне приличествовать единому страшному суду. Если обратиться къ подобнымъ мѣстамъ въ этой самой книгѣ, то въ последнемъ пророчествѣ за гибелью Антиоха представляется воскресеніе мертвыхъ и вѣчная жизнь, блаженная для однихъ и карательная для другихъ (XII, 23). Въ Новомъ Завѣтѣ второе Христово пришествіе и страшный судъ изображаются такими же чертами, какія видны здѣсь: Судія придетъ *во славу Отца*, — *все Святіи Ангели съ Нимъ*, — грѣшныя отсылаются *въ огнь вѣчный*, а праведные идутъ въ жизнь вѣчную. Въ Апокалипсисѣ видѣніе и изображеніе страшнаго суда, очевидно, вполне согласно съ видѣніемъ, какое было открыто и Даніилу (слич. Апок. 20, 11—15). Равно въ Новомъ Завѣтѣ говорится, что уже на всемирномъ судѣ и съ открытіемъ царства Славы преклонится предъ Христомъ всяко колѣно (Рим. 14, 10. 2 Кор. XV, 24). Пророческому (Даніилову) изображенію суда и открытія царства Святыхъ, очевидно, подобно Апостольское изображеніе открытія царства Славы (2 Сол, 1, 5—9). И такъ несомнѣнно, что Пророкъ созерцаетъ Царство Божіе въ такой силѣ, въ какой оно откроется вполне уже въ вѣчной жизни. Какъ же согласить это съ изъясненіемъ четвер-

таго царства о Сиро-Египетскомъ владычествѣ и слѣд. о грядущемъ за нимъ еще въ первое Христово пришествіе Царствѣ Божіемъ? Прежде отчасти уже касались мы этого вопроса. — Существо и сила Христова Царства всегда тѣ же, какія откроются вполнѣ въ будущей жизни. Царство Божіе во Христѣ есть царство любви въ немъ Божіей, съ одной стороны безконечно чуждой и отвращающейся всякаго зла и вражды, а потому противниковъ осуждающей и отвергающей, а съ другой, безконечной, богатой всѣми благами и безконечно милующей и ущедряющей послушныхъ. Оно внутренне всегда таково: въ Самомъ Богѣ таково оно было еще отъ вѣчности въ предопредѣленіи, хотя и имѣло основаться на землѣ въ опредѣленное время перваго пришествія Христова и имѣетъ открыться во всей славѣ уже во второе его пришествіе. И такъ какъ спасающая во Христѣ любовь Божія, сама по себѣ, всегда имѣетъ все, для своего вѣчнаго торжества и всегда потому внутренне готова къ своему открытію въ славу: то Самъ Господь еще въ первое Свое пришествіе въ сознаніи и ощущеніи почивающей въ Немъ, однихъ избирающей, а другихъ отвергающей любви Отца, изрекъ: *грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ..... въ воскресеніе живота..... и въ воскресеніе суда (Іоан. V, 25—29). отсель узрите Сына человѣческаго сѣдѣща одесную Силы и грядущаго на облацѣхъ небесныхъ, говорилъ Онъ, стоя Самъ какъ судимый и осуждаемый на Синедріонѣ (Мате. XXVI, 64).*

Потому же самому и Пророкъ, еще прежде основанія на землѣ царства спасающей Божіей любви и указывая только время будущаго основанія его на землѣ, ощущаетъ и созерцаетъ уже весь свѣтъ и силу этого царства: ибо они всегда въ немъ, составляя самое его существо и всегда дѣйствуютъ на міръ; отъ нихъ и должны были пасть четыре враждебныя царства, указанные въ кн. Даніила, хотя торжественное откровеніе такого свѣта и силы принадлежитъ еще открытію будущей жизни. То, что открыто проявится еще въ будущемъ, а теперь дѣйствуетъ сокровенно и невидимо въ державѣ Божіей, Пророку дано видѣть уже открыто. Вникнемъ въ подробности.

Зряхъ, дондеже престоли поставишася. Престолы, конечно, духовные. Есть небесные духи—*престолы*. По отношенію къ Божеству, конечно, и они здѣсь разумѣются. Кромѣ того, Самъ Спаситель упоминаетъ еще объ иныхъ престолахъ, на которыхъ въ пакибытіе возсядутъ Апостолы: это значитъ право власти и суда, имъ данное. *И Ветхій деньми*: Такъ какъ онъ отличается отъ Сына человѣческаго и отъ Него уже переходитъ всемірное владычество къ Сыну человѣческому: то очевидно, что это есть Богъ Отецъ. Название: *Ветхій деньми*, значитъ «старецъ»; такое названіе съ особенною выразительностію идетъ къ Вѣчному. «Ветхимъ деньми, говоритъ Св. Иполитъ, называетъ Пророкъ не иного, какъ развѣ Господа всѣческихъ, Бога и Владыку даже для самаго (относительно человѣчества) Христа,—того, отъ котораго

еостарѣваются дни и который Самъ отъ дней времени не старѣеть». Спрашивается: почему же здѣсь говорится о возсѣдѣніи и страшномъ судѣ Самаго Бога Отца, когда въ Новомъ завѣтѣ страшный судъ приписывается Христу, и притомъ сказано: *Отецъ не судитъ ни кому, но весь судъ даде Сыну*. Но въ Новомъ же завѣтѣ говорится о Христѣ, что Христосъ придетъ во славу Отца и что именно Отецъ низлагаетъ подъ ноги своего Сына все враждебное; собственно Слава Отца, сіяющая существенно во Христѣ, низлагаетъ все враждебное ихъ, и наконецъ, рѣшительно покоритъ Ему весь міръ и поразитъ всѣхъ Его враговъ. Поэтому сіяніе Славы Отца, существенно открывающееся именно въ Его Сынѣ (Евр. 1, 3), Пророкъ и созерцаетъ на страшномъ судѣ.

Одежда Его бѣла аки снѣгъ: подобнымъ образомъ открылась во Христѣ Божественная слава въ преображеніи. Слѣдовательно, это означаетъ славу Божию.

Власы главы Его аки волна чиста: бѣлизна власъ въ старцѣ выражаетъ образно мысль ту же, какая выражена и въ имени *Вѣчнаго денни*, — мысль о старѣйшей всего временнаго, безначальной вѣчности. *Престолъ Его пламень огненный, колеса Его огонь палашъ*. Это — неприступность Божественной державы, пламенѣющей безконечною любовію къ благопокорнымъ (хотя бы эта благопокорность была въ иныхъ еще только прозираема) и гнѣвомъ на упорно-сопротивныхъ, созерцаемая не въ отвлеченіи, но въ самой силѣ своей! «Богъ нашъ,

замѣчаетъ на это мѣсто одинъ древній учитель (Евдоксій), есть огонь поядая, просвѣщающій достойныхъ, истребляющій разгнѣнныхъ» (*). «Престолъ съ колесами:—по замѣчанію того же учителя,—чрезъ это выражаетъ Пророкъ и неподвижное достоинство и вмѣстѣ указываетъ на быстро-шествующій промыслъ». Колеса престола, можетъ быть, выражаютъ мысль о *грядущемъ* еще Царствѣ Божіемъ.

Рѣка огненная течаше исходяще предъ нимъ. Такъ какъ въ эту рѣку низвергается далѣе хульный рогъ, — то видно, рѣка огненная то же, что въ Апокалипсисѣ *езеро огненное*, или въ Евангеліи—*геенна*, *идѣже..... огонь не угасаетъ.*

Тысяще тысящъ служаху Ему и тьмы темъ предстояху ему. Изъ Вѣтхо-Завѣтнаго и Ново-Завѣтнаго слова Божія извѣстно, что эти непосредственные служители Божіи—Святые духи, Ангелы всѣхъ чиновъ. Представляется здѣсь безчисленное ихъ множество: потому что со всемірнымъ Судіею имѣютъ быть всѣ Св. Ангелы: *и вси святіи Ангели съ Нимъ.* Служеніе ихъ, при страшномъ судѣ, состоитъ въ собраніи праведныхъ и отдѣленіи отъ нихъ злыхъ; извѣстна еще труба Ангельская, воскрешающая мертвыхъ. Словомъ: они явятся служителями всемогущества, правды и благодати Божіей, тогда предъ всѣмъ міромъ торжественно имѣющимъ раскрыться.

(*) Всѣ здѣсь мѣста изъ древнихъ учителей, повторяемъ, цитуются изъ упоминаемой выше книги *Maji*.

Судище съде и книги отверзошася. Съ откровеніемъ суда, должны раскрываться книги такія, которыя имѣють отношеніе къ суду. Таковы во 1-хъ, книги Божія закона, по которымъ будемъ судимы, — ихъ разумѣть Св. Ефремъ Сиринъ. Толькобы раскрылась вся сила книгъ Слова Божія, — и въ этомъ уже выразились бы приговоры всѣмъ и на все, судя потому, начертаны ли они, или нѣтъ, въ самыхъ сердцахъ человѣческихъ. Далѣе, есть еще книга жизни, упоминаемая въ Апокалипсисѣ, это — совѣты Бога о спасаемыхъ: *позна Господь сущія своя.* (Объ этой книгѣ упоминается у самаго Даніила въ параллельномъ мѣстѣ XII, 1). Сюда же, конечно, относятся книги свидѣтельства *служебныхъ духовъ, посылаемыхъ на служеніе за желающихъ насладовати спасенія*, — свидѣтелей всѣхъ нашихъ добродѣтелей и пороковъ. Да и вообще, все въ мірѣ, чѣмъ мы пользуемся ко спасенію или злоупотребляемъ къ погибели, все это, подобно книгамъ, раскроется и будетъ или обличать или оправдывать насъ. Наконецъ, есть книга нашей души — совѣсть, уясняющая со всѣхъ сторонъ: всякое дѣло, слово и помышленіе откроется точно написаннымъ на живыхъ ея страницахъ. Вообще сказать: въ день всеобщаго рѣшительнаго пересмотра и окончательнаго рѣшенія — судьбы міра, — все, все, что теперь ни есть сокровеннаго и запечатлѣннаго касательно насъ и судьбы нашей, тогда раскроется какъ книга съ послѣдними о насъ результатами или съ рѣшительными приговорами....

Судище съде и книги отверзошася (Подоб. 1 Кор.

4, 5). Апостолъ Павелъ объясняетъ, что на этомъ страшномъ *судилищѣ* «и святые (на сколько они успѣли бы *быть едино съ Господомъ*—Судіею міра) будутъ судить міръ» (1 Кор. VI. 2).

Видѣлъ тогда отъ гласъ словесъ великихъ и проч., т. е. съ подлинника: «смотрѣлъ я тогда, какъ слышалъ голосъ гордыхъ оныхъ словъ, которыя говорилъ рогъ, и увидѣлъ, что рогъ сей убить и тѣло его брошено на сожженіе огню.» И прочіе звѣрей преставися власть и продолженіе житія дадеся имъ до времени и времени (ст. 11 и 12). Въ этихъ двухъ стихахъ содержится прямое доказательство на то, что Пророкъ выше раскрывалъ собственно не время и обстоятельства кончины міра и открытія царства славы, но существо и силу грядущаго Божія Царства, всегда въ немъ сокровенныя и на міръ дѣйствующія, хотя и нѣющія проявиться вполне, дѣйствительно, уже въ открытіи будущей жизни, на страшномъ судѣ. Этимъ однимъ можетъ быть изъяснено то, что судьба символическихъ звѣрей здѣсь рѣшается Божественнымъ судомъ — свойственнымъ еще настоящей жизни образомъ: ибо символическіе звѣри, какъ сказано въ послѣднемъ стихѣ, еще нейдутъ въ муну вѣчную (а это одно, съ открытіемъ вѣчной жизни, будетъ участію всего чуждаго Божію Царству), но обнажаются только отъ своего значенія и власти и продолжаютъ еще свою жизнь.

Побѣдоносное дѣйствіе Царства Божія надъ знаменуемымъ символомъ этихъ звѣрей четырьмя земными царствами, представляется здѣсь въ общемъ

своемъ порядкѣ также, какъ оно представлено въ предыдущемъ откровеніи о тѣхъ же царствахъ. Символическіе звѣри представляются совокупно существующими до явленія побѣдоноснаго надъ ними царства, и этимъ царствомъ сначала низлагается хульный рогъ послѣдняго царства и потомъ уже прочіе царственные звѣри. Гибель четырехъ царствъ такъ и представлена и въ предыдущемъ откровеніи въ символѣ тѣла. Слѣдовательно, и изъясненіе этого пророческаго видѣнія тоже четыре царства, на сколько они были Боговраждебны по своему духу, должны быть низлагаемы послѣдовательно одно за другимъ силою Царства Божія, но вслѣдствіе того, что эта побѣдоносная сила и низложеніе отъ нея четырехъ царствъ созерцаемы были Пророкомъ на единомъ общемъ зрѣлищѣ, порядокъ созерцанія и произошелъ таковъ, что четыре царства, въ своихъ символахъ, представляются существующими до явленія Царства Божія, — потомъ созерцается самое явленіе этого царства, съ судомъ, низлагающимъ всѣ четыре Боговраждебныя царства, начиная съ ближайшаго позднѣйшаго и болѣе виновнаго, и съ раскрытіемъ благодати и славы для святыхъ. — Таковы у св. пророковъ чудныя Божественныя восхищенія — не знающія формъ и условій, ни пространства, ни времени, но чуждыя и тѣни чего либо нестройнаго или внутренней несообразности, напротивъ располагаемыя стройно и строго и даже просто по своимъ внутреннимъ законамъ!

: Самое низверженіе послѣдняго врага изъ указанныхъ Пророку и судъ надъ прочими враждебными

царствами различаются между собою по пророческому созерцанию. Первое изображается такъ, что хульный рогъ поражается до смерти и тѣло его предается огню, конечно, той рѣки огненной, которая *течаше исходящи предъ судомъ*. Поелику это рѣка огонь—самой геенны: то гибель послѣдняго враждебнаго царя, антихриста Ветхозавѣтной церкви, является такою, что уже съ самымъ своимъ низложеніемъ онъ есть жертва второй, вѣчной смерти.

Низложеніе же прочихъ царствъ таково, что они лишаются своего царственного значенія, но продолжаетъ бытіе. Это, по соображенію съ участію хульнаго рога, указываетъ на такую судьбу сихъ царствъ, что они должны пасть предъ силою грядущаго Царства, но еще не осуждаются на жертву вѣчной смерти; — для остатковъ ихъ спасеніе еще возможно: *до времени и времени*, т. е. до предопредѣленнаго срока, когда уже на вѣки рѣшится судьба всего, на вѣчное спасеніе или на вѣчную гибель. Впрочемъ не нужно терять изъ вида, что во 1-хъ, по отношенію къ симъ царствамъ, представляется побѣдоносное надъ ними Божественное Царство во всей своей побѣдоносной силѣ. Слѣдовательно, и вообще четыре царства суть, у Пророка, представители всѣхъ царствъ, на сколько они Боговраждебны по духу. И во 2-хъ, въ послѣднемъ врагъ въ конецъ низлагается гордыня и вражда (ст. 26); а эта вражда и гордыня, по началу, принадлежитъ исконному врагу и будетъ продолжаться до кончины міра, когда и будетъ

низложена въ лицѣ антихриста. Слѣдовательно, въ особенности послѣдній враждебный рогъ видѣнія Даниілова своею судьбою указываетъ на судьбу антихриста. И такъ въ пророческомъ зрѣлищѣ суда Божія открывается грозная судьба и всѣхъ послѣдующихъ, враждебныхъ Богу и Его церкви, царствъ и въ особенности антихристовъ владычества. Они одно за другимъ или другъ съ другомъ будутъ низлагаться, и владычество антихриста прямо поглощается открывшеюся вѣчною смертію. Святые отцы, (напр. св. Ефремъ Сир.), дѣйствительно, въ описаніи дѣла и судьбы хульнаго рога видятъ точное прeredображеніе антихриста. Такова сила Царства Божія въ отношеніи къ его врагамъ!

Другая сторона Царства Божія, сіяющая благодатью и славою для вѣрныхъ и святыхъ, изображается у Пророка такъ: *видѣхъ во снѣ ноцію, и се на облацѣхъ небесныхъ яко Сынъ чловѣкъ идый бже, и даже до ветхаго деньми дойде и предъ Него приведеса и тому дадеса власть и честь и царство, и вси людє, племена и языцы тому побѣтають: власть Его власть вѣчная, аже не преидетъ, и царство Его не разсыплется* (13 и 14). Эту сторону видѣнія Даниілъ пересказываетъ далѣе такъ: *прїиде ветхій деньми и судъ (праведную зашити) даде святымъ Вышнему: и время приспѣ, и царство прїяше святѣи* (ст. 22). Безплотный истолкователь видѣнія говоритъ о той же его сторонѣ такъ: *царство и власть и величество царей, аже подѣ всѣмъ небесемъ, дается святымъ Вышнему: и Царство Его Царство вѣчное и вся вла-*

сти тому работати будутъ (ст. 27).—Надо все это сообразить одно съ другимъ.

Сынъ человець—имя, обыкновенно употребляемое и, можно сказать, особенно-любимое Спасителемъ нашимъ, возлюбившимъ человека до усвоения человѣческаго естества въ единство собственнаго лица. Такъ какъ сѣмя и начало человѣческаго естества въ каждомъ человѣкѣ полагаются въ самомъ его зачатіи и рожденіи, почему и Сынъ Божій *плоть бысть* или содѣлался человѣкомъ именно въ вышеестественномъ зачатіи и рожденіи своемъ: то мысль о принятіи Имъ истиннаго человѣческаго естества, выразительно обозначается въ названіи Его *Сыномъ человецескимъ*, т. е. зачатымъ и рожденнымъ отъ человека, именно отъ Пресв. Дѣвы Маріи. Пророкъ видитъ *яко Сына человецескаго*: потому что онъ видитъ не простаго человека, но въ человѣчествѣ самаго Бога; сіяющее въ лицѣ Его Божество являетъ въ Немъ не просто Сына человѣческаго, но *яко Сына человецескаго*. Въ подобіи *человѣчествъ бысть*, и образомъ обрѣтется *якоже человекъ*, говоритъ Апостолъ (Филип. II, 7). Впрочемъ не удивительно, если Христова тайна открыта Ветхо-Завѣтному Пророку еще съ нѣкоторою легкою прикровенностію, а не съ совершенною точностію: *яко Сынъ человекъ*, а не прямо и точно: *Сынъ человекъ*. О томъ, что *Сынъ человекскій* представляется здѣсь въ состояніи превознесенія своего—не только такого, которое выражается въ слѣдующемъ словѣ къ нему Отца небеснаго: *сиди одесную мене, долдѣе поло-*

жу враги твоя (Псал. СІХ, 1), но и такого, что всѣ враги уже подъ ногами Его и онъ является во всей силѣ своего царства, — объ этомъ нѣтъ уже нужды распространяться: это видно само собою. «Что значить: *даже до Ветхій дѣньми дойде?*—спрашивалъ св. Кириллъ. — По мѣсту ли это? Но нѣвѣстно, что Божество не ограничивается мѣстомъ. И такъ, что же значать сіи слова? Очевидно то, что Христосъ вошелъ въ славу Отца.» Подобно говорить и св. Ипполитъ: «Тому дадеса *всякая власть.....Власть Его власть вѣчная*: и такъ Отецъ подчинилъ Сыну—все на небесахъ и на землѣ; во всемъ явилъ его первороднымъ—первороденнымъ отъ Бога, дабы Онъ, какъ Сынъ Божій, оказался съ Отцемъ выше Ангеловъ, Господомъ Ангеловъ, первороднымъ отъ Дѣвы, дабы явился Возсоздателемъ въ себѣ Адама первозданнаго, первороднымъ изъ мертвыхъ, дабы Онъ былъ начатокъ воскресенія». О восхожденіи самаго Сына человеческого (т. е., Христа по собственному Его чело-вѣчеству) въ такую вышесмірную высоту, надо сказать: 1) что основаніемъ этого служить единоличное соединеніе во Христѣ чело-вѣчества съ его Божествомъ: *вся мнѣ предана суть Отцемъ* монѣ, говорилъ еще въ состояніи своего уничиженія Господь, указывая на свое отношеніе къ Отцу, какъ Сына, Ему равнаго или единосущнаго (Мат. ХІ, 27.—2) что Христово вышесмірное превознесеніе, по самому чело-вѣчеству, начало совершаться открыто и торжественно съ самымъ началомъ Его прославленнаго состоянія: *дадеса Ми всяка власть*

на небеси и на земли, говорилъ Воскресшій Спаситель (Мат. XXVIII, 18), и еще прежде какъ Владыка и побѣдитель ада, извелъ Онъ духовъ изъ адской темницы, а послѣ воснесся ко Отцу и возсѣлъ одесную Его;—наконецъ 3) что низложеніе подъ ноги Христа всѣхъ Его враговъ, во всей силѣ и предъ всѣмъ міромъ, откроется, какъ это видѣлъ Пророкъ, уже съ открытіемъ вѣчности: ибо будутъ покорены всѣ Его враги не прежде, какъ и *послѣдній врагъ истребится—смерть*. Но при этомъ требуетъ особеннаго изъясненія то, какъ такое превознесеніе Сына человѣческаго выражаетъ еще и другую мысль о дарованіи царства святымъ *Въишняго*, по ангельскому изъясненію превознесеніе Сына человѣческаго (ст. 27), о дарованіи суда Святымъ какъ уже угадывалъ самъ Пророкъ (ст. 22). Господь сталъ Сыномъ человѣческимъ не для себя, а для насъ—человѣковъ; поэтому чело-вѣчество Его представляетъ и какъ бы сосредото-чиваетъ въ себѣ человѣчскій родъ и благодать дѣлъ и состояній Его открыта для общенія въ ней всѣмъ чело-вѣкамъ, разумѣется подъ условіемъ ихъ пріемлемости или вѣры. Слѣдовательно, когда онъ, по пророческому созерцанію, въ самомъ событіи во-шелъ въ славу Отца и *дадеса Ему всякая власть*, вмѣстѣ съ сѣденіемъ по самому чело-вѣчеству одесную Отца: то въ этомъ самомъ открылась и для насъ, на сколько мы принимаемъ это вѣрою,—такая благодать, что Отецъ небесный *сущихъ насъ мерт-выхъ прегрѣшенъми*, какъ говоритъ Апостолъ, *со-о-живи Христомъ.....съ нимъ воскреси и спосади*

на небесныхъ во Христѣ Иисусѣ. Начатокъ и упроченіе этого въ насъ совершается въ царствѣ благодати, а открытіе—въ Царствѣ славы: да явитъ, продолжаетъ Апостолъ, въ вѣцѣхъ тѣмъ, трудящихся презлѣнное богатство благодати своея, *благодатьюю на насъ о Христѣ Иисусѣ* (Ефес. 2, 5—7). И такъ прямое, существенное значеніе видѣнія Сына человѣческаго, вошедшаго въ вышесмѣрную славу и получившаго всемирную власть, есть именно то, что *царство.....дается святымъ Вышняго*. Основаніе и цѣль этого царства есть общеніе съ Богомъ и слава Божія во Христѣ: *Сынъ человѣческій.....до Вѣчнаго денми дойде и къ Нему приведется*, а въ Немъ необходимо приводятся къ Отцу и сопричастники его, т. е. *святые Вышняго*. Характеръ этого царства святыхъ—торжество надъ міромъ и обладаніе всѣми сокровищами Божія владычества въ мірѣ: *и тому дадеся власть и честь и царство* и проч., или, по изъясненію того же, относительно святыхъ: *царство же и власть и величество царей, иже подъ вѣмъ небеснымъ, дается святымъ Вышняго....вся власти Тому работати будутъ*. И въ самомъ дѣлѣ, только бы вѣра наша усвояла и упрочивала за собою человѣколюбивую благодать Сына человѣческаго, въ Себѣ самомъ представляющаго предъ Отцемъ и приводящаго къ нему все человѣческое (разумѣется, кромѣ грѣха, чрезъ который человѣчество ниспадаетъ уже съ высоты своего достоинства и значенія): тогда бы вѣра наша и достигала еще на землѣ того *царства святыхъ Вышняго*, въ кото-

ромъ все человѣческое оживлялось бы, освѣщалось и освящалось Христовою истинною и благодатію. Вотъ почему, Даниілово видѣніе, что *Сыны людскіе идѣй ближе и даже до Ветхана деими дойдѣ и къ Нему приведѣся*, выражаетъ по ангельскому изъясненію такую мысль, что *пріимутъ царство святѣи Вышняго, что царство и власть и величество царей, иже подѣ всѣмъ небесемъ, дается святѣи Вышняго!* Пророку, сокрушающемуся о преобладаніи надѣ вѣрою и церковію Боговраждебнаго духа разныхъ царствъ открыта та святая тайна, что нѣкогда уже Христова истина и благодать завладѣетъ царствами земными и ихъ царями, *иже подѣ всѣмъ небесемъ.*

Таково откровеніе, данное Даниілу по потребностямъ собственно чадѣ вѣры и церкви.

Сравнивая это откровеніе о грядущемъ царствѣ съ прежде даннымъ и для языковъ откровеніемъ, видимъ тождество ихъ въ главномъ и общемъ значеніи. Но тамъ грядущее Божіе Царство раскрыто съ ясностію въ общихъ только чертахъ, а нѣкоторыя подробности указаны гадательно. Здѣсь же самая тайна этого царства, сущаго не отъ міра и принадлежащаго существенно вѣчности, но долженствующаго раскрываться чрезъ вѣру въ мірѣ семъ и благодатно овладѣть всѣми царствами поднебесными, всѣмъ человѣческимъ, открыта почти такъ, какъ только въ Новомъ Завѣтѣ она открывается. И это даетъ откровенію этому значеніе откровенія особеннаго, даннаго по особннымъ потребностямъ вѣры. Въ предреченіи о четырехъ царствахъ пред-

указаны всѣ затрудненія и искушенія, подлежащія церкви, всѣ пучины и подводные камни, какіе встрѣчаются ей на житейскомъ морѣ, — а въ откровеніи о самомъ Царствѣ Божіемъ показано прямо, что каково бы ни было положеніе вѣрующихъ въ мірѣ семъ, чего бы ни терпѣли они отъ враждебныхъ царствъ и владыкъ, имъ опасаться нечего. Участь всѣхъ враговъ Божія Царства рѣшена: имъ, упавшимъ чрезъ свою Боговраждебность съ высоты истиннаго человѣчества до духовнаго свѣрства, предлежитъ—рѣка огненная, хотя не всѣ эти звѣри равно, а одни скорѣе и рѣшительнѣе другихъ повергаются въ нее, — и это судя именно по мѣрѣ враждебности ихъ святымъ. Впрочемъ и относительно этихъ духовныхъ звѣрей безпощадная ревность не по разуму устраняется отъ вѣры тѣмъ, что, по откровенію одинъ и самый первый изъ такихъ звѣрей, именно Навуходоносоръ, могъ подняться отъ земли, стать на человѣческія ноги и принять сердце человѣческое (ст. 4). Торжество же Царства Божія надъ всѣми врагами такъ вѣрно и таково по своему существу, какъ непреложно и какова сама по себѣ слава Самаго Бога, въ которую имѣлъ войти Сынъ человѣческій, открывая ее въ себѣ и всѣмъ сообщникамъ своимъ—всѣмъ *святымъ*; но и здѣсь откровеніе остерегаетъ вѣру отъ односторонности, пренебрегающей земнымъ и мірскимъ, представляя, что, на основаніи восхожденія Сына человѣческаго къ Ветхому денни, *царство и власть и величество царей, иже подъ вѣсѣмъ небесѣмъ*, назначены *святымъ Вышняго* (ст. 27),

что, слѣдовательно, вѣрѣ предлежитъ подвигъ пріобрѣтать для истины и благодати Сына человѣческаго все человѣческое, весь міръ. Такое-то Божіе Царство, съ такимъ своимъ существомъ и характеромъ, имѣло по Данилову видѣнію явиться на землѣ послѣ четырехъ враждебныхъ царствъ.

Содержаніе послѣднихъ 5-ти главъ книги Даниила не будемъ уже слѣдить съ такою же обстоятельностью, какъ это сдѣлано нами съ первыми 7-ю главами. Нѣтъ уже настоятельной нужды въ томъ. Пророчества VIII-й главы и также XI и XII главъ, подобными пророчествамъ II-й и VII гл., и содержащія въ себѣ ключъ къ разрѣшенію смысла послѣднихъ, уже не представляютъ въ себѣ ничего особенно затруднительнаго, что не было бы рассмотрѣно нами при изслѣдованіи пророчествъ II и VII главъ. Въ видѣніи VIII гл. предъ духовными очами Пророка явился сначала *овецъ* или баранъ съ двумя рогами, изъ которыхъ одинъ больше другаго и высшій вышею послѣ низшаго; овецъ бодалъ во всѣ четыре стороны и никто не могъ устоять противъ него. Это, по изъясненію, данному Пророку св. Архангеломъ Гавріиломъ, изображаетъ царей Мидій и Персій. Значеніе частныхъ понятно само собою: Персы были преобладающіе въ Мидо-Персидскомъ царствѣ, но ~~успѣли~~ послѣ Мидовъ;

стремленіе къ завоеванію сначала близкихъ сосѣдей, потомъ Вавилона, Египта, покушенію на Грецію было дѣйствительно боданіемъ сего овна во всѣ стороны. Между тѣмъ какъ Пророкъ смотрѣлъ на овна, выходитъ съ запада *козелъ*; онъ стремителенъ и гнѣвенъ; разсвирѣпѣлъ на овня, ударилъ въ него, сломилъ оба рога его, повергъ его на землю, и топталъ его и никто не могъ спасти его. Это, по Ангельскому изъясненію, царь Греческій. Исторія Александра Великаго очень понятно и выразительно изображена въ этомъ.

«Козелъ весьма возвысился, — такъ продолжается ходъ видѣнія Даніилова, — но лишь только онъ усилился, сломился у него большой рогъ и выросли вмѣсто его четыре..., отъ одного изъ нихъ вышелъ одинъ рогъ по меньше, который крайне величался... возросъ до небеснаго воинства и низвергнулъ на землю часть этого воинства и звѣздъ,.... и на Вождя воинствъ (т. е. Господа возсталъ, и у Него отнята всегдашняя жертва, и мѣсто святилища опустѣетъ.... и повержеся правда на землю (ст. 8—12).» Это значить, говорилъ Гавріилъ Пророку, что «изъ одного народа (монархіи Александра) выйдетъ четыре царства, хотя несъ его силою; а въ концѣ царства ихъ, возстанетъ свирѣпый царь..... и ужасно будетъ губить.... и погубить сильныхъ и народъ святой» (ст. 22—24). Пророкъ слышалъ изъ разговора двухъ таинственныхъ лицъ, принадлежащихъ къ духовному міру, что именно 2,300 вечеровъ и утровъ будутъ оставлены безъ принесенія въ храмъ жертвы (слишкомъ три года). Съ па-

деніемъ Александровой монархіи, — извѣстно, казія четыре царства (*) произошли; извѣстно, изъ какого изъ нихъ (**) и какой именно царь вышелъ особенно враждебной церкви. Отъ неистовства этого царя, именно Антиоха Епифана, запустѣніе храма продолжалось дѣйствительно болѣе, чѣмъ на три лѣта.

Этотъ страшный, возвысившійся до небесъ и уже закрывшій собою козла, — рогъ имѣлъ быть пораженъ, по Даніилову видѣнію, не человѣческою рукою, и въ концѣ всего враждебнаго царства «придетъ конецъ грѣшникамъ (ст. 23) и святыня будетъ безопасна» (ст. 14). Такія двѣ послѣднія черты — безопасность церкви и торжество ея надъ грѣшниками или надъ врагами — указываютъ на царство Христово, которое должно явиться на землѣ — по низложеніи провидѣнныхъ враждебныхъ царствъ. Замѣтимъ, что Антиохъ Епифанъ умеръ, дѣйствительно, не внѣшнею насильственною смертію, а отъ внутреннихъ терзаній и недуга. Поелику же представляемые въ видѣніи царства берутся и здѣсь во вниманіе, какъ представители вообще грѣшниковъ или враговъ (ибо конецъ послѣдняго царства — есть гибель вообще грѣшниковъ); то не рукою человѣческою сокрушенный гордый рогъ, послѣдній и самый жестокій изъ враждебныхъ царей, указываетъ и здѣсь не на Епифана только, но въ его образѣ —

(*) Сирское, Египетское, Македонское и Фракійское.

(**) Изъ Сирійскаго царства, изъ рода Селевкидовъ произошелъ Антиохъ Епифанъ.

и на того послѣдняго врага, который погибнетъ не естественною земною гибелью: *его же Господь Иисусъ убіетъ духомъ устъ своихъ и упразднитъ явленіемъ пришествія своего* (2 Сол. 28).

Видѣніе это послѣдовало уже на 3-мъ году Валтасарова царствованія, и именно въ удаленіи Пророка отъ двора, въ бытность его въ Сузахъ, что въ Эламской области (ст. 2). Впрочемъ явленіе овна противъ рѣки Евлея, въ Эламской области, имѣетъ пророчественную знаменательность; — оно указывало самую страну, изъ которой готовъ былъ выйти побѣдитель Вавилона Киръ Персидскій. Самый *овенъ* есть символъ Персидскаго царства.

Сравнительно съ двумя предыдущими подобными откровеніями, видѣніе VIII гл. открываетъ новыя подробности темныхъ обстоятельствъ церкви, имѣвшихъ послѣдовать въ наступающее время, какъ-то: нѣкоторыя новыя характеристическія черты двухъ, слѣдующихъ за Вавилонскимъ, преобладаній надъ церковію (Персидскаго и Еллинскаго), которыя представляютъ въ символъ уже не звѣрей, а домашнихъ животныхъ (овна и козла), чѣмъ давалось вѣрѣ отрадное удостовѣреніе, что эти угрожающія церкви языческія преобладанія, упадающія внутренно до духовнаго звѣрства, будутъ проявлять однако, по возможности, и болѣе кроткія и мягкія черты домашнихъ животныхъ. Это такъ и было со стороны монархій Персидской и Еллинской (Александровской), Птолмеевъ и Селевкидовъ, исключая послѣдняго изъ нихъ — Антиоха Епифана. Далѣе, въ настоящемъ откровеніи обозначено рас-

наденіе Еллінской (Александровой) монархіи на четыре отдѣльные царства и происхожденіе послѣдняго великаго врага церкви Вѣтхо-завѣтной — именно отъ одного изъ этихъ послѣднихъ четырехъ царствъ, которыя для того, какъ видно, и изчислены. При томъ въ этомъ пророчествѣ открыто Пророку съ точностію, какія именно враждебныя царства слѣдуютъ за Вавилонскимъ; такъ, царства *Мидо-Персидское* и *Еллінское* прямо названы (ст. 20), съ обезпеченіемъ существенныхъ обстоятельствъ будущей ихъ исторической судьбы. Этимъ внушалось вѣрѣ, что ни что къ ней не можетъ приразиться враждебно безъ прямого о томъ опредѣленія самаго Всевышняго Царя Израилева. Наконецъ, изъ откровенія VIII главы видно, что силы небесныя, предъ явленіемъ которыхъ не могъ бы устоять изъ людей и такой праведникъ, каковъ Даніилъ (ст. 170, 18), проникнуты участіемъ къ вѣрующимъ, совѣщаясь взаимно (чрезъ оваренія низшихъ высшими) о судьбахъ и искушеніяхъ вѣры (ст. 13 и 14) и движась сами волею нѣкоего *аки образа мужеска*, болѣе удобоприступнаго для человѣческой немощи, нежели кто-либо изъ небесныхъ силъ (ст. 15. 16, ст. 17. 18). Въ этомъ *аки образѣ мужескомъ*, властителѣмъ надъ самыми Ангелами, вѣрѣ не трудно усмотрѣть того же *яко Сына Человѣческаго*, котораго видѣлъ Даніилъ въ предыдущемъ видѣніи, — Христа Господа, величіе Своего Божества для удобоприступности, къ людямъ, сокрывшаго въ истощаніи Своего Боговоплощенія. Для вѣры, въ ея тяжкихъ иску-

таніяхъ ни что не можетъ быть столько утѣшительнымъ и ободрительнымъ, какъ живое сознаніе сочувствія и соучастія къ ея трудностямъ міра Ангельскаго, движимаго человѣколюбивымъ духомъ, и волею Богочеловѣка, тогда только еще образуемаго, нынѣ дѣйствительно явившагося для людей.

Вотъ какое откровеніе дано ~~намъ~~ церкви предъ самымъ паденіемъ Вавилонской деспотіи!

—

Чтобы не отрывать вниманія нашего отъ ряда сходныхъ между собою (параллельныхъ) пророчествъ о послѣдующихъ Боговраждебныхъ царствахъ, перейдемъ прямо къ пророчеству XI главы (или точнѣе, главъ X—XII, изъ которыхъ X глава представляетъ какъ бы нѣкоторое вступленіе или введеніе, а XII-я заключеніе для исторически — обстоятельнаго пророчества XI главы). Пророчество о *седьминахъ*, содержащееся въ IX главѣ, обозремъ ужъ послѣ.

Пророчество XI главы относится, по времени своего происхожденія, уже къ третьему году царствованія Кира Персидскаго, освободителя Іудеевъ. Это освобожденіе Іудеевъ Киромъ далеко не успокаивало Даниила, вникающаго въ самую сущность вещей и событій. Іудеи, возвращенные Киромъ въ свою родную землю, всё же были въ глазахъ Даниила рабами и жертвою языческихъ преобладаній,

какія и будутъ смѣняться одно-другимъ. Это для тогдашняго ветхозавѣтнаго времени было всё равно, какъ если чада новаго Израиля — христіане, освободясь отъ разныхъ внѣшнихъ или нравственныхъ видовъ рабскаго ига, всё же однако не успѣвали бы по надлежащему узнавать и усвоить истину и благодать Христа Господа, дающаго людямъ свободу дѣтей Самаго Отца небеснаго, а оставались бы съ началами и правилами, на примѣръ, языческими или жидовскими по духу. Вотъ почему Даниилу не шли на мысль, въ продолженіе трехъ недѣль, ни пища, ни питье; даже и торжество пасхальное, приходившееся къ тому времени, не утѣшало его. — Чтожъ ему было открыто по поводу такихъ тяжкихъ недоразумѣній вѣры?

Войдемъ сначала въ самую область видѣнія Даниилова (открывающуюся или изображаемую во вступительной X главѣ). Находясь близъ великой рѣки Тигра, Даниилъ послѣ трехнедѣльнаго своего поста увидѣлъ одно, явно свыше-человѣческое, существо. Лицо его было молніевидно, голосъ — какъ голосъ многлюднаго собранія; одежда его была бѣлая, полотняная и все въ немъ блистало то драгоценными каменьями (тѣло его было какъ топазъ), то золотомъ (поясъ одежды), то полированной мѣдью (руки и ноги), то пламенемъ (глаза — лампы горящія). Бывшіе съ Данииломъ, даже и не видя этого явленія, объаты были непонятнымъ ужасомъ и разбѣжались. Самъ Даниилъ не выносилъ сначала этого явленія: онъ палъ лицомъ на землю (ст. 9), и потомъ поднятый таинственной

рукою, «стоялъ дрожа» (10 и 11 ст.), пока наконец не ободрилъ его нѣкто—*аки подобіе Сына человѣческаго* или *яко зракъ человѣчь* (ст. 16 - 19), въ которомъ, по этимъ чертамъ и соображенію съ прежнимъ видѣніемъ *яко Сынъ человѣческаго*, вѣрѣ можно узнать образное чрезъ кого-нибудь изъ Ангеловъ же предъявленіе Богочелвѣка, который одинъ, чрезъ свое снисхожденіе и истощаніе, имѣлъ сдѣлать для людей удободоступнымъ всё духовное и Божественное.

Кто же былъ молніевидное существо? Свышнечеловѣческое его значеніе очевидно, что уже замѣтили мы прежде всего. Изъ словъ его самъ о своемъ посланничествѣ (ст. 11) и о помощи получаемой имъ отъ духовнаго вождя и избраннаго Божія народа *Михаила* (ст. 13 и 21) въ борьбѣ съ духовными же вождями Боговраждебныхъ языковъ (ст. 20 и 13), видно, что это — лице в Божественнаго существа, а изъ духовнаго, ангелскаго міра. Изъ того, что этотъ молніевидный Ангель является вѣдающимъ и отстаивающимъ противъ вождей языковъ «начертанное въ книгѣ истины» (ст. 21), также и *возвѣщающимъ истину* (XI, 2), видно, что служеніе этого великаго Ангела—разъяснять *истину* и поборать за нее въ нашемъ мірѣ. Такъ на недоумѣніе Давіила, затруднившагося именно отъ углубленія въ самую сущность вещей или въ истину, по сокращеніи его молитвѣ и посту, достойному новозавѣтнаго духа—невѣсты, чувствующей отъятіе у себя Жениха истины (Мар. 11, 20), явился съ словомъ

истины безплотный служитель ~~именно~~ дѣла истины.

По явленіи своемъ, этотъ Ангелъ истины, прежде всего, изъясняетъ Даниилу, что въ духовной области, по дѣлу истины и церкви Божіей идетъ крѣпкая борьба. На своей сторонѣ этотъ безплотный служитель истины указываетъ только безплотнаго и властительнаго охранителя народа Божія, или церкви, Михаила, который помогаетъ служителю дѣла истины; а на противоположной сторонѣ указываетъ на духовныхъ же вождей Боговраждебнаго язычества, сначала Персидскаго, а потомъ Еллинскаго, которые и борются съ обоими Святыми Ангелами истины и церкви Божіей, усиливаясь задержать ихъ дѣло (ст. 13. 20. 21). Въ такой же противоположности и борьбѣ между собою являются, и во всѣхъ обозрѣнныхъ нами предыдущихъ видѣніяхъ, обѣ эти стороны—сторона Божественнаго Камня, Сына человеческого святыхъ и святыми Вышняго, и другая сторона чудовищнаго *тѣла, змѣрей, домашнихъ животныхъ, или вообще нечестивыхъ враговъ Божіихъ, языческихъ преобладателей надъ церковью*. Иначе, а не во взаимно-враждебной противоположности, обѣ эти стороны не могутъ и явиться для духовнаго созерцанія, потому что, на сколько и языки имѣли бы остатки или начатки благодатнаго добра и истины, это ужъ по своему духу и источному началу принадлежитъ сторонѣ истины Божіей; слѣдовательно также столпу и утвержденію истины—церкви Божіей (разумѣется, только по предваряющей благодати). Въ отношеніи къ

этимъ добрымъ остаткамъ или начаткамъ язычниковъ Ап. Павелъ и необиновался сказать язычникамъ, что онъ проповѣдуетъ имъ того же Бога, котораго и они чтутъ, только какъ *невѣдомаго*, причемъ признавалъ и ихъ, на основаніи ихъ же свѣдѣтельствъ, еще не чуждыми (не оставившей еще, видно, ихъ совѣсть или ужъ предваряющей) благодати быть *родомъ Божиимъ* (Дѣян. XVII, 23. 28. 29). А на сколько язычники были бы разсматриваемы, какъ только область противоборная дѣлу истины и церкви, — то въ этомъ отношеніи они уже, по слову того же Апостола о язычникахъ, *ходили по вѣку міра сего, по князю власти воздушныхъ, по духу, дѣйствующему въ сынахъ противленія* (Ефес. III, 2). Вотъ какъ бы духовные князья *Персскій* и *Эллинскій*, противоборствующие безплотнымъ служителямъ дѣла истины и церкви Божіей! Такимъ образомъ настоящее откровеніе уже, по возможности, вводитъ недоумѣвающего о дѣлѣ истины и церкви Пророка въ ту глубокую истину Новаго Завѣта, что *нѣсть наша брань къ плоти и крови, или къ тѣмъ или другимъ чувственнымъ личностямъ и народамъ самимъ по себѣ, но къ началамъ и ко властямъ и къ міродержителямъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ* (Ефес. VI, 12).

Вѣрѣ, хотя отчасти разумѣющей эту истину, можно уже отчасти мирится съ внѣшними озлобленіями, какъ не басающимся еще существа дѣла истины и церкви и дающими поводы къ побѣдѣ надъ истинными нашими врагами — духовными князьями

ми или началами язычества, при руководительномъ содѣйствіи тому св. Ангеловъ. Можно притомъ той же вѣрѣ и подъ внѣшнимъ преобладаніемъ язычниковъ, относя противленіе ихъ истинѣ и церкви къ дѣйствительному его источнику и началу—къ князьямъ и міродержителямъ духовной тьмы, не терять чувства естественнаго братства и съ язычниками и потому сознать себя пребывающими въ дому своего Небеснаго Отца на всей благодатной свободѣ. Такимъ образомъ Ангельское объясненіе Даніилу самаго существа дѣла въ борьбѣ между стороною истины и церкви и противоборною этому стороною проливаетъ новый благодатный свѣтъ на прежнія и настоящее пророчества объ отношеніяхъ между церковію¹ и міромъ языческимъ. «Въ «прямой и рѣшительной противоположности и противоборности, съ дѣломъ истины и церкви, какъ бы «такъ было сказано Даніилу Ангеломъ истины, на- «ходятся только духовныя начала и князья лжи «язычества (какъ и всякаго другаго вида лжи). Въ «людяхъ же, хотя бы они были и язычники—Персы «или Еллины, есть еще остатки или начатки добра и истины, хранимые, возбуждаемые и развиваемые безплотными служителями дѣла Божіей истины и церкви, отстаиваемые ими со всею силою «и ревностію Христова человеколюбія противъ князей лжи языческой, всячески усиливающихся по- «давить эти добрые остатки и начатки въ язычникахъ «къ задержанію дѣла истины и къ озлобленію церкви. «Вотъ въ чемъ сила дѣла въ борьбѣ между церковію и міромъ языческимъ! *Князь Перскій*, этотъ мі-

«родержитель заблужденія Персидскаго, стремится «подавить въ Персахъ доброе, внушенное имъ истинною, сочувствіе и благорасположеніе ихъ къ Израилю или къ церкви; мнѣ, какъ служителю дѣла истины, надо разрушить злокозненные, запутывающія и омрачающія Персовъ, вліянія князя языческой тьмы на народный ихъ духъ. Въ этомъ и «состоитъ моя борьба съ *Княземъ Персскимъ*, идущая сообразно съ условіями времени, которымъ «подлежатъ люди, находящіеся подъ вліяніями «добрыхъ началъ лжи (см. 13 ст.). Такая борьба «предстоитъ мнѣ и съ *Княземъ Еллинскимъ* для «держанія въ Еллинахъ остатковъ или начатковъ «добра и истины (ст. 26). Блюститель Израиля или «церкви, — какъ столпа и утвержденія истины, — Архистратигъ безплотныхъ силъ *Михаилъ* есть прямой «и исключительный мой соучастникъ и помощникъ».

Поставивъ Даниїла на такой точкѣ воззрѣнія на истину или на сущность дѣла борьбы между еоократіею и язычествомъ, безплотный служитель истины, за тѣмъ раскрываетъ предъ Пророкомъ все, касающееся будущаго преобладанія надъ Израилемъ Персовъ и Еллиновъ до Антіоха Епифана включительно. Онъ открываетъ эту тайну будущаго съ такою точностію истины, что въ откровеніи этомъ недостаетъ только развѣ собственныхъ именъ, чтобы оно имѣло точность и ясность историческую. Такимъ и свойственно быть тому откровенію, которое давалось чрезъ нарочитаго изъ безплотныхъ служителя именно дѣла истины.

Вотъ образчики этой точности въ пророчествѣ XI главы, слѣдить которое, во всей его полнотѣ, значило бы для насъ прочесть цѣлый періодъ церковной Вѣто-Завѣтной исторіи (а это ужъ выходитъ изъ предѣловъ настоящаго очерка, имѣющаго цѣлю ознакомить читателя съ существенною стороною служенія Даниілова, чтобы все прочее до подробностей уже самъ, если захочетъ изъ любви къ истинѣ, выяснилъ для себя при помощи исторіи и Русскаго перевода (*) книги Даниіловой):

Ст. 2. *И нынѣ истину возвежду тебѣ, такъ началъ небесный Вѣстникъ истины, се еще три цари встанутъ, четвертый же разбогатыетъ богатствомъ великимъ паче всѣхъ: и по одержаніи богатства своего встанетъ на вся царства Еллинская. Послѣ Кира, при которомъ дано это откровеніе, на Персидскій престолъ восходили Камбизъ, Смердись, Дарій; а четвертый преемникъ Кира былъ Ксерксъ, который, какъ извѣстно, съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ своего изобилія во всемъ и съ огромнымъ войскомъ выступалъ противъ Греціи, хотя и съ страшною неудачею.*

Ст. 3 и 4. *И встанетъ царь гилекъ, и обладаетъ властію мноюю, и сотворитъ по воли своей (будетъ дѣлать, что хочетъ). И егда станетъ царство его, сокрушится и раздѣлится на четыре вѣтры небесныя «и притомъ не къ его дѣтямъ перейдетъ и не съ его властію, съ какою онъ*

(*) Такой переводъ, какъ извѣстно, уже есть у насъ, напечатанный именно въ Православномъ обозрѣніи.

владѣль, но царство его останется—другимъ, а не имъ. За Персидскими царями возвысился не только въ Греціи, но и на всемъ востокѣ, Александръ великій; его храбрость и своенравіе, всемірная власть, паденіе его царства по смерти его, и устраненіе его рода отъ власти надъ четырьмя царствами, образовавшимися изъ его монархіи, здѣсь прямо указаны.

Ст. 5. *И укрѣпится царь южный, и отъ князей ихъ единъ укрѣпляетъ на-нь и обладаетъ властію мноюю надъ властію его.*—Царь южный есть Египетскій царь, какъ видно изъ 8 ст.; это былъ Птоломей Лаговъ, первый по Александрѣ, преобладатель надъ Іудеями, который и былъ точно особенно силенъ. Но также усилился бывший сначала областнымъ правителемъ Вавилона, Селевкъ Никаторъ, который превосходствомъ военной силы не безуспѣшно оспаривалъ у Птолемея Іудею, въ общемъ составѣ Сирійскаго царства.

Ст. 6. *А въ послѣдствіи времени. они войдутъ въ связь, дочь царя южнаго за царя сѣвернаго, чтобы быть имъ въ дружбѣ; но она не удержится въ силѣ, да и его (царя сѣвернаго) могущество не устоитъ, но преданы будутъ и она и сопровождавшіе ее и дѣти ея и помогавшіе ей въ то время.*—Такъ съ Еврейскаго: — царство Сирійское лежало, по отношенію къ Египту, болѣе на сѣверъ и потому цари Сирійскіе изъ рода Селевкова могли съ точностію называться сѣверными. И вотъ для прекращенія войны, возникшей вновь

между преемниками сына Лагова и Селевка *Птолемея Филадельфа* и *Антиоха Теоса*— за Сирію и уже не минуемо за Іудею, — Филадельфъ отдалъ дочь свою Веренику за Сирійскаго царя, который для этого долженъ былъ развестися съ первою женою, но чрезъ нѣсколько времени первая жена Антиоха умертвила и его самаго и свою совѣстницу съ ея сыномъ; благопріятствовавшіе этому союзу должны были такъ же погибнуть. — Вотъ и обстоятельства такого рода не опускалъ Ангелъ истины; такъ какъ отъ этихъ обстоятельствъ зависѣло то, кому владѣть Іудеей, — областю церкви. Подобнымъ образомъ въ ст. 27 и 28 не опущено и такое частное обстоятельство, что *«у двухъ царей (исторія показала, что то былъ Антиохъ Епифанъ и Птоломей Филопагоръ) на сердце будетъ хитрость и за однимъ столомъ будутъ говорить ложь и успѣха не будетъ въ переговорахъ, потому что отъ этой неудачи Антиохъ, возвращаясь изъ Египта въ свою землю, излилъ ярость свою на святой завѣтъ»*, на область церкви, умертвивъ 10,000 Іудеевъ, а 40,000 продавъ въ неволю и ограбивъ храмъ. Чрезъ это внушается вѣрѣ, что судьба ея, и въ страшныхъ озлобленіяхъ, располагается и движется Вседержителемъ до самыхъ мельчайшихъ своихъ пружинъ.

Довольно сказаннаго нами изъ XI гл. для пріимѣра: ибо иначе въ этомъ пророчествѣ Даніила нужно было бы намъ, какъ уже замѣтили мы выше, съ обстоятельностью прочесть весь періодъ

исторіи Іудейской—до Антіоха Епифана и особенно во время самага Антіоха Епифана. Знаменитая у насъ книга исторія Библейская (*) дѣйствительно такъ въ существѣ дѣла и излагаетъ событія этого періода, такъ что Даніилово пророчество является не только источникомъ для исторіи, но отчасти опредѣляетъ и ея планъ на цѣлый періодъ.

О XII главѣ, заключительной для всего пророчества XI главы, мы замѣтимъ вообще, что всего существеннаго, содержащагося въ этой XII главѣ, мы уже касались выше при разсмотрѣніи предыдущихъ (параллельныхъ) пророчествъ. За предугазанными въ XI гл. дѣлами и гибелью послѣдняго враждебнаго Израилю, или церкви Царя, въ которомъ исторія указываетъ именно Антіоха Епифана, въ XII гл. представляется время особенно могущественнаго дѣйствія духовнаго вождя и хранителя Израиля или церкви, Миханла (ст. 1). Это время, съ одной стороны, скорби, и притомъ скорби такой, какой не было *откельже языкъ созданъ, даже до времени онаго*, а въ другое время такого свѣтлаго состоянія Израиля или церкви: *и въ то время спасутся людіе твои вси обретающіи вписани въ книгу. И мнози отъ спящихъ въ землѣй персти, востанутъ сіи въ жизнь вѣчную, а оніи во укоризну и въ стыденіе вѣчное. Здравомыслящіе тогда будутъ свѣтлы какъ свѣтло небо, и научавшіе многихъ правдѣ будутъ какъ звѣзды во дни*

(*) Высокопроев. митр. Филарета,

вѣка (7—3). Эти свѣтлыя черты предъявляютъ, очевидно, славу Христова Царства. Почему же Царство Христово представлено здѣсь грядущимъ за ниспроверженіемъ Епифана. Это потому, (какъ мы уже видѣли то же при разсмотрѣніи предыдущихъ пророчествъ) что и дано было Пророку провидѣть, послѣ какихъ и сколькихъ враждебниковъ, послѣдовательно появляющихся и низлагаемыхъ, явится Христосъ. Епифанъ былъ послѣднимъ изъ этихъ враговъ Израиля, чадо котораго за тѣмъ и сами начали болѣе и болѣе переходить на враждебную церкви сторону какъ овцы погибшія. Почему Царство Христово представляется какъ Царство воскресенія и будущей жизни? Потому это такъ (какъ и объ этомъ уже была у насъ рѣчь), что съ одной стороны, самая сущность и сила Царства Христова *есть бытіе не отъ міра сего, жителство небесное, сокровенное со Христомъ въ Бога*, т. е. жизнь съ благодатнымъ обращеніемъ мысли и сердца во всемъ къ всеобъемлющей любви Отца Небеснаго, почивающей въ Его Сынѣ и чрезъ домостроительство Его воплощенія простирающейся и на грѣшный погибающій міръ, оживляющей и мертвыхъ, отвергающей въ страданіе вѣчное только упорно противящихся; а съ другой стороны, въ этой самой силѣ грядущаго вѣка, Царство Христово всё же должно открыться и распространиться въ міръ семъ, проводя свой святой свѣтъ къ оживленію духовно-мертвыхъ во всѣ среды міра, такъ чтобы и Царства міра были Царствомъ Господа нашего и Христа Его (Апок. XI, 15). Въ этомъ смы-

слѣ благодать и перваго пришествія Христова имѣ силу будущей жизни, которую мы должны усвоить себѣ и упрочивать за собою еще въ настоящей жизни, для благоустроенія и этой послѣдней. Са Спаситель силу будущей жизни и воскресенія отдалъ къ благодати Своего перваго пришествія: *идетъ часъ и нынѣ есть*, говорилъ Онъ, *егда мертвыя услышатъ гласъ сына Божія и услышавше оживутъ* (Іоан. V). Впрочемъ все это разбирать съ точностію свойственно уже во свѣтъ Новаго Завета. Что же касается до времени Даніилова и до самого Даніила, — сколько Даніилъ не устремлялся и проникался изъ своего Вѣтхо-Заветнаго времени полный свѣтъ Ново-Заветной истины, для него явленія самаго Солнца правды и истины — Христоса все же не доступно было точное разграниченіе между внѣшне-образнымъ предъявленіемъ и самымъ существомъ благодати, равно и между явленіемъ благодати и раскрытіемъ ея въ вѣчную славу. Можно примѣчать, что главная трудность, превышающая Вѣтхо-Заветную вѣру самаго Даніила, состояла томъ, какъ озлобленіе церкви, простирающееся мерзости запустѣнія — самаго святилища, можетъ быть, совмѣстно съ непреложностію и непобѣдимостію благодати. *Что послѣдняя сихъ?* — Такъ спрашивалъ Даніилъ, услышавъ о продолженіи разсыланія руки людей освященныхъ (святаго народа) три года съ половиною (ст. 7 сл. VII, 25). И услышалъ Пророкъ на свое недоумѣніе уже такой свѣтъ небснаго Вѣстника истины: *ириди, Даніилъ, яко заграждена словеса... ты же иди и почивай*

и почиши и востанеши въ жребій твой, въ скончаніе дней (ст. 8—13). Таковы четыре сходныя (параллельныя) пророчества, которыя, взаимно дополняясь и выясняясь, составляютъ одно общее великое пророчественное откровеніе о тѣсномъ для церкви времени, до явленія Христа. Въ Пророкѣ, чрезъ неоднократно пророчественное озареніе, раскрывалась и возвышалась пріемлемость къ болѣе и болѣе обильному свѣту, который и открываемъ былъ ему, сообразно съ этою пріемлемостію церкви, чрезъ многообразное и многочастное откровеніе, тѣмъ разительнѣе и сильнѣе внушалось, какъ Господь печется о ней: не разъ и не два раскрывалъ Онъ подлежащій ей опасный путь до пришествія Христова. Неужели же Онъ оставить ее на этомъ самомъ пути?

—

Остается еще нетронутымъ у насъ пророчество о седмицахъ (IX гл.). Останавливаться много на немъ для насъ излишне и потому, что изслѣдованіе его занимаетъ нарочитое мѣсто въ системахъ Богословскихъ. И потому удовлетворимся не многими о немъ замѣчаніями.

Что въ немъ опредѣляется время до пришествія Христова, это видно а) изъ самой пророчественной книги—изъ этого самаго мѣста и изъ соображенія съ другими пророчествами, и б) изъ свидѣтельствъ

какъ Іудеевъ, такъ и св. писателей Новаго Звѣта.

Соображеніе съ другими пророчествами для насъ важно, что ложные толкователи пророчества о седминахъ главнымъ образомъ основываютъ на томъ, будто всѣ пророчества Даниила идутъ только до Антиохова времени. Въ четырехъ, рассмотрѣнныхъ нами, пророчествахъ, открывается какъ мы видѣли, то, чрезъ сколько враждебны церкви царей или царствъ, явится Христово Цѣство. Въ соотвѣтствіе этимъ пророчествамъ, и пророчествъ IX гл. *о седминахъ* — разрѣшается вопросъ о томъ, долго ли продолжится опасное существованіе церкви, долго ли ея безопасность и побѣда не совершится, или, что тоже, чрезъ сколько неблагопріятнаго для церкви времени совершится и откроется побѣдоносная надъ всѣмъ враждебны благодать Христова. Что именно этотъ вопросъ пророчества (IX гл.); это хорошо видно изъ самаго этого пророчества. Пророкъ вошелъ въ недоумѣніе о судьбахъ церкви, потому что, по пророчеству Іереміи, чрезъ 70 лѣтъ должны придти къ церкви добрыя времена ея рѣшительнаго избавленія и торжества надъ врагами; а на дѣлѣ того не было видно. Онъ и молился именно о томъ, чтобы Господь совершилъ благодатное дѣло избавленія церкви отъ озлобленій и враговъ, дѣло очищенія сыновъ церкви отъ грѣховъ (IX ст. 17—19). Самое открытіе ясно выражаетъ мысль о благодати, ни къ чему другому не приложимую: такъ, указаніе (въ ст.) *на конецъ и заглаженіе грѣха*, корня всѣхъ

враждебнаго, на *открытие правды вѣчной*, можетъ быть отнесено единственно къ царству благодати. И такъ, тѣ должователи, которые предѣломъ седмины полагаютъ время Антіоха Епифана, во 1-хъ, не хотятъ примѣтить открытаго свѣта этого пророчества, озаряющаго путь церкви до явленія именно благодати, и во 2-хъ, водятся тѣмъ мелкимъ, чисто-мірскимъ взглядомъ на всѣ Даніиловы пророчества, якобы въ нихъ открыты только внѣшнія, или взятая чисто въ своей только наружной сторонѣ, обстоятельства и судьбы міра сего. Другія Даніиловы пророчества, на которыхъ они хотѣли бы опереться, только опровергаютъ ихъ. Такъ, показывая, чрезъ сколько враждебныхъ и низлагаемыхъ преобладаній явится наконецъ благодать, Духъ пророчественный и указываетъ на послѣднее, что предшествуетъ явленію благодати, — на гибель Антіоха Епифана, послѣдняго изъ враговъ Вѣтхо-Завѣтной церкви. Показывая же, чрезъ сколько именно времени явится благодать, исчисляетъ седмины времени необходимаго до самаго явленія благодати. Съ пророческой точки зрѣнія даже не возможно остановиться здѣсь на Антіоховомъ времени; ибо если изчисленіе времени идетъ только до Антіоха Епифана, то пророчественная задача должна остаться не рѣшеною. — Даніилъ не узналъ бы, сколько и именно времени пройдетъ, пока не совершится спасеніе церкви отъ всего враждебнаго.

Обратимся къ свидѣтельствамъ. По яснымъ Мессіанскимъ (къ Мессіи только могущимъ отнестися) чертамъ пророчества, сами Іудеи—Талмудисты не

могли не сознавать, что Даниїль пророчествуетъ о продолженіи времени до пришествія Христа. Одинъ изъ раввиновъ (Манассій) прямо сознается, что соплеменники его относили это пророчество къ Мессіи, и что эту увѣренность раздѣляли всѣ тѣ Іудеи, которые мятежничали противъ Веспасіана и Тита. Другой—(Мардохей) выражается, что Мессія есть тотъ, ко пришествію котораго приводятъ седмины Даниїла. Нѣкоторые изъ раввиновъ утверждаютъ, что Мессія долженъ привести *правду вѣчную*, что онъ самъ есть *правда вѣчная*, святыи святыхъ, очевидно, заимствуя эти выраженія изъ пророчества Даниїлова.

Въ Новомъ завѣтѣ, Самъ Христосъ, предрекая близкое разрушеніе Іерусалима, говоритъ о реченой Даниїломъ *мерзости запустыни*, имѣющей стать *во святилищѣ*. Это взято изъ настоящаго пророчества (ст. 27). Слѣдовательно, пророчество указываетъ и на время послѣдняго разрушенія Іерусалима, бывшаго въ началѣ христіанства. Православная церковь, отъ древнихъ временъ, согласно видитъ въ этомъ пророчествѣ указаніе на время до Христа.

Смыслъ всей пророчественной главы слѣдующій: Даниїль узналъ изъ книги Пророка Іереміи Божіе опредѣленіе, что плѣнь Вавилонскій долженъ продолжиться 70 лѣтъ. Наступилъ конецъ этого времени..... Между тѣмъ съ окончаніемъ Вавилонскаго плѣна и у Іереміи и у другихъ пророковъ (особенно у Исаіи) соединены свѣтлыя пророчества съ изображеніемъ Царства Христова, въ которомъ Израиль

восторжествуетъ надъ всѣми врагами, и къ Сіону пойдутъ всѣ языки учиться Боговѣдѣнію..... Дѣйствительность же того времени представляла со-
 всѣмъ иное; самый Духъ пророчесвенный открывалъ бѣдствія въ образахъ грядущихъ на Израиля *звѣрей* съ страшными рогами. И вотъ, открылось поприще для великаго подвига, и сокрушенія вѣры Пророка; это и выразилось въ его молитвѣ и постѣ. Чѣмъ точнѣе было пророчество о концѣ плѣна, тѣмъ болѣе было затрудненія касательно того: что же значить продолженіе озлобленія для вѣры и церкви? когда же откроется благодать, изображенная въ пророчествахъ на одной картинѣ съ концемъ плѣна? Вѣра Пророка искала для себя опоры и просвѣщенія опять въ благодати же, покрывающей и заглаждающей всѣ грѣхи Израиля и ущедряющей Сіонъ всякими благами правды и истины. На такой вопль и подвигъ вѣры, — благодать чрезъ своего безплотнаго служителя Гавріила и отвѣчаетъ настоящимъ откровеніемъ, давая Пророку, съ одной стороны, проразумѣвать хотя отчасти, что озлобленіе правды даже до смерти входитъ въ существенныя условія къ открытію Царства Христова, а съ другой стороны, съ точностію исчисляя время до этого благодатнаго царства. Такъ съ одной стороны въ этомъ откровеніи хотя указаны и радостныя событія — какъ: созиданіе Іерусалима, но и касательно этого событія предречена *тьмнота обстоятельствъ*, (ст. 25), а затѣмъ, указывается съ «открытіемъ завѣта» благодати *смерть Христа старѣйшины* и окончательное опустошеніе святаго

града и святилища (ст. 26 и 27). Соображая всю эту сторону настоящаго откровенія, можно понять, что какъ бы такъ было сказано Пророку: «съ явленіемъ благодати не должно соединять однѣ свѣтлыя картины счастія, торжества, славы видимаго Іерусалима..... Нѣтъ; предстоятъ тѣсныя обстоятельства и при возстановленіи видимаго Іерусалима, а потомъ благодать, прощающая грѣхи и дарующая правду вѣчную, откроется въ смерти Христа старѣйшины, видимый же Іерусалимъ будетъ оскверненъ и разрушенъ.»

Съ другой стороны, для совершенія этихъ событій въ томъ же откровеніи назначается, со времени опредѣленія о возстановленіи Іерусалима послѣ Вавилонскаго плѣна, семьдесятъ *седмимъ*. Именно: шестьдесятъ девять седмимъ до явленія «Христа Владыки» (25 ст.); одна седмица «для открытія многимъ завѣта» благодати (ст. 27), т. е. для служенія Христова съ предварительными, для того же благодатными распоряженіями, къ которымъ относится напр. явленіе и служеніе Іоанна Предтечи. Упоминается въ пророчествѣ еще о *полседмимъ*, въ которую «прекратятся жертвы и приношенія и во святилищи мерзость запустѣнія будетъ и наконецъ, рѣшительная гибель прольется въ опустошеніе» (ст. 27). Но такъ-какъ въ этомъ же откровеніи (ст. 26) погибельное запустѣніе града и святилища соединяется съ смертію Христа Владыки (это значитъ, что съ смертію Христовою, по навѣтамъ Іудеевъ, рѣшена была и ихъ участь къ погибели, къ истребленію ихъ города и святилища), а смерть

Христа отнесена въ откровеніи къ семидесятой седмицѣ (въ томъ же, ст. 26): то указаніемъ на полседмины означается собственно то, что не вся послѣдняя седмица, а только половина ея назначается для крестоноснаго Христова дѣла, имѣвшаго кончиться Его смертію. — Но что разумѣть подъ *седминами*? Седмины *дней* или *мѣсяцевъ* не могутъ имѣть мѣста по явной невозможности совершиться столь великимъ и многимъ событіямъ (отъ возобновленія Іерусалима (*) до смерти Спасителя) въ продолженіи 490 дней, т. е. одного года съ третью, или въ 490 мѣсяцевъ, т. е. 40 лѣтъ съ небольшимъ. — Седмины *столтій* нейдутъ сюда по самой чрезвычайной продолжительности времени, не совмѣстной съ довольно ограниченою суммою событій, предрекаемыхъ съ обстоятельностью въ другихъ пророчествахъ Даніиловыхъ. Остается принять *седмины лѣтъ*. Событія показали, что, дѣйствительно, спустя 490 лѣтъ съ означеннаго выше срока, открылось на землѣ благодатное Христово царство, и что дѣло Христово, увѣнчанное смертію Его, совершалось въ полседмину лѣтъ, т. е. въ продолженіе трехъ лѣтъ съ половиною.

Такъ точно Даніилу, главѣ тогдашнихъ ученыхъ и мудрыхъ, стремившемуся къ возможно-точному постиженію истины, открыто время открытія Христомъ благодатнаго Его царства.

(*) Даніилу въ другихъ откровеніяхъ объяснено, что къ этому же промежутку времени относится явленіе и испроверженіе нѣсколькихъ царствъ.

Характеръ книги Св. Пророка Даниїла.

Въ заключеніе нашихъ изслѣдованій о книгѣ Пророка Даниїла скажемъ нѣсколько словъ о ея характерѣ и руководственномъ значеніи.

Характеръ книги объясняется изъ свойствъ этого сосуда Св. Духа—самого Даниїла, который, по Божественному вдохновенію, написалъ эту книгу. Ибо Св. Духъ, въ своемъ вдохновеніи, дѣйствуетъ обыкновенно согласно съ пріемлемостію и свойствами избраннаго своего органа. Такъ, высокая отличительная черта Пророка Даниїла есть духовное любовѣдѣніе, которое подъ наитіемъ Св. Духа и раскрыло великую особенность пророчесственныхъ откровеній въ его книгѣ. Эти откровенія почти всѣ вращаются около одного и того же предмета—слѣдованія одного за другимъ Боговреждебныхъ царствъ, послѣ которыхъ и откроется побѣдоносное надъ ними Царство Божественное, Христово, *царство святыхъ*. Дѣло въ томъ, что Пророкъ, по свойственному любовѣдѣнію своего духа, желалъ и иногда съ рыданіемъ и постомъ молилъ у Господа (ст. X, 2. 12) точнѣйшаго уразумѣнія открываемой тайны. И вотъ одинъ и тотъ же предметъ во многихъ откровеніяхъ разясняется Пророку болѣе и болѣе; это ненапрасное повтореніе одного и того же, но возведеніе *мужа желаній*,

какъ называетъ Даниїла Ангелъ (по переводу 70-ти, X гл. II ст.), отъ одной степени разумѣнія тайнъ къ другой отъ низшей къ высшей. Откровеніе, данное Даниїлу для протолкованія сна Навуходоносора, слишкомъ общо; откровенія, данныя потомъ въ видѣніи символическихъ звѣрей, раскрываютъ смыслъ прежняго откровенія гораздо обстоятельнѣе и подробнѣе; послѣднее же откровеніе, относящееся къ общему съ прежними откровеніями предмету, такъ обстоятельно и точно, что въ пророчествѣ недостаетъ только собственныхъ именъ для ясности просто исторической. Пророкъ и послѣ того стремился еще къ высшему и точнѣйшему разумѣнію той же тайны. *Азъ же, говоритъ самъ Даниїль, слышахъ и не разумѣхъ, и рѣхъ: Господи, что послѣдняя сила* (XII, 8)? И только сокровенность тайны, невмѣстимая еще для тогдашняго времени въ своемъ открытомъ свѣтѣ, была причиною, что рядъ откровеній пресѣкъся для Даниїла (ст. 9 и 13).

Также о Даниїлѣ извѣстно изъ его книги, что онъ получилъ въ Вавлонѣ (разумѣется, сообразное своему времени) образованіе и былъ мужъ не только ученый, но и начальникъ и глава надъ всею Вавилонскою кастою ученыхъ (II, 48). Отсюда можно объяснить и другую важную особенность книги Даниїловой. Духъ Св. вдохновлялъ и его также, какъ напримѣръ Исаію, Іеремію и Іезекіиля. Но эти и подобные имъ святые пророки получали откровенія, какъ Богопосланные проповѣдники для народа. Даниїль же, какъ свойственно *кабинетно-*

му, такъ сказать, мудрецу, занять былъ открываемыми ему спасительными тайнами самими по себѣ; проводить эти тайны въ сознаніе и жизнь народа чрезъ пророчесвенныя проповѣди было и его призваніемъ. И вотъ, у него въ пророческихъ книгѣ нѣтъ ни увѣщаній, ни обличеній, ни вдохновенныхъ витіеватыхъ утѣшеній. Какъ въ исторической части его книги излагаются только факты, такъ и въ чисто-пророчесвенномъ отдѣлѣ книги слѣдуютъ одни за другими откровенія простыя, какъ своего рода факты, безъ всякихъ дальнѣйшихъ примѣненій. Такъ Духъ Божій спускался къ пріемлемости святыхъ избранныхъ сосудовъ исполняя и движа ихъ своимъ вдохновеніемъ.

Наконецъ изъ того обстоятельства, что Даниилъ хотя былъ еврей, но воспитанъ былъ и жилъ среди Халдеевъ, объясняется та особенность книги этого Пророка, что книга его отчасти (именно въ той части своего состава, гдѣ дѣло касается ближайшимъ образомъ современныхъ ему язычниковъ) написана на Сиро-Халдейскомъ (съ 4 ст. II гл. и VI главу), а отчасти на Еврейскомъ (все остальное въ книгѣ).

—

Руководственное значеніе книги.

Книга Даніила, раскрывающая состояніе Израіля въ Вавилонскомъ плѣну подъ особенно-явнымъ призрѣніемъ Божественнымъ и вмѣстѣ предуказующая то въ символахъ, то и прямыми чертами подлежащій Израілю дальнѣйшій путь до самаго пришествія Христова, служитъ руководствомъ для нашей вѣры и церкви особенно въ тяжелыхъ и трудныхъ ея обстоятельствахъ (разумѣя не одну внѣшнюю затруднительность, но, по свойству Новаго Завѣта, особенно духовную, состоящую напр. въ запутанностяхъ разныхъ направленій, въ вѣковыхъ умозрительныхъ или практическихъ заблужденіяхъ).

Состояніе Израіля, современное Даніилу и изображенное имъ въ его книгѣ, таково: — Не говоримъ о раззореніи святаго города, объ оскверненіи Сіона, о сожженіи храма, объ отведеніи Іудеевъ изъ земли обѣтованной въ чуждую и вражескую, о прекращеніи жертвъ, лишеніи своего роднаго царя изъ дома Давидова. Кромѣ всего этого, вавилонскіе преобладатели Израіля для упроченія, конечно, своего владычества надъ Іудеями стремились овладѣть самымъ духомъ молодаго поколѣнія; это видно изъ того, что наилучшихъ изъ этого юнаго поколѣнія Вавилонскій царь приказалъ воспитывать и учить вмѣстѣ съ дѣтьми туземными (см. 1 гл.). Іудеевъ

за вѣрность Іеговѣ, отказывающихся кланяться самодѣльному божеству, бросали въ огонь (см. III гл.). Благочестивому еврею, обращающемуся къ святому граду и храму для поклоненія Истинному Богу, предлежала опасность подвергнуться казни, — именно снѣденію отъ кровожадныхъ львовъ (см. VI гл.). Самая ученость и мудрость не только не спасали отъ подобныхъ опасностей, но и сами по себѣ могли быть жертвою своеправнаго и жестокаго деспотизма (см. II гл.). Поруганіе надъ Божиимъ народомъ и его святынею простиралось до того, что священные сосуды Іерусалимскаго храма употреблялись при столѣ роскошествующимъ невоздержаніемъ Вавилонскаго царя (см. V гл.). Если такое состояніе взять въ самомъ его духѣ и чрезъ это перевести его на почву Новозавѣтнаго воззрѣнія и времени, это будетъ вотъ какое состояніе. Представьте себѣ тѣхъ чадъ Новаго Ізраиля или христіанъ, у которыхъ святилище ума и сердца извращено ложными идеями и правилами, *житѣльство со Христомъ въ Богѣ* прекращено, которые изъ области благодати и истины Христовой выгнаны деспотизмомъ нехристіанскихъ воззрѣній и злыхъ страстей, надъ духомъ которыхъ уже не царствуетъ истинный ихъ Царь-Христосъ Господь. Возьмите во вниманіе, притомъ, такіе (положимъ, частные) случаи, когда самое воспитаніе и образованіе юнаго Христіанскаго поколѣнія располагается или прямо по противнымъ Христу началамъ, или только по мертвой буквѣ Христіанскаго ученія. Если бы, среди подобнаго духовновавилонскаго плѣна тѣхъ или другихъ Хри-

стіанъ, въ комъ либо изъ нихъ духъ вѣры порывался бы или возвыситься надъ мертвыми формами самой вѣры или противостать лжи невѣрія, то ему грозила бы неминуемая опасность отъ огня преслѣдованій или убійственныхъ столкновеній съ людьми, отъ звѣрства злобы, неразумія и оскорбленной гордости многихъ. Тутъ не спасетъ отъ опасностей, отъ внутреннихъ и вѣшнихъ затрудненій никакое глубокое знаніе Христовой истины, никакая многосторонняя мудрость; напротивъ знанію-то и мудрости и надо будетъ выдерживать жестокую борьбу съ своенравіемъ господствующихъ превратныхъ направленій. Вотъ что видно въ зеркалѣ Даніилова вѣка, въ зеркалѣ событій, совершавшихся особенно съ нимъ и его друзьями.

Посмотримъ теперь, что дѣлаетъ благодать для вѣры въ такихъ примрачныхъ и тяжелыхъ обстоятельствахъ послѣдней. Книга Даніила высказываетъ намъ, по этому предмету, слѣдующее. На основаніи имѣвшаго еще отторгнуться отъ таинственной горы Божественнаго Камня или вочеловѣченія Сына Божія, предуказаннаго тогда же явленіемъ Его въ разженной печи, послужившей въ настоящемъ случаѣ выразительнымъ образомъ Пресв. Богородицы, Израиль и въ Вавилонскомъ плѣнѣ открыто для міра оказывался возлюбленнымъ Божиимъ народомъ. Это столь торжественно и поразительно проявлялось, что самый грозный поработитель этого народа, опустошитель земли обѣтованной, разоритель храма и святаго града, подвигнуть былъ къ все-народному проповѣданію своимъ подданнымъ о Богѣ

Израилевоу; — для чего этотъ деспотъ—язычникъ (Навуходоносоръ) удостоивался и самъ откровения Божественнаго, и даже въ глубинѣ своей сатанинской гордыни взысканъ и усмирень былъ особою правдою и милостію Божіею. Вѣра представителей и образцевъ молодаго поколѣнія успѣла достигнуть того, что и при Вавилонскомъ воспитаніи они не осквернялись язычествомъ и превзошли язычествующихъ сверстниковъ своихъ развитіемъ духовныхъ и физическихъ силъ. Такъ же среди и пламени пещнаго и лютыхъ звѣрей вѣрные Богу своему чада Израиля, оставались цѣлы и невредимы. И Богопросвѣщаемый еврейскій мудрецъ, по сознанію и распоряженію самыхъ поработителей избраннаго народа, становился во главу всѣхъ мудрецовъ Вавилонскихъ. Такъ точно и въ Новомъ Израилѣ, среди какихъ бы ни было духовныхъ или внѣшнихъ озлобленій вѣры, только бы эта вѣра твердо во всемъ держалась Божественнаго Камени—Господа, вочеловѣчившагося ради насъ грѣшныхъ и погибающихъ челоуѣковъ; и притомъ, непременно направлялась бы тѣмъ духомъ Господня челоуѣколюбія, не отвергавшаго, даже въ строгомъ Вѣтхомъ Завѣтѣ, и такихъ людей, каковъ былъ поработитель Божія народа, опустошитель святыни, своеправный и гордый языческій деспотъ—Навуходоносоръ. Тогда и среди всяческихъ дурныхъ примѣровъ, при разливѣ, чуждой всякаго стремленія—нослужить имени Христову, книжности и учености, при усиленіи безжизненныхъ или одностороннихъ понятій о самомъ христіанствѣ или православіи,

вѣра будетъ воспитываться и просвѣщаться безъ опасности оскверненія или омертвѣнія отъ невѣрныхъ и мертвыхъ направленій и идей. И рано или поздно, такая вѣра станетъ во главу всей мірской учености даже и съ языческимъ ея направленіемъ, какъ Даніилъ былъ поставленъ отъ языческаго владыки во главу Халдейскихъ мудрецовъ. Рано или поздно такая вѣра будетъ направлять всю общественную жизнь и политику, какъ Даніилъ сталъ при самомъ средоточіи Вавилонской и потомъ Мидо-Персидской, по тогдашнему времени почти всемірной державы и дѣйствовалъ могущественно на духъ царей и (чрезъ нихъ) всѣхъ, подвластныхъ имъ, народовъ.

Для того, чтобы не ослабить силы этого руководительнаго урока слова Божія изъ кн. Даніила, отвлеченіемъ вниманія вѣры къ другимъ подобнымъ урокамъ изъ той же книги, мы не хотѣли бы распространяться еще ни о чемъ другомъ. Это тѣмъ болѣе, что въ очеркѣ содержанія книги Даніиловой мы, по возможности, уже такъ и поставляли на видъ всякую существенную черту этого содержанія, чтобы уже просто было желающему и разсуждающему воспользоваться этою чертою для своего руководства. Замѣтимъ только вообще и одно, что въ Ново-Завѣтномъ откровеніи будущаго (Апокалипсисѣ) Св. Духомъ воспроизводятся нѣкоторыя важнѣйшія видѣнія Даніиловы: такъ, четыре звѣря Даніилова видѣнія (VII гл.) явно совокуплены въ видѣ одного апокалипсическаго звѣря (XIII гл.), въ составѣ котораго есть стороны и льва, и мед-

вѣда, и барса, и еще какого-то звѣря съ Богохульными устами. Также еще, и въ Ново-Завѣтномъ откровеніи Архистратигъ небесныхъ силъ *Михаилъ* является, по дѣлу церкви Ново-Завѣтной, борющимся съ княземъ лжи, какъ видѣлъ и Даніилъ, по отношенію къ церкви Ветхозавѣтной, того же Михаила, съ другимъ безплотнымъ служителемъ Божіей истины, борющимся противъ разныхъ князей языческой лжи (Дан. X гл. слч. Апокал. XII гл.). Ясно, что пророчества Даніиловы, такъ многосторонне раскрывавшія будущія судьбы церкви Ветхозавѣтной и тогдашняго міра до явленія Христа съ благодатнымъ Его царствомъ, предугазываютъ духъ и силу судебъ и нынѣшнихъ, относящихся, т. е. къ Новозавѣтной церкви и міру временъ христіанскихъ. Убоимся же, въ чемъ-бы то ни было, въ дѣлѣ ли знанія или практической жизни во всѣхъ средахъ, начиная отъ властительныхъ до чернорабочихъ, убоимся отступать отъ Божественнаго Камня или Сына человѣческаго, приводящаго въ Себѣ Самомъ къ своему Отцу единосущному съ Нимъ по Божеству, всѣхъ человѣковъ — и съ умомъ человѣческимъ и сердцемъ и волею и съ самымъ тѣломъ; только бы они сами принимали такую благодать Вѣдь на сколько въ чемъ мы отступали бы отъ Христа, отъ Его человѣколюбиваго духа и благодатной силы, на столько переходили бы мы къ человѣкоубійственному духу мысленныхъ звѣрей или безсмыслию животныхъ, — на столько входили бы въ составъ чудовищнаго тѣла, которое должно быть разбито въ прахъ отъ

Божественнаго Камня—Христа, не смотря на свое громадное величіе и цѣлостное своего рода единство. Но, съ другой стороны, въ предостереженіе наше отъ жестокой ревности не по разуму, не забудемъ, что уже и въ Ветхомъ Завѣтѣ, чувственно-образно представляющемъ и благодать и противоборную ей сторону; частію ꙗже предугазывалось уже, что *нѣсть наша брань къ плоти и крови, къ человѣческимъ личностямъ и народамъ, а къ человѣконенавистнымъ началамъ и міродержителямъ тьмы*, что и въ язычникахъ и страшныхъ грѣшникахъ, подобныхъ горделивому Навуходоносору, могли оказаться великія стороны, открытыя для вліяній человѣколюбивой благодати. Святые Ангелы, и истинно-равно ангельные люди, одушевляемые человѣколюбивымъ духомъ той же благодати, да отстоятъ этою самою Христовою благодатію не только отъ безпощадности человѣческой, но и отъ лютой человѣкоубійственныхъ князей или звѣрей самые слабые начатки, самые дѣтскіе зародыши всего лучшаго, Христова, хотя бы то было въ людяхъ и языческой средѣ! Сама Матерь Божія, предъизображенная по церковному созерцанію вавилонскою пещію, въ которой явился *зракъ подобенъ Сыну Божію* для спасенія вверженныхъ въ нее трехъ отроковъ, да сбережетъ и воспитаетъ и возраститъ духъ своего Сына во всѣхъ (не только въ физическомъ отношеніи, но и въ умственномъ и нравственномъ) отрочатахъ Новаго Израіля среди этого разрушительнаго вавилонскаго пламени всевозможныхъ въ наше время **лживыхъ или одно-**

стороннихъ направленій и началъ также какъ и
внѣшнихъ трудностей и бѣдствій жизни. А каж-
додневныя напоминанія въ церковныхъ пѣсняхъ (въ
7 и 8 пѣсняхъ каноновъ) о событіяхъ Даніиловой
эпохи да оживляютъ для насъ тѣ уроки слова Бо-
жія, какіе можно и должно почерпнуть изъ Даніи-
ловой книги.

Конецъ.

ОПЕЧАТКИ.

		Напечатано:	надо читать:
Стран.	Строк.		
1	14 св.	его	ей
4	11 св.	всѣми	надѣ всѣми
22	2 св.	мудрецы	. Мудрецы
28	16 св.	<i>си</i>	„си“
31	8 св.	символическая	символическаго
—	7 св.	и золотой	о золотой
32	15 св.	царя	царя, выражая завися- мость самыхъ душъ отъ языческ. началъ,
34	1 св.	духомъ	Давидъ
38	6 св.	.—По	,—по
40	16 св.	казней	козней
45	15 св.	самаго	во <i>онъхъ</i> самаго
54	8 св.	нимъ	ними
—	7 св.	Богъ	Богъ
—	1 св.	сказано,	сказано:
55	1 св.	. Богъ	, Богъ
59	9 св.	языковъ,	языковъ, направленій и началъ,
68	4 св.	предъявлялась	предъявилась
71	13 св.	дѣйстви	дѣйстви
—	11 св.	вѣры; и	вѣры и
79	2 св.	скомчался	скомчался
81	2 св.	вопросительно о	относительно
87	14 св.	<i>си</i>	<i>еси</i>
90	15 св.	смѣтная	смѣшная
94	1 св.	отряжала	отражала
98	2 св.	Валтасарова	Валтасара
99	6 св.	Евельмеродихъ	Евельмеродахъ
—	9 св.	сравненіе	сравненіе:
—	2 св.	. Господь	, Господь
103	4 св.	царствъ	, царства
—	3 св.	до	дошедшаго до
104	11 св.	<i>соодолжитъ</i>	<i>соодолжаетъ</i>
113	10 св.	<i>erexit</i>	<i>erexit</i>
116	11 св.	Какметъ	Калметъ
— 11 и 12 св.		подпавшихъ Филинамъ	подпавшихъ власти Эл- линовъ
125	3 св.	изображаетъ	изображается
129	14 св.	съ сыномъ	сыномъ
133	5 св.	.— Можемъ	,—можемъ
—	4 св.	издавна	издѣвка

134	13 св.	1,167	1,277
—	12 св.	почти равное	близко подходящее къ
—	14 св.	изчисленіе	и счисленію
—	15 св.	1,190	1, 290
—	17 св.	цитованномъ.	тайнознаменательномъ
			(XII, 6. 14.)
—	20 св.	1,160	1, 260
—	— св.	самое	почти самое
137	13 св.	это	эти
—	14 св.	символъ	символически
—	3 св.	побѣдоносцымъ	побѣдоноснымъ
—	13 св.	откровения	откровеніе
138	10 св.	положительныя и отри-	положительная и отрица-
		цательныя	тельная
140	10 св.	безконечной,	безконечно-
142	11 св.	ихъ	Ему
148	5 св.	<i>пріѣше</i>	<i>пріѣша</i>
—	6 св.	<i>защити</i>	защиту
151	15 св.	превознесеніе	превознесенія
—	18 св.	я	а
156	8 св.	весь	весь
—	13 св.	Господа	Господа)
—	2 св.	покушенію	покушеніе
159	10 св.	обезпеченіемъ	обозначеніемъ
—	14 св.	170,	17
160	9 св.	обозреть	обозримъ
164	15 св.	какъ бы	каковы
168	2 св.	имъ.	имъ. —
—	5 св.	:—царство	.— Царство
169	11 св.	святѣй	„святѣй
—	13 св.	<i>будетъ</i>	<i>будетъ</i> “
—	15 св.	Филонагоръ	Филонаторъ
170	9 св.	въ другое	съ другой—
171	4 св.	Епифана.	Епифана?
—	10 св.	чадо	чада
172	12 св.	не	ни
—	13 св.	проникался	проникалъ
175	6 св.	сколько и	сколько
—	11 св.	необходимаго	необходимо
184	9 св.	надъ	и надъ
186	10 св.	тѣмъ	этимъ же
189	10 св.	и языческой средѣ	изъ языческой среды

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>